

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

КУЛЬТУРА

НАУКА

ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

основан 1 декабря 2006 года

выходит 4 раза в год

№ 2 (47) 2018

Иркутск

КУЛЬТУРА. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет путей сообщения»

Главный редактор журнала: ректор ИрГУПС, д-р техн. наук, проф. *С. К. Каргапольцев*

Заместитель главного редактора: канд. ист. наук, доц. *В. В. Третьяков*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук, проф. *Ч. Г. Андреев* (Улан-Удэ); д-р филос. наук, проф. *А. А. Атанов* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *А. В. Гайдамакин* (Омск); д-р ист. наук, проф. *А. В. Дулов* (Иркутск); к. филол. наук, доцент *О. Н. Касаткина* (Иркутск); д-р филос. наук, проф. *В. Е. Осипов* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Ю. А. Петрушин* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Н. С. Рубцов* (Красноярск); д-р филос. наук, доц. *Е. Н. Струк* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *В. Г. Третьяков* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Г. А. Цыкунов* (Иркутск); к. юр. наук, доцент *А. А. Тюкавкин-Плотников* (Иркутск); к. мед. наук, доцент *В. А. Чичкалюк* (Иркутск); д-р геогр. наук, проф. *А. Я. Якобсон* (Иркутск)

Ответственный секретарь – *Н. В. Никифорова*

Ответственный за выпуск:

д-р ист. наук, проф. *В. Г. Третьяков*

Адрес редакции:

664074, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»
Кафедра философии и социально-гуманитарных наук
Тел.: (3952) 63-83-11 (01-47)
E-mail: tretvv@yandex.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77 – 68123 от 21 декабря 2016 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Журнал включен в систему РИНЦ

Выходит 4 раза в год
Издается с 2006 года

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 (47)
2018

ФИЛОСОФИЯ

- Осипов В. Е.** (Иркутск)
Материя, содержание и форма как онто-гносеологические категории 7
- Кацаев А. Е.** (Иркутск)
Пролетарский интернационализм и война народов в теории марксизма 26
- Егоров А. В.** (Иркутск)
Культура совести как принцип научного познания 46

ИСТОРИЯ

- Третьяков В. Г.** (Иркутск)
Из когорты самых знаменитых железнодорожников России (к 100-летию со дня рождения Г. И. Тетерского) 54
- Козлова Е. А.** (Иркутск) Путь человека 69
- Никифорова Н. В.** (Иркутск)
Пути сообщения в Забайкалье до проведения железной дороги (середина XVII в. – 1880-е гг.) 76
- Хобта А. В.** (Иркутск)
К истории выполнения изыскательских и проектных работ для Байкало-Амурской магистрали на участке Тайшет-Лена в 1880-е – 1930-е гг. 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Путилина Т. Г.** (Новосибирск)
Постконфликт в эпистолярном жанре (на материале поздней редакции «Писем из Сибири» М. С. Лунина) ... 110
- Малыгин А.Н.** (Иркутск)
Старообрядчество как отражение религиозно-философских исканий русского общества XVII в. 122

ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

- Либенсон И. Р., Зайковская А. А.** (Иркутск)
О способе социального управления 130

Шевчук Е. П., Шолохова Э. А. (<i>Иркутск</i>)	
Проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг в Российской Федерации	138

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ

Середа Л. И. (<i>Чита</i>)	
Коммуникативно-деятельностный подход в обучении иностранному языку в техническом вузе	146
Требования к оформлению представляемых в редакцию материалов	157

CONTENTS

№ 2 (47)
2018

PHILOSOPHY

- Osipov V. E.** (*Irkutsk*)
Matter, contents and form as onto-gnoseological
Categories 7
- Kaschaev A. E.** (*Irkutsk*)
Proletarian internationalism and war of the people
in the theory of Marxism 26
- Egorov A. V.** (*Irkutsk*)
The culture of conscience in the context existence
and experiences 46

HISTORY

- Tretyakov V. G.** (*Irkutsk*)
From a cohort of the best-known railroad workers
of Russia (to the 100 anniversary since the birth
of G.I. Tetersky) 54
- Kozlova A. E.** (*Irkutsk*)
The path of a man 69
- Nikiforova N. V.** (*Irkutsk*)
Means of communication in Transbaikalia
before carrying out the railroad (the middle
of the 17th century – the 1880th) 76
- Hobta A. V.** (*Irkutsk*)
To history of performance of prospecting
and project works for the Baikal-Amur mainline
on the site Taishet-Lena
in the 1880th – the 1930th 96

CULTURAL SCIENCE AND LINGUISTICS

- Putilina T. G.** (*Novosibirsk*)
Post-conflict in the epistolary genre
(on material of late edition "Letters from Siberia"
of M. S. Lunin) 110
- Malygin A. N.** (*Irkutsk*)
Staroobryadchestvo as reflection of religious
and philosophical searches of the Russian society
XVII of century 122

LAW AND MANAGEMENT

Libenson I. R., Zaikovskaya A. A. (Irkutsk)	
About the method of social management	130
Shevchuk E. P., Sholokhova E. A. (Irkutsk)	
Problems of legal regulation of medical services in the Russian Federation	138

THEORY AND PRACTICE OF EDUCATION

Sereda L. I. (Irkutsk)	
Communicative-activity approach in teaching a foreign language in the technical university	146
Information for authors	157

ФИЛОСОФИЯ

УДК 122/129

В. Е. Осипов*

МАТЕРИЯ, СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА КАК ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

В статье рассматривается отношение между понятиями «материя», «содержание» и «форма», дается определение этих понятий. Дан анализ введенного автором понятия «закон-тенденция».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: материя, содержание, форма, закон-тенденция, объективная реальность.

V. E. Osipov

MATTER, CONTENTS AND FORM AS ONTO-GNOSEOLOGICAL CATEGORIES

In article the relation between the concepts “matter”, “contents” and “form” is considered, definition of these concepts is given. The analysis of the concept “law tendency” entered by the author is given.

KEYWORDS: matter, contents, form, law tendency, objective reality.

*Тысячи путей ведут к заблуждению,
к истине – только один.*

Ж.-Ж. Руссо

*Правильно называют Истину дочерью Времени,
а не Авторитета.*

Ф. Бэкон

Действительно, многие пути ведут к заблуждению. Также тысячи неизвестных тропинок и непроходимых, нетронутых мест преодолевает мыслящий разум в поисках истинного ответа на волнующие его вопросы. Но среди этого бесконечного множества возможных путей есть один, который как общеметодологический принцип довлеет над всеми другими, служит ориентиром для исследования в его поисках нужного, наиболее оптимального выхода из сложного лабиринта проблем. Это

* **Осипов Василий Евдокимович**, доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.

принцип конкретности истины, непреложное методологическое требование учитывать в поисках истины тот факт, что она выражает собой определенную социальную и научную эпоху.

Абсолютными истинами, в которых окончательно сформулированы принципиальные положения науки или философии, владеют только ограниченные и застывшие умы; в каждую историческую эпоху истина необходимо подлежит уточнению и осмыслению. Всякая Истина, если только она не затрагивает самые простые и элементарные факты человеческого бытия, должна рассматриваться в процессе ее становления и развития, в процессе ее постоянного творческого анализа, при котором конструктивные и позитивные стороны и элементы непременно должны преобладать над пустыми метафизическими и нигилистическими отрицаниями.

Труден и мучителен путь исследователя к Истине. Но по мере того, как человечество шаг за шагом постигает ее идеи, все более становится ясным, что все веления истины достаточно простые. Это совсем не означает, что все простые мысли человека гениальны и истинны. Иногда простота действительно хуже воровства и граничит с глупостью; пути постижения истины в науке здесь не исключение.

Нет ничего более сложного в философии и методологии науки, чем рассматривать вопросы, о которых прочно утвердилось мнение, что они решены, знание о них есть истина, не подлежащая сомнению. Такие «истины» есть или были в каждой науке, есть они и в философии. Например, суждения: материя первична, сознание вторично; все философские системы и учения можно и нужно разделить на материалистические и идеалистические; содержание определяет собой форму, а не наоборот. Аналогично утверждение о том, что объект определяет собой субъект, без объекта нет субъекта и т. д. Все это сложившиеся по разным причинам и основаниям штампы, свидетельствующие о заостенелости нашей мысли, ее несовместимости в данном случае с духом и принципами диалектики как всеобщей формы теоретического мышления. На самом деле и при внимательном, критическом анализе каждого «общепринятого» в философском и научном сообществе мнения все обстоит гораздо сложнее и проблематичней. Подлинное величие Истины заключено не только в строгой определенности формы ее выражения, но и включении в нее процессов неопределенности и многозначности как необходимого условия бесконечного стремления мыслящего разума все более полно познать мир в целом и природу самого человека, его сущность и жизнь во всем ее многообразии проявлений. И тогда перед нашим взором открывается прекрасный мир во всей его полноте, красоте и поливариант-

ности законов науки и их интерпретации. Одна логика строгих доказательств сама по себе бессильна отвечать на сложные вопросы науки и ее методологии. В постижении глубоких истин становится необходимостью органический союз философии и конкретно-научного знания, анализ общих закономерностей развития науки как целостного социо-культурного организма. Но и без строгой логики доказательств теория теряет свою определенность и системность. В этом случае теория превращается в простой набор суждений и фактов, лишенных единого методологического основания. Чтобы избежать данной ограниченности философии как теории, нам необходимо рассмотреть следующие вопросы в их органической целостности и логической определенности.

1. На каком основании мы можем утверждать, что содержание определяет собой форму, а не наоборот. В поисках ответа на этот вопрос важна не сумма примеров, которые не всегда подтверждают данный тезис, а строгая логика доказательств.

2. Какое место данные категории занимают в системе диалектики и в единстве с другими составляют ее целостное единство, образуют ее базовую модель.

3. Что такое содержание и форма в самом общем значении этих понятий, логики их развития в системе категорий диалектики и в общей системе философии. Выяснение содержания и смысла категорий материи содержания и формы, их онтологического и гносеологического статуса является одним из главных вопросов, исходным в анализе всей системы философии и ее диалектического метода мышления. Без предварительного решения этого фундаментального вопроса все другие концепции и философские идеи лишаются своего основания и как бы висят в безвоздушном пространстве, становятся бездоказательными, не связанными единым цементирующим началом; получается в этом случае чисто механическая сумма частей без единого систематизирующего целого.

Традиционные проблемы философии сформулированы и рассматривались еще в античной философии, особенно в учении Платона и Аристотеля. Но в последующем каждая эпоха теоретической мысли в своем поступательном развитии вкладывала свой специфический смысл в решение фундаментальных философских проблем, определяла их роль и значение в общей системе научного знания. В этой связи Ф. Энгельс отмечал: «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это – исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание» [1, с. 366].

Каждая историческая эпоха конструктивно-аналитически «перечитывает», переосмысливает теоретическое наследие прошлого, сохраняя и преумножая при этом все позитивное и значимое для последующего развития науки и общей культуры человека. В этом заключена суть принципа преемственности знаний в развитии науки; новое, более совершенное знание всегда базируется на предшествующем фундаменте теоретического мышления прошлых эпох. Без достаточно прочного фундамента в принципе невозможно взрастить единое, целостное и плодородное древо познания научной истины.

Каждая историческая эпоха в науке и в жизни человека постоянно наполняется новым содержанием, характеризуется поступательным развитием общества как целостного и системного образования. Поэтому перед мыслящим разумом всегда стоит грандиозная задача диалектически осмыслить это новое содержание и органически включить его в общую систему теоретического знания. В этом систематизирующем процессе значительная роль отводится философии как всеобщей форме выражения сущности бытия, представленного единством и многообразием его сторон, проявлений и состояний. Единство принципов поступательности и преемственности в развитии целостной системы выражается в его цикличности и характеризует собой суть диалектического закона отрицания отрицания.

В настоящее время просто необходимо конструктивно критически переосмыслить всю систему теории диалектики, ее законы, категории и принципы. К этому нас принуждает высокий уровень развития самой философии и многообразие ее форм, а также достижения современного естественно-научного знания, особенно физики, биологии, химии и других наук. Необходимо учесть при этом общий нелинейный характер современных преобразований в науке, культуре и социальной жизни в целом, современный стиль мышления в науке и духовной сфере общества.

К сожалению, в последние десятилетия в отечественной философской мысли наблюдается явная тенденция снижения интереса к проблемам диалектики; над интенсивностью явно преобладает экстенсивность. Возможно, это закономерный процесс, ибо бесперспективно все время находиться в границах одного и того же замкнутого круга уже решенных проблем и азбучных истин. Но при этом необходимо помнить и то, что великие идеи в науке и особенно в философии появляются в мыслящем разуме очень редко, они подготавливаются в течение длительного времени развитием науки, культуры и общественной жизни в целом. Творческие периоды в науке и философии постоянно чередуются с критическими, когда создается впечатление о том, что вирус гениальной

стерильности поражает мыслящий разум и конструктивно-творческое мышление в целом. Естественные науки в поисках истины относительно свободны от идеологических догм и учений. Философия и гуманитарные науки в целом все еще испытывают на себе сильное влияние идеологии и это влияние нередко в наших писаниях возвышает субъективный фактор над объективными подходами к поиску истины, где голос отрицания и нигилизм начинают возвышаться над творчески-конструктивным анализом проблемы.

Среди немногочисленных работ по диалектике в это время можно выделить монографию Г. Д. Левина «Философские категории в современном дискурсе» [2]. В целом это действительно обстоятельный анализ почти всех базовых категорий диалектики, но неистребимый из философии так называемый субъективно-идеологический фактор делает некоторые принципиальные выводы автора спорными и даже неприемлемыми с точки зрения принятой в научной среде общей культуры дискуссии.

Так, Г. Д. Левин в монографии вообще не рассматривает категорию содержания, заменив ее понятием материи. При этом, в пылу не очень корректной критики взглядов Ф. Энгельса и В. И. Ленина по данной проблеме, вообще рассматривает материю как некий реальный субстрат, противоположность форме, а не сознанию, как это принято в диалектико-материалистической философии. В принципе, в этой исходной посылке уже сказано все и на этом можно было бы закончить бесплодную дискуссию. Но высокие и не всегда обоснованные претензии профессора на свое величие и фундаментальное значение для науки и философии рассматриваемых в монографии проблем вынуждают нас осветить некоторые дискуссионные вопросы более подробно, не претендуя при этом на абсолютную истинность своих суждений и доводов. Подготовленный читатель сделает сам выводы в процессе знакомства с текстом оригинала и с данными замечаниями на основные идеи книги.

Главным аргументом в дискуссии с Ф. Энгельсом и В. И. Лениным по вопросу определения категории материи профессор Г. Д. Левин избрал тезис о строгом соблюдении логики обобщения понятий. Казалось бы действительно нужно соблюдать принцип единства диалектики, логики и теории познания, который в явной форме применил К. Маркс в работе над «Капиталом». Следует иметь в виду, что логика здесь не столько формальная, а диалектическая, которая наиболее полно реализует себя в методе восхождения от абстрактного к конкретному.

Логика – действительно строгий судья. Она запрещает такие суждения и умозаключения, которые не соответствуют ее законам. Но логика не является подлинно творческим методом мышления как, напри-

мер, интуиция и диалектика, которые более продуктивно и креативно проявляют себя не только в науке, но и в искусстве. С точки зрения формальной логики недопустимо, чтобы электрон одновременно обладал и волновыми и корпускулярными свойствами. Нелогично говорить, например, о тождестве противоположностей, а Н. Бор запишет мелом на доске знаменитое изречение: «Противоположности не противоречивы, а дополнительные». И уж совсем нелогично рассуждали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и С. Есенин, так как не бывает розового коня, а клен никогда не выходит на дорогу, чтобы спеть песню вербе и сосне; не может звезда с звездой говорить; и уж совсем логически противоречиво суждение, что где-то белка песенки поет и орешки все грызет, да не простые, а с золотыми скорлупками и изумрудными ядрами. Нет, все это нелогично, подобно мысли Гераклита о единстве, взаимопревращении соломы и золота, дня и ночи, света и тьмы и т. д. Нелогично с точки зрения двужначной логики, но вполне допустимо и конструктивно в образах искусства, в диалектической логике, в неклассическом и постнеклассическом стиле мышления.

Преимственность в науке, философии и любой другой среде культуры и искусства нужна. Но при этом необходимо учитывать тот непреложный факт, что каждая из этих сфер относительно самостоятельна в своем развитии. основополагающие понятия философии формировались веками на основе внутренней логики ее развития; их содержание и смысл могут не полностью совпадать с чисто научным толкованием. Чисто механический перенос здесь абсолютно недопустим. Логика хороша, но реальная жизнь иногда очень алогична.

К тому же в пылу полемики и в борьбе за чистоту логики мы сами нередко поступаем нелогично. Такое замечание можно сделать и тем, кто любой ценой желает ниспровергнуть классическое определение материи без какого-либо заметного позитивного вклада в решение данной проблемы. В частности объявляется, что Ф. Энгельс и В. И. Ленин дилетанты, они неверно, не по правилам логики определяли категорию материи, не соблюдали правила обобщения понятий [2, с 53]. Но внимательный анализ их определений показывает, что они не ставили своей задачей определить категорию материи через процедуру подведения ее под более широкое родовое понятие с указанием ее видового отличия. Поэтому мы видим здесь явное нарушение логического закона тождества, подмену понятий со стороны оппонентов.

Интересно отметить тот факт, что подходы Ф. Энгельса и В. И. Ленина к определению категории материи непосредственно вытекают из соответствующих суждений Г. В. Ф. Гегеля, которого как-то уже неудобно называть тоже дилетантом в логике. Он пишет: «Можно поэто-

му сказать, что не существует вообще материи, ибо она существует всегда как нечто определенное, конкретное» [3, с. 151].

По существу, эту идею и развивает далее Ф. Энгельс: «Материя, как таковая, это – чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их как телесно существующие под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим» [1, с. 570]. Ни о каком логическом выводе категории путем обобщения понятий здесь не идет речи; это можно было бы признать только в том случае, если рассматривать материю в качестве некоего субстрата или первосубстрата. Но именно против такого подхода возражает Ф. Энгельс, заявляя, что материи вообще, материи как таковой не существует, это понятие, которое возникло и сформировалось в философии в результате многовекового периода ее эволюции. Любые попытки рассмотреть, представить материю в виде некоторого первосубстрата возвращают нас к эпохе Фалеса Милетского и не подтверждаются современной наукой. В настойчивых попытках найти первоматерию современное естествознание все более склоняется к мысли о том, что материя многообразна в своих формах и не сводится к некоему единому чувственно воспринимаемому субстрату.

Классическому определению категории материи, принятому в философии, уже более ста лет. Есть дальнейшее развитие идей Г. В. Ф. Гегеля и Ф. Энгельса. «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [4, с. 131]. В данной статье нет смысла сколько-нибудь подробно раскрывать смысл и содержание определения, это многократно и обстоятельно сделано в философской литературе. Отметим лишь некоторые внешние стороны определения и сопутствующие им обстоятельства.

Данное определение возникло не в результате специальных методологических исследований проблемы, но сформулировано в процессе полемики с представителями философии эмпириокритицизма. Поэтому назвать это определение абсолютно строгим проблематично, хотя сущность категории материи отражена в нем достаточно полно. Дискуссия идет о форме. Так, введение в определение суждения о том, что объективная реальность дана человеку в его ощущениях, вызывает дополнительные вопросы: кем дана, как дана, как связаны наши ощущения и всеобщее абстрактное мышление. Пояснительные слова «копируется», «фотографируется» делают определение нестрогим, оно

содержит в себе некоторое остаточное влияние прежнего материализма. Но в целом бесспорно то, что в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», несмотря на ее полемический характер, содержится ряд глубоких идей и выводов – диалектико-материалистическая теория отражения, фундаментальная идея о неисчерпаемости материи, глубокий анализ сущности так называемого «физического идеализма», сущности кризиса современной физики и т. д. Эти идеи и выводы не потеряли своего фундаментального методологического значения и в современной философии.

Таким образом, мы можем достаточно четко выделить два подхода к изучению категории материи, в которых выражена сущность философии в целом и ее метода в частности. Первый – субстратный, или натурфилософский, основанный на докантовской метафизике и ее гносеологии. Второй – гносеологический, основанный на диалектико-материалистической методологии, представляет собой выражение принципа единства диалектики, логики и теории познания.

Суть различий этих подходов сформулирована еще Гегелем в определении метафизики: «Первым отношением мысли к объективности является наивный образ мышления, который не сознавая еще противоположности мышления в себе самому себе, содержит веру, что посредством размышления познается истина и что она обнаруживает перед сознанием то, что объекты суть поистине» [3, с. 133].

Итак, метафизический метод мышления основан на наивной вере в то, что понятия представляют собой непосредственное обобщение наших представлений о реальных, чувственно воспринимаемых объектах и поэтому они суть поистине. Следовательно, и в понятии материи как первопричине всего сущего должна быть отражена истина, выраженная в форме первосубстрата, реально существующей и чувственно воспринимающей объективной реальности. Такова логика рассуждений критиков классического определения категории материи, которая основана на представлении об относительной самостоятельности и противоречивом характере теоретического мышления, на признании противоположности мышления в себе самому себе.

Ограниченность метафизического метода мышления отмечал и Ф. Энгельс: «Это старая история. Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями» [1, с. 550]. Отмеченная ограниченность эмпиризма в некоторых современных философских исследова-

дованиях является питательной средой для чисто нигилистической критики системы законов и категорий диалектики без каких-либо значительных конструктивных решений ее фундаментальных проблем. Воистину, не судите да не судимы будете. Субстратно-эмпирический подход к анализу основополагающих понятий современной философии бытия это ничто иное как неудачные попытки возродить архаичный стиль мышления и докантовскую метафизику.

Так, изложение раздела «Материя и форма» в монографии Г. Д. Левина выглядит внешне наукообразно и сложно для восприятия. Но если разрубить этот клубок логических хитросплетений, явно обнаруживается его простоватость как рудимент натуралистического мышления в современной философии.

Исходным положением всего дискурса является суждение о том, что материя – это единый и реально существующий субстрат, или даже протосубстрат всего сущего в мире, представление о котором можно получить, если производить расчленение «Универсума» до его исходного, далее неразложимого начала. Причем «Универсум» это не обобщенное представление о мире в целом, как это принято считать в философии, но все сущее, рассматриваемое в единстве. По объему «Универсум» совпадает с понятием «космос» и «Вселенная» [2, с. 22]. Уже здесь мы можем заметить нарушение принципа логики, без необходимости множим сущности, ибо кроме необычной формы понятие «Универсум» никакой новой информации в себе не содержит. Необходимо в данной связи напомнить и то, что Вселенная («Универсум») бесконечна в пространстве и во времени, в многообразии своих качественных форм проявления и поэтому в принципе не может быть сведена к конечному результату в процессе ее мысленного деления. Реальное же деление бесконечной Вселенной на конечные формы невозможно в принципе. Такой образ может возникнуть только как результат нездоровой фантазии.

Логические неувязки, доходящие до софистики, преследуют уважаемого логика и далее. Сознание – это не материя, как думали вульгарные материалисты. Это действительно так, и все это школьная истина. «Но если сознание не материя, значит, это форма» [2, с. 52]. Да уж, логично! Прямо как летний снег на голову. Почему «значит форма»? Ничего не значит, этот вывод есть чистейшая софистика, достойная быть классическим примером во всех учебниках логики. Но самое интересное заключается в том, что, оказывается, сознание – это аспект, разновидность формы, и мы снова попадаем в замкнутый логический круг. То есть, если сознание не материя, значит это сознание. Как говорят в таких случаях «сало есть сало».

По мнению Г. Д. Левина, ошибка Ф. Энгельса и В. И. Ленина заключается в том, что они говорят о соотношении материи и сознания, да еще и понятие материи употребляют без кавычек. Нужно же говорить якобы о соотношении объективной реальности и формы. При этом объективная реальность (бытие) состоит из материи, подобно тому, как форма состоит из сознания (субъективной реальности) [2, с. 46].

Все эти рассуждения выглядят как-то по-детски наивно и бездоказательно, и не верится, что это мог сформулировать маститый философ, который живет и работает в очень серьезных образовательных и научных учреждениях, расположенных достаточно далеко от упомянутого автором реального, а не мистического города Урюпинска в Волгоградской области.

Понятия бытия и объективной реальности не тождественны и по содержанию, и по смыслу, и по их роли в общей системе философии, системе категорий диалектики. Данное положение – общеизвестная азбучная истина, и в данной статье нет смысла более подробно рассматривать этот вопрос.

Абсолютно произвольным, если не более того, является утверждение о том, что объективная реальность (бытие) состоит из материи, а форма состоит из сознания. Данное суждение неверно ни с точки зрения логики, ни философии и не согласуется и с современными естественно-научными выводами. Понятие имеет смысл только на уровне анализа простейших суммативных систем и объектов, да и то со многими оговорками. При анализе более сложных систем, на биологическом и социальном уровне, в физике микро- и мегамира мы в принципе не можем утверждать, что они состоят из чего-либо, более простого как субстрата. Также философская категория «объективная реальность» не может состоять из другой философской категории «материя». Такие утверждения выглядят по меньшей мере некорректно.

Подводя итог своему исследованию, Г. Д. Левин предлагает очень простое и оригинальное решение. Реальность он подразделяет на объективную, которая состоит из материи как первосубстрата, и субъективную – форму, которая включает в себя сознание. В. И. Ленин определил якобы не материю, а объективную реальность. Поэтому классическое определение предлагается трансформировать, исключив материю из рассмотрения как ненужный элемент. Предлагается новое определение: «Объективная реальность есть философская категория для обозначения... реальности, которая... отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». И далее: «Перед нами определение, содержащее критерий демаркации между реализмом (включающим материализм и объективный идеализм) и субъективным идеализмом» [2, с. 49].

Вся эта так называемая трансформация представляет собой нечто иное как испорченный вариант классического определения категории материи и в содержательном плане не несет в себе никакой новой информации. Более того, попытки исключить категорию материи из общей системы диалектики, заменить ее понятием движения показали свою несостоятельность еще более ста лет назад. Возрождение общей идеи энергетизма при анализе категории материи в современных условиях представляет собой нечто иное, как скрытый отказ от принципов диалектико-материалистической философии в целом. В историко-философской мысли, пожалуй, впервые отождествили материализм с реализмом и объективным идеализмом. Напротив, весь пафос работы «Материализм и эмпириокритицизм» состоит в решении проблемы демаркации материализма и идеализма во всех его формах. Но главное значение классического определения в том, что в нем выражен явный переход от натуралистического мышления и субстратного представления категории материи к ее гносеологической интерпретации.

Общие вопросы и закономерность развития познания, как процесс погружения в сущность вещей, представлены в диалектико-материалистической теории отражения. В наиболее общей форме и в историческом плане процесс познания – это движение мысли от живого созерцания к абстрактному мышлению, от явления к сущности. Этот путь не является жестко детерминированным и однозначным процессом, но может рассматриваться лишь как некоторая тенденция развития теоретической мысли. Теоретическое мышление на определенном этапе своего развития приобретает относительную самостоятельность и свободу от непосредственной связи с чувственной ступенью познания, развивается по своим собственным законам. Таким образом формулируются не только понятия-абстракции, но и их более высокие формы и порядки – абстракции от абстракций. Становятся опосредованными их связи с непосредственными чувственными восприятиями, данными опыта и наблюдения, для описания которых значительную роль играют эмпирические теории и абстракции низшего порядка. Данный процесс особенно проявляет себя в математизированных теориях и самой математике, в теоретической физике и, как общая тенденция, в современной науке в целом. В специфической форме данная тенденция проявляет себя и в современной философии, эмпирическим фундаментом которой служат достижения конкретно-научного знания, а теоретическим базисом – логика ее собственного развития как системного образования. Эта отличительная черта философии накладывает свой отпечаток и на формы выражения ее законов, категорий и принципов, в частности, на спе-

цифику определения категории материи. Оно должно быть логически строгим и определенным и в то же время отражать собой потенциальную возможность выхода на конкретно-научное знание, неопределенность и образность мышления всеобщей формы.

Мы предлагаем следующее определение. ***Материя – это вещественная субстанция, основа и первопричина наличного бытия как объективной реальности.*** Такое определение соответствует принципу преемственности в развитии научного знания, в нем учитывается опыт предшествующих мыслителей, начиная от античных воззрений и классического определения. В то же время мы отошли от натурфилософского и субстратного толкования категории материи. Речь здесь идет не о каком-то первовеществе и первосубстрате в их вещественной форме, но о субстанции, сущности вещей и их наличном бытии. Субстанция и сущность, как известно, не являются чисто онтологическими; они прежде всего гносеологические категории, их смысл раскрывается на фоне единства бытия и его познания.

Бытие – всеобщее и абстрактное понятие, оно не сводится только к «объективной реальности», да еще и в субстратной форме. Оно включает в себя и обобщает все формы и виды бытия, все со-бытия, происходящие с ним – материальные и духовные, возможные и действительные (наличные), индивидуальные и общественные, социальные и т. д. Именно абстракция и обобщенный образ всех этих событий и обозначается понятием «бытие». Чтобы отличить формы объективной и субъективной реальности, формы бытия как такового, в определение вводится понятие «вещественной субстанции», как образное выражение и противоположность духовной, идеальной. Таким образом, это более широкое и обобщенное определение наличного бытия и объективной реальности, а не выражение физического представления о поле и веществе, хотя и в физике, как показал Луи де Бройль еще в 1924 г., поле и вещество – суть единые формы проявления свойств мира микроявлений. В различных теориях одно и то же понятие может иметь разный смысл и содержание.

Материя не бесформна. В различных конкретно-научных теориях это понятие принимает реальные формы и наполняется реальным содержанием. Поэтому всесторонний анализ категорий содержания и формы является логическим продолжением определения понятия материи. К сожалению, в исследовании этого вопроса мы остановились где-то на эпохе становления диалектического и исторического материализма. «Содержание и форма – философские категории, во взаимосвязи которых содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних

процессов, связей, противоречий и тенденций, а форма есть способ существования и выражений содержания» [4, с 621].

Такое определение можно принять в качестве первоначального варианта изучения темы, но оно далеко от лаконичной формы изложения сущности вопроса, в нем чисто механически собрано почти все, что можно было бы сказать о данном понятии. Определение понятия здесь не выводится, не вытекает из исходных философских категорий, а просто постулируется как нечто данное. Кроме того, данное определение базируется на упрощенном представлении о том, что целое состоит из суммы составляющих его элементов. Современные представления об открытых и закрытых системах требуют от исследователя более глубоких размышлений.

Один из методов, позволяющих глубже и полнее познать сущность философии в целом и содержание ее базисных категорий, – исследовать проблему в ее историческом развитии.

Категории содержания и формы в их единстве с материей представлены уже в древнегреческой философии, в атомистических учениях и в системе Платона. Наиболее полно эти категории в античной философии были рассмотрены Аристотелем, который представил все телесные вещи как единство материи и формы. Кроме того, он допускал существование неформальной материи и нематериальной формы – Бога, как формы всех форм.

В историко-философском аспекте анализ категорий содержания и формы принимал различные, специфические черты и выражал собой сущность общей концептуальной системы. Но, несмотря на эти различия, можно выделить некоторые общие признаки, характерные для очень длительного периода анализа данных категорий. Прежде всего следует отметить практически единодушное мнение о том, что категории содержания и материи совпадают и выражают собой некий перво-субстрат. Такой подход в философии был господствующим, начиная с эпохи античности вплоть до гегелевской системы диалектики. Поэтому категория содержания длительное время была негласно исключена из рассмотрения, а внимание философии было обращено на анализ соотношения понятий «материя – форма».

Категория материи также не была в центре внимания мыслителей прошлого, ибо она таила в себе много неопределенности и обосновывалась чисто умозрительными суждениями. Естествознание того времени еще только приступило к изучению структуры и свойств реального мира и поэтому не могло дать философии конкретно-научных данных о строении и свойствах материи, мира объектов. В философии безраздельно господствовал натурфилософский стиль

мышления, основанный на механике Ньютона, который проявляет себя иногда и в современных воззрениях на мир в целом и на закономерности его развития.

В течение длительного времени более актуальным было исследование формы в ее различных проявлениях, ибо она в какой-то мере позволяла понять и объяснить многообразие мира материального и идеального, сформулировать соответствующую картину мира. Недостаток и ограниченность естественно-научных знаний компенсировался умозрительными догадками и чисто философскими умозаключениями, в которых форме отводилась активная и определяющая роль по отношению к материи (Платон, Аристотель). Но уже Ф. Бэкон настаивал на идее привата многокачественной материи над ее формой. Значительный вклад в изучение категории материи внесла эпоха Просвещения, в частности, П. Гольбах в сочинении «Система природы» (1770 г.) развивает мысль о том, что материя несотворима и неуничтожима, которая в своем постоянном движении и развитии порождает все многообразие мира. Господствующее в то время механистическое мировоззрение и строго детерминистический стиль научного мышления наложили свой отпечаток и на общеполитические представления о картине мира в целом, в которой признается существование материи как таковой, как содержания и первосубстрата всего сущего в мире. В этой всеобщей атмосфере метафизического мышления великие диалектические идеи Гегеля оказались непонятными и недоступными для естествоиспытателей и философии науки того времени, они непонятны иногда и некоторым «современным» мудрецам.

Гегель впервые наиболее полно рассмотрел данные категории в их единстве и представил форму и материю как снятые моменты содержания [5, с. 298–300]. Понятие содержания объемлет собой как форму, так и материю. Содержание и форма – это взаимосвязанные, диалектически переходящие одна в другую категории, они суть диалектическое взаимоотношение и, следовательно, взаимопревращение. Данный вывод станет основополагающим принципом марксистской философии, хотя следует помнить, что чисто механический перенос идей здесь недопустим. Важно отметить и то, что Гегель развивал свое учение не на концепции первосубстрата. Напротив, он критически оценивает прежнюю метафизику и эмпиризм в их стремлении представить материю как таковую в качестве чувственно воспринимаемой реальности.

Наука второй половины XIX в. раскрыла новые возможности и горизонты для анализа категорий материи, содержания и формы, что в значительной мере способствовало становлению более высокой концептуальной системы философии – диалектического и историче-

ского материализма. В этой связи следует упомянуть не только три великих открытия в науке, о которых писал еще Ф. Энгельс, – закон сохранения и превращения энергии, создание теории клеточного строения вещества и эволюционной теории Ч. Дарвина. В них отражены глубокие идеи и принципы философии – всеобщая связь и развитие в природе, ее структурная организация и закономерный характер всего сущего, идея несотворимости и неуничтожимости материи и многообразие ее форм. К этим великим открытиям следует добавить такие достижения в других областях научного знания, которые имели фундаментальное значение в процессе формирования новой физики и соответствующей ей новой научной картины мира и нового мировоззрения ученых. Создание Дж. Кл. Максвеллом и Л. Больцманом статистической физики на более высоком уровне возродило идею атомистического строения вещества и структуры материи. Исследование электромагнитных явлений (М. Фарадей) и создание теории (Дж. Кл. Максвелл) связано с новыми представлениями о строении и свойствах материи и ее формах. Открытие рентгеновских лучей (1895 г.), явления радиоактивности (1896 г.) и электрона (1897 г.), которые знаменовали собой завершение классического этапа в развитии физики и окончательно утвердили в науке и философии идею многокачественности конкретных форм материи, ее структурность и неисчерпаемость. Принцип неисчерпаемости материи, сформулированный В. И. Лениным на основе анализа новейших открытий в науке того времени, является одним из фундаментальных в современной философии науки и гносеологии в целом.

Мы как-то не акцентируем внимание на том факте, что категории содержания и формы стали подлинно всеобщими, а следовательно, приобрели категориальный статус только после того как они «влились» в социальную философию в качестве существенного и необходимого элемента. Так, К. Маркс в предисловии «К критике политической экономии» (1859 г.) рассмотрел содержание (производительные силы) и форму (производственные отношения) в их единстве и взаимной определенности как закон соответствия и показал значение этого закона в развитии общей системы способа производства. Он исследовал также общее направление развития способа производства при капитализме и сформулировал закон возрастающей тенденции нормы прибыли к понижению: «Следовательно, возрастающая тенденция общей нормы прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, выражение, свойственное капиталистическому способу производства» [6, с. 233]. Таким образом, в данном законе речь идет о норме прибыли и ее тенденции к пониже-

нию в капиталистическом способе производства, но не о понятии «закон-тенденция», которое мы ввели для выражения типа законов и формы их проявления в науке [7, с. 13]. В учебной литературе и в Интернете эти понятия отождествляют, но для их различия совсем не нужны высокочувствительные приборы и очень сильное напряжение теоретической мысли. Понятие «закон-тенденция» в произведениях К. Маркса не употребляется. Для этого еще не было достаточных научных и общетеоретических оснований и предпосылок.

В исторических границах классического стиля научного мышления преобладало представление о единообразии мира и форм его выражения в законах науки. Идея качественного многообразия мира и форм его выражения в различных типах законов стала доминирующим только в XX столетии, особенно после создания квантовой механики, а затем и синергетики. Представление о вероятностном характере законов, органическом единстве определенности и неопределенности бытия и соответствующих форм его познания прочно вошли в науку и картину мира, что ставило в полный рост проблему классификации законов. Именно на этой методологической основе возникло понятие «закон-тенденция», в котором описывается не само течение событий, а наиболее общая тенденция, направление их изменения в условиях существенной статистичности и неопределенности процесса.

Закон-тенденция – это форма выражения процессов потенциальной трансформации сложных многофакторных систем в условиях неопределенности и поливариантности детерминации их начального состояния и их последующего изменения. Таким образом, понятие «закон-тенденция» основано на представлении случайности и неопределенности процесса как необходимых и существенных элементах теории. Это понятие есть порождение и выражение современного стиля научного мышления и для введения его в теорию в прежние строго детерминистические эпохи еще не было научных и общеполитических предпосылок.

Введение понятия «закон-тенденция» позволяет более пластично и динамично рассматривать характер взаимной детерминации между содержанием и формой, выявить их основное содержание и сущность.

Категории материи и содержания действительно близки по сути и по связи с формой. Но в современной философии мы обязаны рассматривать эти понятия в их собственной определенности и по содержанию, и по их философскому смыслу. Материя – это всеобщее, исходное понятие в системе философии, и в силу своей всеобщности оно лишено содержания и непосредственной чувственной определенности. Содержание – более конкретизированное и насыщенное определенностью по-

нятие, оно более специфично и применимо для описания, выражения сущности конкретно-научных фактов и проблем.

Содержание – совокупность элементов, связей и процессов, представляющих в своем единстве качественную расчлененность объекта как целостного структурного образования. Содержание оформлено и имеет смысл только в его нераздельном единстве с формой. И напротив, форма сама содержательна, нет формы как таковой, самой по себе и вне содержания.

Форма – структурная организация, порядок взаимодействия сторон целого, выражающие собой качественную специфику объекта, его определенность.

Понятие содержания имеет смысл только при анализе целостных систем и объектов с полисубстратной структурой, где происходит взаимодействие и взаимоизменение различных элементов в их непосредственном единстве. Моносубстрат или же материя как первосубстрат всего сущего не может быть выражен понятием содержания, ибо они не содержат в себе качественной расчлененности сторон.

В определении понятий содержания и формы объект – это не только чисто онтологическое образование, но прежде всего гносеологическая система, объект познания. Теоретическая реконструкция объекта в предмет познания приводит нас к понятию «базовая модель теории».

Базовая модель теории – это идеальный образ и выражение сущности объекта познания в системе исходных принципов, законов и категорий. В реальной жизни и в решении конкретных задач теории этот идеальный образ всегда принимает специфические формы и наполняется научно-практическим содержанием.

И содержание, и форма многоплановы по характеру своего проявления, поэтому анализ их соотношения нужно вести в каждом отдельном случае с учетом их специфики. В естественно научных теориях базовые модели более полно коррелируются с реально существующими объектами, поэтому здесь категории содержания и формы в большей мере наполняются непосредственной определенностью смысла. В идеализированных базовых моделях, например, в произведениях литературы и искусства содержание выражает собой богатство мысли (Гегель), а сама становится необходимым элементом, стороной содержания. Отчасти это справедливо и для философии. В то же время можно выделить некоторую общую устойчивость отношений между содержанием и формой, которая проявляет себя как определенная тенденция, закон. Содержание, поскольку оно представлено как совокупность элементов, связей и процессов, принадлежит качественной и внутренней определенности. Поэтому оно более динамично в своем изменении, является

доминирующим и определяющим по отношению к форме. Форма – это выражение сущности содержания, она не есть субстанция вообще как таковая, представленная в абсолютном и чистом виде, но есть суть, качественная определенность и характер объекта как целого. Форма, как порядок и структурная организация содержания, более консервативна и устойчива. Она также может изменяться, но лишь в некоторых несущественных для данного содержания проявлениях. В своих существенных чертах изменения формы всегда знаменует собой переход из одной качественной определенности объекта в его другое качественное состояние. Как отмечал Гегель, форме принадлежит все определенное, «она есть закон явлений» [3, с. 298]. Определить (о-пределить) – значит положить предел, ограничить данный объект некоторыми возможными пределами его изменения. Близкое этимологическое значение имеет и понятие закона. За-кон – ограничить, установить конечные формы бытия данного объекта.

Закон об определяющей роли содержания по отношению к форме и ее обратное воздействие на исходную причину следует понимать диалектически, но не в духе чисто классического стиля научного мышления с его строго определенным представлением мира как жестко детерминированного и линейного процесса. Стиль мышления неклассической и постнеклассической науки основан на представлении о многообразии форм проявления мира и нелинейности происходящих в природе процессов, многообразии форм и законов их выражения в теории. Поэтому отношения детерминации между содержанием и формой в принципе не могут быть строго определенными и однозначными, они поливариантны и многофакторны. Данные отношения детерминации можно рассматривать лишь как проявление закона-тенденции, некоторую устойчивую потенциальность, которая в развитии реальных открытых системах может реализовать себя в самых различных, иногда непредсказуемых формах. В реальной жизни классические схемы отношения детерминации содержания и формы, как и всей философии без ее творческого осмысления, становятся слишком упрощенными и условными. Философия – это творческая и постоянно развивающаяся теория, и поэтому она требует к себе уважительного и вдумчивого, мыслящего отношения. Истина в философии – не цель, но процесс достижения цели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Энгельс Ф.* Диалектика природы / Ф. Энгельс, К. Маркс // Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 339–626.
2. *Левин Г. Д.* Философские категории в современном дискурсе / Г. Д. Левин. – М. : Логос, 2007. – 224 с.

3. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель ; вступ. ст. Е. П. Ситковского. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1 «Наука логики». – 452 с.
4. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Пол. собр. соч. : в 55 т. – М. : Политиздат, 1967–1981 гг. – Т. 18. – 525 с.
5. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. 2 / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1975. – 508 с.
6. *Осипов В. Е.* Понятие «закон-тенденция»: конкретно-научные формы и философский смысл / В. Е. Осипов // Культура. Наука. Образование. – 2016. – № 1. – С. 7–19.
7. *Кураев В. И.* Содержание и форма / В. И. Кураев ; гл. редакция Л. Ф. Ильичев и др. // Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – С. 20–622.

УДК 141.8

А. Е. Кашаев*

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И ВОЙНА НАРОДОВ В ТЕОРИИ МАРКСИЗМА

В статье рассматриваются такие центральные для марксизма понятия, как «пролетариат» и «пролетарский интернационализм», в контексте проповедуемой К. Марксом и Ф. Энгельсом концепции истории как борьбы народов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пролетариат, пролетарская солидарность, интернационализм, европоцентризм, прогрессивные народы, реакционные народы, капитализм, исторический прогресс.

E. Kaschaev

PROLETARIAN INTERNATIONALISM AND WAR OF THE PEOPLE IN THE THEORY OF MARXISM

The article deals with such concepts central to Marxism as “the proletariat” and “proletarian internationalism” in the context of the concept of history advocated by K. Marx and F. Engels as a struggle of peoples.

KEYWORDS: proletariat, proletarian solidarity, internationalism, eurocentrism, progressive peoples, reactionary peoples, capitalism, historical progress.

В этом году отмечается двухсотлетие со дня рождения выдающегося мыслителя и революционера Карла Маркса (1818–1983). Маркс жил и творил в то время, когда капиталистическая общественная система находилась в стадии становления, когда ее существенные стороны и свойства, социально-экономические институты лишь только начали формироваться. Опираясь на теоретические достижения своих предшественников в политической экономии А. Смита, Д. Рикардо, Маркс внес значительный вклад в развитие теории политической экономии, раскрыв тайну формирования прибавочной стоимости. Научный анализ зарождающейся и укрепляющейся капиталистической системы, осуществленный Марксом, был весьма глубок, все-

* *Кашаев Александр Евграфович, доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.*

сторонен, методологически и теоретически выверен. Некоторые выводы его основного труда «Капитала» оказались во многом созвучными и актуальными в конце XX – начале XXI вв. при оценке и прогнозах развития современного финансово-олигархического монополистического общества. Так, известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии В. Леонтьев писал: «Маркс был великим знатоком природы капиталистической системы... Если, перед тем как пытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляют собой прибыль, заработная плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах «Капитала» более реалистическую и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последовательных выпусках “Цензов США”, в дюжине учебников по современной экономике и даже, осмелюсь сказать, в собрании сочинений Торстена Веблена». Историк и философ Ю. С. Семёнов считает, что «экономическая теория марксизма в том виде, в котором она продолжала излагаться, явно устарела. Но это вовсе не значит, что она должна быть полностью отброшена. Многие основные положения, сформулированные К. Марксом, продолжают сохранять свое значение [7].

Наряду с политэкономическими изысканиями, К. Марксу совместно с Ф. Энгельсом принадлежит заслуга в обосновании концепции материалистического понимания истории. Они совершили научный подвиг, освободив диалектику из плена гегелевского идеализма и создав на ее базе материалистическую диалектику, которая стала эффективным инструментом в осмыслении сущности и закономерностей развития природы, общества и мышления. Всё это позволило поднять на более высокий концептуальный и методологический уровень познания причин и динамики изменения общества не только капиталистического общества, но и общества в целом в его историческом развитии, вскрыть движущие силы исторического процесса, обнаружить в нем причинно-следственные связи и закономерности.

В чем причина того, что примерно полтора столетия марксизм в различных его вариантах продолжает оставаться одним из влиятельных идеологических течений в мире?

При этом мы сталкиваемся с парадоксом: самая казалось бы верная научная теория социалистической революции так и не реализовалась ни в одной капиталистической стране. Социалистические революции, которые произошли в мире, осуществились вопреки этой теории в странах периферийного капитализма или даже в странах, находившихся на уровне феодальных отношений.

Не подтвердилась концепция К. Маркса о пролетарской солидарности: неоднократно пролетарии одних стран участвовали в борьбе против пролетариата других стран (Первая, Вторая мировые войны, захватнические колониальные войны развитых капиталистических стран и др.). Более того, в течение более, чем сотни лет пролетариат Западных стран в массе своей не помышлял о революционных изменениях в своих странах, хотя там активно действуют коммунистические партии и иные левые партии. В результате поражения в «холодной войне» СССР и других стран социализма и реванша капитализма, значительная часть рабочего класса в большинстве своем оказалась политически пассивной, равнодушной к судьбе бывшего социалистического строя, к правящей коммунистической партии. Другая часть рабочих активно выступила на стороне разрушителей, помогла восстанавливать власть капиталистов, чтобы превратиться в итоге в их рабов, в пролетариев (ср. действия профсоюзов «Солидарность» в Польше, забастовки шахтеров в СССР, события в Румынии 1989 г. и т. д.).

В настоящее время ярким примером отсутствия пролетарского интернационализма является достаточно острая для Западной Европы и России проблема наплыва гастарбайтеров из ближнего зарубежья. А ведь они в чистом виде представляют собой пролетариат в марксовом понимании слова. Однако отношение к ним в большинстве своем далеко не солидарное со стороны пролетариев принимающих стран. Так, нередко программные заявления коммунистических или патриотических лидеров России включают требования борьбы против гастарбайтеров, защиты своего рабочего класса от конкурентов.

Тем не менее, магическая сила марксизма, его влияние на значительные массы людей остается достаточно сильной. В чем причины этого явления?

Очевидно, в том, что он провозгласил близкие для всех людей идеалы и принципы свободы, равенства и социальной справедливости и отстаивал их. Сила воздействия этих идеалов кроется как в строгости научной логики, силе аргументации, так и в психологической, высокохудожественной подаче идеологических призывов, лозунгов, к тому же выраженных в форме долженствования и затрагивающих область чувств. Поэтому читая Маркса, нужно стремиться отделять его собственно теоретическую конструкцию от его идеалов. Не случайно распространение марксизма в России во второй половине XIX – начале XX вв. походило на эпидемию некой религии, несшей русской интеллигенции, вечно ищущей, недовольной, социально пессимистической, – пафос прогресса, бодрости и оптимизма [7].

Другой важный вклад Маркса – создание мощной рационалистической базы в области духовных исканий человека. Это была первая мировоззренческая система, в которой на современном уровне ставила и по своему решала основные проблемы бытия, свободы и необходимости.

Наконец, нужно указать на дисциплинирующее воздействие методологии марксизма. Марксизм требовал непривычной для многих представителей интеллигенции логической дисциплины, последовательности, системности и строгости логического мышления. Маркс и Энгельс совершили невероятный по масштабу и качеству интеллектуальный и духовный труд и оставили нам целый арсенал инструментов высокого качества и эффективности. Никакое несогласие и никакая неприязнь к мыслям Маркса и Энгельса не могут оправдать отказа от того, чтобы пользоваться созданными их трудом инструментами. С. Г. Кара-Мурза прав, отмечая, что «интеллектуальный уровень и идейное богатство марксизма таковы, что делают его уникальным явлением культуры. По консолидирующей и объяснительной силе никакое учение не могло в течение целого века конкурировать с марксизмом. Поэтому собственные прозрения и доктрины мыслителей многих стран приходилось излагать на языке марксизма. Устранение в 90-е годы в России невидимых уже норм марксизма из обществоведения, образования и языка СМИ само по себе вовсе не дало нам лучшего понимания сложных вопросов, оно создало методологический хаос. Он привел в среде молодежи к такой дремучей беспомощности мышления, что начинаешь думать о благотворности даже неверных догм как инструмента «для поддержания элементарной дисциплины мышления» [6, с. 22–23].

Благодаря Марксу для русских революционеров непосредственным классовым врагом стали не только самодержавие и русская буржуазия, а вообще весь капитализм как система (хотя эта система у Маркса была сугубо западного образца). Отсюда нередко слепое и некритическое следование русских марксистов всех разновидностей марксистским положениям и выводам, в том числе и ошибочным по своей сути, например, в оценке крестьянства как класса контрреволюционного.

Безусловно, даже самые великие учения и доктрины, в том числе и учение К. Маркса, нуждаются в развитии, совершенствовании, что, в частности, предполагает пересмотр, а в ряде случаев даже отказ от некоторых сторон и заключений теории. Этот вывод напрямую вытекает из самой сути учения Маркса. Длительное время, когда марксизм был господствующей идеологией в СССР и других соцстранах, он оставался, по существу, вне критики и вне объективного научного анализа, что

вело к догматизации и омертвлению теории марксизма, прежде всего диалектики, к неумению использовать ее творческий потенциал применительно к новым историческим условиям. Одновременно вне поля зрения оставались многие «неудобные» положения марксизма, в частности проблемы пролетариата, пролетарского интернационализма и проблемы борьбы народов, часть которых подпадала под оценку реакционных и контрреволюционных.

Теория Маркса выросла из европейской культуры, воплотила ее достижения и противоречия. Поэтому в своей сущности она была насквозь европоцентрична, ее выводы и практическая направленность ориентированы, прежде всего, на европейское сообщество. Составная часть европоцентризма – общая для западного мировоззрения доктрина, согласно которой в мире имеется лишь одна цивилизация – Запад, не столько в географическом, сколько в культурном смысле. Европоцентризм берет свое начало от Древней Греции и Рима и проходит в своем историческом развитии единственно правильный путь цивилизации. Остальные народы («варвары») отстали или уклонились с этого истинного пути. Отсюда порождение всякого рода фобий – страхов и ненависти к иным. К таким фобиям относится и русофобия, возникшая в XV–XVI вв., когда Россия в виде Московского царства заявляет о себе на европейском геополитическом пространстве.

Другим источником русофобии стала ненависть католического мира к Восточному правосерию (в будущем – православию). Европоцентризм и русофобия пронизывали сознание К. Маркса и его соратника Ф. Энгельса, что никак не противоречило их учению о классовой борьбе и пролетарской солидарности. Рассмотрим подробнее данный аспект.

Ядром социальной теории марксизма (исторического материализма) выступает положение о классовой борьбе. В «Манифесте Коммунистической партии» заявлено: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [1, с. 420]. Хотя в этом утверждении имеется логическое противоречие: классовая борьба не была вечным спутником человечества, она отсутствовала в первобытном обществе, существовавшем тысячи лет. Абсолютизация классового подхода в решении социальных проблем приводила к недооценке факторов общечеловеческой духовной культуры, к недооценке особенностей и роли субъективного фактора, гипертрофированному восприятию и неверным оценкам реальных процессов, происходящих в таком сложном и постоянно изменяющемся организме, как общество. Не всегда социокультурные, психологические, личностные, ментальные и другие явления раскрываются и объясняются через призму классовой борьбы. Не в

этом ли категорическом утверждении об абсолютизации классовой борьбы скрыта одна из причин неадекватности марксистской идеологии применительно к новым социальным реалиям?

Надо иметь в виду и другую важнейшую особенность марксистской теории: в центре внимания К. Маркса и Ф. Энгельса находился пролетариат ведущих капиталистических стран – Англии, Франции, Германии, которому и была уготована роль преобразователя капиталистического способа производства в коммунистическое. Сама же пролетарская социальная революция, по Марксу, будет возможна только тогда, когда капиталистические производственные отношения будут доминирующими в большинстве промышленно развитых стран, а соответственно пролетариат в них составит большинство населения.

Таким образом, пролетариат, согласно Марксу – потенциальная сила, способная изменить ход естественноисторического процесса, стать «могильщиком буржуазии», хотя сам пролетариат является продуктом этого естественноисторического процесса. В силу каких его особых качеств пролетариат может изменить естественноисторический процесс, ход истории? И здесь мы вновь сталкиваемся с противоречием.

С одной стороны, в «Манифесте Коммунистической партии» о пролетариате говорится вообще как о классе, который существует сам по себе. Например: «Из всех классов, которые противостоят сегодня буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» [1, с. 434], «...значительная часть английского и французского пролетариата уже осознал свою историческую задачу и постоянно работает над тем, чтобы довести это сознание до полной ясности» [68, с. 40]. С другой стороны, в «Манифесте...» говорится о задаче партии формировать пролетариат в класс [1, с. 437]. Авторы «Манифеста» пишут, что «...труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины» [1, с. 430]; «Современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство» [1, с. 435].

Еще более впечатляющую картину о состоянии пролетариата мы находим в книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», написанную им за три года до «Манифеста». В ней он указывает на высокую степень морального разложения городских рабочих [2, с. 267], «...в этой как будто нарочно отравленной атмосфере, – эти люди действительно не могут не опуститься до низшей ступени чело-

вечества» [2, с. 297]; «...наиболее опустившаяся часть манчестерского населения, для которой воровство и проституция – профессия» [2, с. 298]; «...в этих жилищах могут чувствовать себя хорошо и уютно только люди вырождающиеся, физически опустившиеся, потерявшие человеческий облик, интеллектуально и морально дошедшие до состояния животного» [2, с. 300]. Более того, говоря о рабочих Манчестера, Энгельс наряду с описанием бедности рабочих, подчеркивает, что они «не хотят работать и не хотят восстать против общества...» [2, с. 322], «...склонные к пьянству...» [2, с. 325], «...большая часть рабочих в силу моральной и физической необходимости не может не предаваться пьянству» [2, с. 326], «пьянство перестало здесь быть пороком...оно становится необходимым явлением ...» [2, с. 337]. Автор пишет, что «одни смиренно подчиняются своей судьбе, живут как честные обыватели, плывут по течению, не интересуются тем, что происходит на свете, помогают буржуазии еще крепче заковывать рабочих в цепи; в духовном отношении они так же мертвы, как это было в доиндустриальный период; другие становятся игрушкой судьбы, теряют внутреннюю устойчивость, так же как уже потеряли внешнюю, живут сегодняшним днем, пьют водку и бегают за женщинами: в обоих случаях – это животные» [2, с. 351].

Книга, созданная на огромном фактическом материале, проникнута искренним сочувствием к этим людям, наполнена гневом против подобного положения вещей. К каким выводам приходит Энгельс в итоге?

Вывод, правда, несколько неожиданный. Автор считает, что «самые условия жизни этого класса таковы, что они дают ему своего рода практическое образование, которое не только заменяет весь школьный хлам, но и обезвреживает связанные с ним вздорные религиозные представления, и даже ставит рабочих во главе общенационального движения Англии. Нужда учит молиться и – что гораздо важнее – мыслить и действовать. Английский рабочий класс, который почти не умеет читать и еще меньше писать, все же прекрасно знает, в чем заключаются его собственные интересы и интересы всей нации; он знает также, в чем заключаются специальные интересы буржуазии и чего он может от этой буржуазии ожидать. Пусть он не умеет писать, зато он умеет говорить и говорить публично; пусть он не знает арифметики, зато он достаточно разбирается в политико-экономических понятиях, чтобы видеть насквозь ратующего за отмены хлебных пошлин буржуа и опровергнуть его; пусть для него остаются совершенно неясными, несмотря на все старания попов, вопросы царства небесного, зато тем яснее для него вопросы земные, политические и социальные» [2, с. 346–347].

Не так просто согласиться с подобным выводом, который логически не вытекает из контекста. В книге не приводятся высказывания пьяниц, воров, развратников, морально деградирующих рабочих по проблемам политэкономии, социологии, внутренней и внешней политики и т. п. Наверное, среди пролетариев можно было бы обнаружить вполне приличных людей, которые и читали, и интересовались политикой, но вряд ли они определяли сущность, истинное лицо массы рабочего класса.

Об английских рабочих К. Маркс пишет так: «Англичане обладают всеми необходимыми материальными предпосылками для социальной революции. Чего им недостает, так это духа обобщения и революционной страсти. Только Генеральный Совет в состоянии восполнить этот пробел и ускорить, таким образом, подлинно революционное движение в этой стране, а, следовательно, и повсюду» [3, с. 405]. Иначе говоря, Генеральный Совет (Международное Товарищество Рабочих) каким-то образом сможет воздействовать на тот пролетариат, о котором выше шла речь, чтобы он совершил социальную революцию. Напрашивается вопрос – возможно ли, чтобы люди с такими характеристиками, могли успешно совершить смену общественно-экономической формации? На тот период времени такие люди, доведенные до отчаяния, способны были бунтовать, устраивать забастовки, поскольку им, действительно, нечего терять. Подобными выступлениями рабочий класс той же Англии в течение XIX столетия смог добиться немалых экономических уступок от буржуазии, например, 10-часового рабочего дня. Не случайно со временем тактика английского рабочего класса в борьбе с буржуазией воплотилась в своей низшей форме классовой борьбы – экономической, что нашло свое выражение в укреплении позиций тред-юнионизма, а также «обуржуазивании» части рабочих («рабочей аристократии»). Рабочему классу Англии правящий класс позволял пользоваться некоторыми плодами колониальной политики и промышленной монополии. Личный (экономический) интерес рабочего со временем возобладавал над идеей социальной революции и пролетарского интернационализма.

На факт обуржуазивания английского пролетариата указывали сами классики. Так, в письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс писал: «Английский пролетариат фактически всё более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по видимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией» [9, с. 293]. Позже во втором предисловии к «Положению рабочего класса в Англии» (1882 г.) снова указывает на факт формирования ра-

бочей аристократии и ее соглашательской позиции по отношению к буржуазии [10, с. 326–334]. Факт процесса обуржуазивания западного, особенно английского пролетариата, на наш взгляд – наиболее важное объяснение неадекватности марксизма современным социально-экономическим реалиям XX – начале XIX столетий. Не случайно, что развал Первого, а затем и Второго Интернационалов во многом был обусловлен именно соглашательской с буржуазией политикой части рабочего класса и лидеров социал-демократических партий Франции, Германии, Австрии.

Так был ли пролетариат к середине XIX в. уже готовой революционной силой и «классом для себя» или он находился в состоянии «класс в себе», в процессе становления? Как следует из главы 2 «Манифеста», пролетарской партии еще только предстояло сформировать класс пролетариата. С этой целью предлагалось изменить его сознание, чтобы он стал революционной силой [1, с. 437]. Следовательно, пролетариат как класс и как революционная сила ещё должен был сформироваться в результате пропагандистской и просветительской деятельности партии.

До сегодняшнего дня не смолкают споры о том, каким именно образом в рабочем классе возникает классовое, революционно-социалистическое сознание. Согласно сторонникам экономических, меньшевистствующих и анархистствующих концепций, оно складывается у пролетариата само собой, благодаря его положению в системе капиталистического производства и опыту классовой борьбы, осуществляемой в рамках капиталистической системы. Согласно другому взгляду (В. И. Ленин, Л. Троцкий), революционно-социалистическое сознание привносится в рабочий класс извне, революционной интеллигенцией, организованной в передовую партию.

Исторический опыт показал: 1) что у рабочего класса стихийно может и складывается под воздействием буржуазного мира только буржуазное сознание; 2) пролетарские партии, как только они становились массовыми и сильными, моментально теряли революционный пыл, приспособлялись к существующей экономической и политической системе и вносили в пролетариат не революционно-социалистическое, а буржуазно-реформистское сознание.

Кстати, в теории Маркса такие важные категории, как «класс» и «пролетариат», так и не нашли своего окончательного толкования, хотя полтора столетия трудящиеся всего мира широко скандировали призыв «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Когда Маркс и Энгельс провозглашали в «Манифесте»: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней

терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» [1, с. 459], вряд ли это как-то реально соотносилось с действительностью того времени. Из утверждения, что пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, не обязательно следует вывод о его революционности.

В теории марксизма пролетариат наделяется такими качествами, которых у него фактически не было, – революционными потенциями. Для такого вывода подводилось сугубо логическое обоснование: буржуазия и пролетариат – классы-антагонисты. И в соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей борьба между ними неизбежно приведет к победе потенциально возможного носителя новых производственных отношений в лице пролетариата. Необходимо обратить внимание на то, что пролетариат в этой борьбе не является носителем новых производственных отношений, а, по мнению Маркса и Энгельса, он лишь потенциально может стать носителем новых производственных отношений. Но для этого ему нужно сначала завоевать власть.

Безусловно, пролетариат – реальный класс-антагонист по отношению к буржуазии. Реальна и неизбежна борьба между этими классами. Согласно Марксу, в процессе неизбежной классовой борьбы пролетариат может упразднить частную собственность и установить новые производственные отношения – коммунистические. Однако этот вывод был в значительной степени гипотезой, предположением, которое утверждалась им как данность.

Если раньше смена формаций детерминировалась объективными условиями, прежде всего развитием производительных сил, их нарастающим конфликтом с господствующими производственными отношениями, то при переходе к коммунизму детерминантом становится субъективный фактор – сознание, причем сознание только пролетариата. Как же проявляется этот фактор? Начало этого процесса Маркс видит в том, что, как он отмечал: «...мы с самого начала осознали как ограниченность, так и цель этого исторического движения и превзошли его в своем сознании». Как видим, Маркс имел в виду не сознание пролетариата, а свое личное осознание перспективы общественного развития, он же сформулировал цель и превзошел историческое движение в своем сознании. Для Маркса его логика была абсолютно верна.

Далее Маркс описывает процесс формирования той силы, которая, по его мнению, должна уничтожить капиталистическую частную собственность. «Когда между собой объединяются коммунистические рабочие, то целью для них является, прежде всего, учение, пропаганда и т. д. Но в то же время у них возникает благодаря этому потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство,

становится целью. К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно судить, наблюдая собрания французских социалистических рабочих. Курение, питье, еда не служат уже для них тем средством соединения людей, не служат уже связующими средствами. Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение! Человеческое братство в их устах – не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство» [3, с. 6–7]. Все это очень благородно и гуманно. Однако почему эта сила будет отменять частную собственность в буржуазном обществе и менять направление естественноисторического развития? Для того, чтобы реализовать на практике идеи коммунизма, философии нужна была материальная сила, способная выполнить эту работу. В контексте этого Маркс подчеркивал, что «философия находит в пролетариате свое материальное оружие». Отсюда прямо следует, что речь не идет об естественноисторическом процессе смены формаций. Идея роли пролетариата в смене капитализма социализмом просто искусственно привязана к процессу смены формаций. Это следует из философии, автором которой является К. Маркс. Другими словами, не естественноисторический процесс смены формаций породил пролетариат как силу, способную сменить формацию, а К. Маркс решил, что силой, способной реализовать его философские взгляды, будет пролетариат. К сожалению для Маркса: за полтора ста с лишним лет пролетариат так и не превратил философию марксизма в «свое духовное оружие».

Конечно, побуждения у Маркса и Энгельса высокие и благородные, но вот оценка социальной действительности оказалась непоследовательна. Цель – коммунизм и схема движения к нему умозрительны, и не являются проявлениями естественноисторического процесса. Можно согласиться с Ф. Энгельсом, который в связи с этим отмечал: «Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фантастического конфликта (между производительными силами и производственными отношениями – примечание *А. К.*), идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно – рабочего класса» [4, с. 128]. Действительно, коммунизм – как протест и как отраженная в сознании потребность лучшей жизни не вызывает возражений. Но коммунизм как логическая конструкция, рассматриваемая как реальность, равноценная общественно-экономическим формациям, которая чуть ли не автоматически делает жизнь всех людей счастливой – к науке имеет мало отношения. Вполне закономерно, что попытка реализовать эту высокую мечту на практике сопровождалась глубокими драматическими событиями.

Нам представляется, что проблема пролетариата, как бы она ни была на самом деле сложна и противоречива, на самом деле занимает не основное место в социальной теории марксизма. Если к текстам К. Маркса и Ф. Энгельса подходить не предвзято, а вчитываться в них, то оказывается не менее важным (по объему материала, концептуальному соотношению, накалу страстей), а может быть более важным для классиков марксизма понятие «народ» (нация). Эта проблема взаимодействует с теорией классовой борьбы, они взаимно дополняют друг друга. Нельзя не согласиться с мыслью С. Г. Кара-Мурзы о том, что не разобравшись с этим понятием, трудно понять причины раскола Первого и Второго Интернационалов, раскола русского революционного движения в 1917 г., кризиса современного международного коммунистического и рабочего движения [6]. Практически на протяжении всей своей кипучей деятельности Маркс и Энгельс отстаивали концепцию истории как борьбы народов.

Более того, и пролетариат, формально названный классом, в действительности выступает в марксистской доктрине как избранный народ, выполняющий мессианскую роль спасения человечества.

Анализ работ и писем Маркса и Энгельса показывает, что категории и понятия классовой борьбы являются лишь надстройкой над видением общественного исторического процесса как войны народов. Более того, «понятия классовой борьбы в марксизме и не следует принимать буквально, ибо они сильно связаны с фундаментом, построенным из этнических понятий. Битва народов – “архетипический” образ Энгельса, заложенный в фундамент его понятий» [6].

Представления Маркса и Энгельса о гуманизме и правах народов вызывают удивление: они делят народы на прогрессивные и реакционные, а категории свободы и справедливости, как основания для оценки народов в их борьбе, игнорируются. Народ – «варвар», который борется против угнетения со стороны прогрессивного народа, является для Маркса и Энгельса врагом прогресса и подлежит усмирению вплоть до уничтожения.

Наиболее детально эта концепция изложена Ф. Энгельсом через призму революционных событий 1848 г. в Австро-Венгрии в статье «Борьба в Венгрии». В ней Энгельс совершенно четко определил характер национальных взаимоотношений немцев и венгров со славянами как угнетение и эксплуатация, подчеркивая различие их этнических статусов. Немцы – это европейцы, народ, имеющий развитые государственность и социальную структуру..., славяне («славянские варвары») – племена, которые подвергаются германизации [11, с. 175–177].

Мысль Энгельса сводится к тому, что большинство народов Центральной и Восточной Европы к носителям прогресса не принадлежит, поскольку они контрреволюционны. Из рассуждений Энгельса следует, что – мировая революция призвана не только открыть путь к более прогрессивной общественно-экономической формации (привести производственные отношения в соответствие с производительными силами), – она должна погубить большие и малые народы и народности, не принадлежащие к числу прогрессивных («Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции»).

В другой статье «Демократический панславизм» Ф. Энгельс пишет: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [12, с. 306].

Ф. Энгельс к реакционным (контрреволюционным) народам наряду с русскими относил хорватов, чехов, нандуров, сержан и «прочий сброд» [12, с. 268]. Рассматривая ситуацию в Австро-Венгрии во время революции 1848 г., Энгельс отмечает, что ослабление там государственной власти дало всем угнетенным народам возможность выступить против своих угнетателей – немецких, польских и венгерских помещиков. Следуя традиционным советским представлениям о марксизме, можно было ожидать от Энгельса всяческой поддержки этого выступления как прогрессивного движения трудящихся масс. На деле реакция Энгельса была противоположной. Он резко возмущался, требовал ответных кар и репрессий, совершенно непропорциональных тому ущербу, который угнетенные народы нанесли своим угнетателям. В выступлении трудящихся против их угнетателей Энгельс был на стороне угнетателей и эксплуататоров, потому что они – немцы, мадьяры и поляки, а трудящиеся – «славяне».

Почему Маркс и Энгельс настойчиво проповедовали необходимость «решительного терроризма против славянских народов» со стороны социалистов и демократов? Почему «ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью»?

Ведь русские не социальный класс, который эксплуатировал класс немцев?

Для классиков *idée fixe* – исторический прогресс, а не ценности свободы и справедливости, как принято было думать. Исторический прогресс для Маркса и Энгельса понимался как приращение благосостояния Запада. Ради прогресса можно пожертвовать непрогрессивными народами. Движение к заветной цели, как отмечал Энгельс, не обходится без того? «чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается, и если бы Александр, Цезарь и Наполеон отличались таким же мягкосердечием? к которому ныне апеллируют панслависты в интересах своих ослабевших клиентов, что стало бы тогда с историей!» [12, с. 298].

И «некоторые славянские народы» осуждаются Энгельсом на гибель не потому, что действуют с железной необходимостью слепые объективные законы исторического развития, а на казнь от руки победоносного немецкого пролетариата. Характерна последняя фраза статьи «Демократический панславизм»: «Тогда борьба, “беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть” со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм – не в интересах Германии, а в интересах революции!» [12, с. 306].

Не случайно Ф. Энгельс, как историк военного дела, резко отрицательно оценивал победу русского народа над Наполеоном в войне 1812–1814 гг., поскольку «контрреволюционная Россия» встала на пути распространения передовой капиталистической формации.

Особенно ярко русофобские взгляды классики проявили в период Крымской войны. С каким нетерпением классики ждали полного разгрома русских войск в ходе этой войны силами объединенных «цивилизованных наций», включавших почему-то и турок! Поражение в войне феодальной России было бы значительным прогрессом для западного буржуазного общества. Характерно созвучие тональности статей К. Маркса и Ф. Энгельса и русофобских заявлений официальных лиц Англии и Франции. Революционные фразы, размышления на тему демократических ценностей и свобод для основоположников марксистского учения были лишь удобным прикрытием своего презрительного отношения к России, ее культуре, народу и русской армии. Маркс и Энгельс страстно призывали превратить эту войну в «священную борьбу европейских наций» против России (удивительно, но примерно под тем же лозунгом Гитлер воевал против Советского Союза уже в середине XX в.). Маркс буквально заклинал европейцев: «Кронштадт и Петербург необходимо уничтожить... Без Одессы, Кронштадта, Риги и Сева-

стополя с эмансипированной Финляндией и враждебной армией у врат столицы... что будет с Россией? Гигант без рук, без глаз, могущий только пытаться поразить своих противников слепым весом» (См. богатый по этому поводу материал в полном собрании сочинений).

Те потрясения колониальной системы, которые должна была вызвать пролетарская революция в Европе, воспринимаются его другом Энгельсом как неизбежное зло, с которым пришедший к власти пролетариат будет вынужден примириться. И ни о каком «соединении пролетариев всех стран» (например, Англии и Индии) тут и речи нет – Энгельс предлагает пролетарской Англии постараться поскорее оставить индийских, алжирских и других пролетариев на произвол судьбы. В июле 1916 г. Ленин цитирует письмо Энгельса к Каутскому от 12 сентября 1882 г., в котором обсуждается взаимоотношение победившего пролетариата с колониями. В нем Энгельс пишет: «По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться еще и в других местах, например, в Алжире и в Египте, и для нас это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома» [13, 297].

Таким образом, призывы к всемирной пролетарской революции не опираются у Маркса и Энгельса на представления классовой борьбы как отражения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Зыбкий образ грядущей революции пролетариата, движение к коммунизму – это всего лишь идеологические клише, предназначенные для широкой публики. На место пролетарской революции у Маркса и Энгельса приходит борьба народов. Главный критерий для Энгельса – «для нас будет лучше». Интересы Запада превыше всего [9]. Так, бесконечное обращение классиков к вопросу об освобождении Польши имеет перед собой стремление натравить последнюю на Россию, привести Российскую империю к падению.

Ф. Энгельс иногда теряет чувство меры, приписывая славянам совершенно дьявольские замыслы: «Славяне..., оттесненные к востоку немцами, покоренные частично немцами, турками и венграми, незамет-

но вновь объединяя после 1815 г. отдельные свои ветви..., впервые заявляют теперь о своем единстве и тем самым объявляют смертельную войну романо-кельтским и германским народам, которые до сих пор господствовали в Европе. Панславизм – это не только движение за национальную независимость; это – движение, которое стремится свести на нет то, что было создано историей за тысячелетие; движение, которое не может достигнуть своей цели, не стерев с карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии, а добившись этого результата, не сможет обеспечить своего будущего иначе, как путем покорения Европы... Он ставит Европу перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы – России» [14, с. 202–203]. Как это контрастирует с призывом Коммунистического Манифеста о соединении пролетариев всех стран!

Однако в сущности ничего парадоксального в этих заявлениях и статьях нет. Ведь эти призывы обращены лишь к пролетариям тех прогрессивных стран (наций), которые в классификации Энгельса имеют право на жизнь (ныне они входят в так называемый «золотой миллиард»). В письме Каутскому от 7 февраля 1882 г. Энгельс поясняет: «Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций... Интернациональное сотрудничество возможно только между равными» [15, с. 220]. Поскольку даже в конце XIX в. самостоятельных и равных наций в мире немного, и все они при этом нации империалистического Запада. Именно пролетариат этих наций и призывался к соединению. И когда, по представлениям Энгельса, произойдет очищающая революция «пролетариев всех этих стран», именно этому прогрессивному пролетариату выпадет честь «кровавой мезьей отплатить славянским народам» и стереть с лица земли «целые реакционные народы». Энгельс пишет: «В то время как французы, немцы, итальянцы, поляки, мадьяры подняли знамя революции, славяне, как один человек, выступили под знаменем контрреволюции. Впереди шли южные славяне, которые давно уже отстаивали свои контрреволюционные сепаратистские поползновения против мадьяр; далее чехи, а за ними русские, вооруженные и готовые появиться в решительный момент на поле сражения» [12, с. 301].

Трудно совместить совершенно противоположные утверждения марксизма в одной голове: почти одновременно с этими статьями Энгельса выходят его совместные труды с Марксом, в которых утверждается, что вся человеческая история – это борьба классов. Ведь оно совершенно несовместимо с биологизаторской, социал-дарвинистской концепцией революционных и контрреволюционных наций, с приведенными нами ранее формулировками.

Итак, главной революционной силой капиталистического общества по Марксу выступает пролетариат, но только пролетариат развитых капиталистических стран – Англии, Франции, Германии. Любые революционные преобразования должны и будут исходить только из Западной Европы, которая является эпицентром международного рабочего движения.

Парадокс состоит в том, что ни в одной крупной индустриально развитой европейской капиталистической державе до сих пор так и не осуществилась социалистическая революция, не построено социалистическое общество. Исключение составляли существовавшие в течение полувека страны социалистического содружества (Германская Демократическая Республика, Чехословакия, Польша, Венгрия, Болгария, Румыния, а также Югославии и Албании), которые по своим социальным, экономическим, технологическим, идеологическим параметрам никак не вписывались в марксистскую теорию социальной революции. Кроме ГДР и ЧССР, экономический потенциал и технологический базис этих стран был значительно ниже уровня экономического развития современных им капиталистических держав (США, Великобритании, Франции и др.), находясь на стадии преимущественно аграрного развития.

Другая особенность возникновения этих стран социалистического выбора заключалось в том, что они возникли не столько в результате вызревания и разрешения внутренних социально-классовых и экономических противоречий развитого капитализма, а сколько на основе освободительной борьбы народов этих стран против немецко-фашистских захватчиков – оплота реакционных империалистических сил при решающей помощи Советского Союза. Советский Союз же был первой страной, в которой произошла первая в мире социалистическая революция, осуществленная вопреки теории Маркса. Иначе говоря, первые социалистические революции выросли на почве периферийного капитализма (СССР, ГДР, Польша, Венгрия, Румыния) и освободительного движения (Куба, Северная Корея) в форме народных революций, но везде под флагом марксизма.

Одновременно во второй половине XX в. совершается переход к социалистическим общественным отношениям в Китае, Монголии – странах, в которых господствовали феодальные общественные отношения.

Возникает вопрос о силе и реалистичности прогнозов учения К. Маркса, которое считалось истинным. Почему же верная теория не помогла предотвратить крах социализма в СССР и бывших европейских странах социализма, не остановила глубокий кризис международного коммунистического движения во второй половине XX в.?

Думается, что одна из главных причин этого – несоответствие теории марксизма динамично изменяющейся социальной практике. К. Маркс и Ф. Энгельс – мыслители сугубо западного мировоззрения, выдвинувшие масштабную доктрину мироустройства под эгидой Запада, сформировав одну из моделей глобализации с устройством мира по принципу «центр – периферия». России в этом раскладе в течение четырех столетий была отведена роль периферийной «неевропейской» державы. Такое геополитическое распределение ролей неизбежно рождало устойчивую форму русофобии. Запад активно поддерживал своего противника Турцию в борьбе против России, потому что «русские хуже турок». Классики научного социализма были солидарны с правящими классами западных обществ.

Другая причина неадекватности марксистской идеологии современности – приверженность логике Гегеля, в частности в том, что вероятное будущее («коммунизм») рассматривалось как должное, т.е. мысли, идеи Маркса и его соратников должны с неизбежностью быть объективированы в общественной практике. Отсюда острое неприятие иных вариантов путей достижения социально справедливого общества, например, яростная борьба с русским народничеством, в частности с идеями А. Герцена, М. Бакунина, П. Ткачева, П. Лаврова.

В XX–XIX вв. мы являемся свидетелями острейших социально-экономических и национальных отношений в мире, что еще раз заставляет вновь критически обратиться к теоретическому, методологическому и идеологическому наследию К. Маркса. Ключевая в марксизме идея борьбы народов манифестируется в настоящее время в попытке стран «золотого миллиарда» навязать свои ценности и представления остальному миру. Одним из эффективных средств укрепления господства западных стран становится практика демонтажа сложившихся «реакционных» этносов (Россия, Югославия, КНДР, Иран) их социокультурным системам и сборка новых народов по своим западным лекалам.

Технология разрушения «реакционных» этносов осуществляется, как правило, путем обращения не к классовым, а этническим понятиям. Ознакомление с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса показывает, что в условиях, когда нужно объяснить события, угрожающие, по их мнению, западной цивилизации (как, например, подавление русскими войсками революции 1848 г. в Венгрии), они забывают аппарат классового анализа и переходят на жесткий язык этнических понятий. Методология Маркса в данном случае полностью совпадает с методологическим инструментарием господствующей западной элиты с их программой мироустройства. Методологии классового подхода в этом случае мало,

так как она не дает материала для анализа содержания и динамики изменений этнической картины мира. Примером этого являются последствия холодной войны, приведшие к поражению СССР. Канун распада знаменовался массовой критикой, прежде всего, национальных противоречий – действительных и надуманных. Манипуляция с понятиями «тоталитаризм», «демократия», «демократические ценности» и т.п. адресовались не какому-либо классу, а к народу. На место классовой борьбы ставилось противоборство якобы двух народов – демоса и совков. Чем не прямая перекличка с битвой «революционных» народов 1848 г. с реакционными славянами у Энгельса или даже битве революционного народа Германии с реакционным большинством населения, которое в силу своей реакционности лишается статуса народов?

Безусловно, гигантское теоретическое и методологическое наследие К. Маркса необходимо исследовать, максимально использовать все ценное из созданного им в современной социологической, политологической, философской сферах и в тоже время уметь преодолевать его шовинистические и русофобские идеи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Маркс К.* Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1935. – Т.4.
2. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс, К. Маркс. // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1933. – Т. 2.
3. *Маркс К.* Генеральный Совет – Федеральному совету Романской Швейцарии. 1870 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1952. – Т.16.
4. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избр. произ. : в 3 т. – М. : Политиздат, 1979. – Т. 2.
5. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация : в 2 т. / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, Яуза, 2008.
6. *Кара-Мурза С. Г.* Маркс против русской революции / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, Яуза, 2008.
7. Преодоление времени : сб. ст. – М. : МГУ, 1998.
8. *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика / В. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1990.
9. *Энгельс Ф.* Письмо К. Марксу от 7 окт. 1858 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1962. – Т. 29.
10. *Энгельс Ф.* Предисловие ко второму немецкому изданию «Положение рабочего класса в Англии» 1982 г. / Ф.Энгельс, К. Маркс // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1960. – Т. 22.
11. *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии / Ф.Энгельс, К. Маркс // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1939. – Т. 6.
12. *Энгельс Ф.* Демократический панславизм / Ф. Энгельс, К. Маркс // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1930. – Т. 16.
13. История Новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945. – М. : Высшая школа, 1989.

14. *Энгельс Ф.* Письмо Карлу Каутскому, 12 сентября 1882 г. // *Ф. Энгельс, К. Маркс* // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1965. – Т. 35.
15. *Энгельс Ф.* Германия и панславизм / *Ф. Энгельс, К. Маркс* // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1936. –Т. 11.
16. *Энгельс Ф.* Карлу Каутскому, 7 февраля 1882 г. / *Ф.Энгельс, К. Маркс* // Соч. : в 39 т. – М. : Партиздат, 1966. – Т. 35.
17. *Ленин В. И.* Крах 11 Интернационала / *В. И. Ленин* // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М. : Политиздат, 1980. – Т. 26.
18. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма / *В. И. Ленин* // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М. : Политиздат, 1980. – Т. 27.

УДК17.024

А. В. Егоров*

КУЛЬТУРА СОВЕСТИ КАК ПРИНЦИП НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В статье рассматривается культура совести как принцип-закон, который проявляется в системе общественных отношений. Его объективность и относительная самостоятельность; его внутренняя необходимость и существенная, повторяющаяся связь, как способ, стабилизирующий и укрепляющий общество.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *совесть, культура совести, принцип, принцип-закон, совестология.*

V. Egorov

CULTURE OF CONSCIENCE AS PRINCIPLE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

In article the culture of conscience as the principle law which is shown in the system of the public relations is considered. His objectivity and relative independence; his internal need and the essential, repeating communication, the way stabilizing and strengthening society.

KEYWORDS: *conscience, culture of conscience, principle, principle law, sovestologiya.*

В историческом процессе, в совокупности общественных отношений действует принцип культуры совести, реальный принцип бытия. Принцип (от лат. – начало, основа) – основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения. Внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы поведения или действия [4, с. 585].

Люди в своей жизненной практике живут и руководствуются принципом культуры совести. Принцип культуры совести в основном и главным проявляет себя на каждом историческом этапе. Являясь диалектическим ядром стабильности общества, этот нравственный принцип-закон действует с железной необходимостью. Принцип культуры совести в той или иной мере существовал и действовал все-

* **Егоров Александр Владимирович**, кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

гда, потому как был потребностью и соотносил совесть общества с совестью человека.

Принцип культуры совести как объективное явление, а следовательно, как закон признается необходимой значимостью для воли каждого существа. Этот принцип является исходным шагом, первоосновой в повседневной жизни для каждого из нас. По своей сущности принцип культуры совести представляет предельно общую форму своего проявления и распространяется на всех людей. Соблюдение принципа культуры совести означает, что надо жить в соответствии со всеми нравственными нормами общества, т. е. в согласии с самим собой. Принцип культура совести общества отражает исторически корневой уровень его духовной культуры.

По-своему содержанию принцип культуры совести выражает объективные особенности современного российского общества. При этом он связан с важными духовными традициями и обычаями общества, с его интеллектуально-нравственными интересами и запросами. Принцип культуры совести как нравственная основа общества вписывается в сферу должного. Он дает социально заданный ориентир во всех формах человеческой жизнедеятельности. Принцип культуры совести, проявляясь как определенная закономерность, не навязывая, не сковывая свободу личности, дает свободу выбора, но предупреждает о том, что существует конкретный и упорядоченный предел в нравственной атмосфере общества. Культура совести предполагает соответствие совести общества с совестью личности. Принцип культуры совести открывает человеку все возможности для развития и проявления личных интересов и способностей. Он позволяет реализоваться человеку как личности. В обществе всегда существовала здоровая потребность в честных, ответственных тружениках, способных своим трудом облагородить себя и принести благо другим. По-своему содержанию культура совести является императивным принципом, который раскрывается в нормальных человеческих отношениях. Культура совести общества ставит каждого в равные отношения перед нравственными нормами и выражает наиболее полно сущность социальных отношений, их идейную направленность.

Спрашивается, может ли быть единым нравственный принцип в обществе для разных социальных групп и сословий? Да, может. Принцип культуры совести дает социальную ориентацию поведения и деятельности людей, формулирует нравственные требования в наиболее общем виде. Он вбирает в себя все моральные нормы жизнедеятельности людей. Являясь самодостаточным, принцип культуры совести во все не означает, что можно его игнорировать по отношению к богатым

слоям населения. В этом отношении есть правила и законы государства. В силу своей обобщенной формы принцип культуры совести имеет относительную самостоятельность по отношению к многообразию жизненных ситуаций. Принцип выступает в качестве абстрактной меры поступков людей и основной тенденцией в их нравственной жизни.

Жизненность принципа культуры совести определяется тем, в какой мере он отражает объективные тенденции поступательного исторического процесса. Соответствует ли он желаниям народа, и в какой мере он обобщает реально практикуемые формы общественной связи между людьми. Способствует ли принцип культуры совести развитию общества и государства, уравнивает ли он интересы индивидуально-коллективные, частные и общественно-государственные? Этот принцип, как мы видим, в целом сплачивает и укрепляет общество, являясь ценностным мотивом деятельности.

Принцип культуры совести включает в себя все положительные нравственные наработки общества, в этом его преемственная объективная и необходимая связь. Это важный принцип науки совестологии [1, с. 6-15], науки о культуре совести. С развитием нравственной культуры общества углубляется содержание принципа-закона совестологии. На любом историческом этапе принцип культуры совести проявляется в той или иной мере своего соответствия, своего содержания.

Спрашивается, существует ли общество как объективная система? Да, оно существует независимо от личности. Если оно возникло, если оно есть, то оно функционирует. Если оно функционирует, то оно живет и действует по нравственному принципу-закону культуры совести. Принцип культуры совести – это способ жизнедеятельности и совершенствования самого общества. Это нравственное первоначало, которое вытекает из самой жизнедеятельности людей. Это есть мера самосознания, есть устойчивая нравственная связь и взаимосвязь людей в обществе, которая упорядочивает поведение людей, должному охватывает все его сферы. Эта существенная преемственная связь прошлого с настоящим, между положительно старым и с востребовано новым, которая проявляется в совестливых делах и поступках людей. Совесть народа, ее ценностно-нравственное содержание спасало и оздоравливало общество от великих социальных недугов и внешних врагов.

Можно ли назвать принцип культуры совести законом? Есть ли на это какие-нибудь основания? Проявление принципа культуры совести нашего народа в истории не прекращалось в той или иной мере никогда, потому как общество накапливало и набирало свою нрав-

ственную силу. В целом, в историческом аспекте действие принципа культуры совести проявлялось, как объективная и внутренняя связь общества. Действие этой тенденции сохраняло и сохраняет наше общество от нравственного развала. Этот принцип действует независимо от отдельных субъектов, нарушающих этот, своего рода, закон. Он действует потому, что в нашем народе выработан нравственно-духовный менталитет, поддерживаемый нашей исторической культурой, нашим великим языком, нашими традициями, обычаями и образом жизни. В нашем обществе он действует, потому как мы помним о долге и совести, потому как мы знаем свою историю, любим свою землю и предков. Принцип культуры совести вбирает в себя такое качество народа, как патриотизм. Чувство патриотизма истари природно чувству совести, их нельзя разделить, они вместе представляют грозную силу народа. Совесть и патриотизм никогда не покидали русский народ. Так, в годы Отечественной войны 1812 г. «дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целеобразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие» [6, с. 511]. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. раскрыла массовый патриотизм народа, его неподкупную культуру совести.

Этот принцип-закон возникает с образованием, становлением общества и соответствующих ему условий, живущих людей в этом государстве. Принцип культуры совести помогает человеку понять необходимость защищать свои традиции, связанные с просторами нашей родины. Принцип культуры совести помогает осознать необходимость защиты нашей культуры, нашего родного языка, наших традиций и обычаев. В целом, как тенденция, принцип культуры совести открывает возможности всему хорошему, что рождается и упрочивает нашу культуру. Но всегда ли это так? На то и принцип, тенденция, дающая нам свободу выбора, мышления и действия. Есть ли такой человек, который по своей молодости ни разу бы не нарушил принцип культуры совести в своей жизни? Оценивая свою жизненную линию поведения, человек может сказать, что в целом он жил и действовал в соответствии с нравственным принципом-законом культуры совести.

Культура совести – это такое чистилище души, это такое духовное богатство и надежда на будущее, которые всегда жили в помыслах и делах народа. Принцип-закон культуры совести находит свое проявление в соблюдении верности и ответственности в себе, он проявляется как определенная тенденция в целом. Это такой метод [2, с. 10–17], который позволяет в целом стабилизировать общество. Без культуры со-

вести, без ее жизненного проявления не было бы преемственности в нашей отечественной истории. Это живая фронтальная нить, которая пронизывает исторический процесс, сцепляет его в единое целое. Совесть как духовный стержень является наиболее существенным элементом диалектики жизни. Культура совести как социальное явление, как внутренняя потребность, есть общечеловеческая ценность, которая должна быть дорога каждому.

Поступательное развитие общества включает этот необходимый структурный элемент диалектики. Принцип культуры совести характеризуется на каждом историческом этапе своей преемственностью, наполняясь более широкими полномочиями, он охватывает все более широкие слои населения. Культура совести – это жизнь людей, прежде всего, трудовая. Она показывает нравственную меру культуры людей, их моральную убежденность. Культура совести всегда была связана с переживаниями народа с насущными трудностями государства. Принцип культуры совести в целом находил свое проявление на всех этапах исторического процесса.

Культура совести – одна из форм морального сознания, включая всю совокупность должного, которая в первую очередь заставляет быть человеком во всех его жизненных отношениях, не нарушать правила и установки социального общежития. Культура совести предполагает здоровый нравственный уровень общества и соответствующее ему духовное богатство личности, обоюдную-нравственную ответственность. Сегодня принцип культуры совести требует знание отечественной культуры, её защиты от нападков недругов.

Культура совести народа как общечеловеческая ценность, её нравственно-побудительное содержание неоднократно спасало наше общество. Так, выражая желание всего народа, осознавая нависшую опасность над страной, гражданин Минин и князь Пожарский в Смутное время возглавили народное ополчение и тем самым способствовали освобождению русского государства от литовских и польских интервентов. Этот принцип обостряет чувство долга, ответственности за судьбу Отечества. Он связан с самосознанием народа, с наличием духовной культуры общества, с его здоровым нравственным началом. Чувство совести простого народа обостряется особенно тогда, когда Отечество в опасности. Л. Н. Толстой рассказывает о патриотизме русского народа в годы Отечественной войны 1812 г. в романе «Война и мир». Он пишет: «Партизаны уничтожали Великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего дерева – французского войска, и иногда трясли это дерево» [6, с. 515].

Принцип культуры совести был необходим и для тех, кто стоял у власти в прошлом. Он был главным и ведущим принципом для людей, в руках которых была судьба народа. Он был нужен и для простого народа труженика, и был всегда наполнен нравственно-жизненными заботами. До отмены крепостного права за крестьянина «думал» хозяин, а с освобождением крестьянин получил право думать о себе. Принцип совести человека – это и его личностное достоинство. В пьесе А. Н. Островского «Бесприданница» Лариса Дмитриевна верна своей любви, голосу своей совести, она не желает выходить замуж за нелюбимого человека, ей лучше смерть, чем постоянно чувствовать оскорбленное свое достоинство. Она говорит: «Я мужа своего, если уж не любить, так хоть уважать должна; а как я могу уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления» [5, с. 135–136]. «Я любви искала и не нашла, на меня смотрели и смотрят как на забаву» [5, с.141]. Борьба за чистоту совести унесла немало жизней, принцип совести, как видно, глубоко трагичен, но он был и проявлял себя всегда самоотверженно.

Принцип культуры совести науки совестологии находит свое проявление в соответствии моральных норм личности и общества. Этот принцип, своего рода – закон, который проявляется как тенденция. Однако это не значит, что каждый из нас точно и безоговорочно живет по данному социальному принципу. Так, монолог Печорина в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» выявляет эгоистично-оценочный путь героя, заставляя задуматься и прийти к искренней самооценке. «Я спрашиваю себя невольно, зачем я жил? Для какой цели я родился?.. А верно, она существовала... Я чувствую в душе моей силы необъятные... Я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных, из горнила их я вышел, тверд и холоден как железо, но утратил на веки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни. Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия» [3, с. 147–148]. Культура жизни простого народа не эгоистична, она отличалась от жизни придворной знати, но она была.

Ведь чистая совесть, – говорили философы, – только у Бога, но Бог, создавая человека, наградил его таким качеством, и человек познал этот принцип-закон через свои личные страдания. Страдания – это своеобразная форма самосознания и оценка пережитого. Уровень проявления культуры совести у разных слоёв неодинаков, но по своей направленности и содержанию требует одного, – переживая, соблюдать общечеловеческие нормы и ценности, быть ответственным и выполнять работу с чувством долга и справедливости. Дворянская и народная

культуры в основном дополняли друг друга на одной существенной основе – культуре совести, которая являлась связующим звеном одной ментальной культуры.

Народная культура была открытой, доступной, диалогичной, но в целом та и другая основывалась на совести. Не может быть по сути своей дворянской или крестьянской совести. Культура совести одна для всех и гласит она, что надо быть достойным человеком, жить по совести. Было и такое, что культура простого народа была и является доступным примером и для отдельных представителей высших кругов. Она подчас усовещивала чиновников, пробуждала совесть, рождала меценатов, заставляла задумываться над смыслом жизни, побуждала искать его в служении и помощи простому народу. Культуре совести чуждо противопоставление внутреннего духовного мира внешним нормам и требованиям общества.

Культура совести – это своеобразная линия поведения на протяжении всей жизни человека, она указывает на относительную необходимость и последовательность руководства этим императивом. Принцип-закон культуры совести предполагает свободное и равное отношение людей в обществе, равенство нравственных отношений друг к другу. Он поддерживает и санкционирует в самой общей форме определенные общественные устои в образе жизни, общении, материальном производстве. Принцип не допускает исключений, претендует на всеобщность и оперативность, выражая социально-исторические условия бытия человека, его сущностные интересы и потребности. Здесь самой личности предоставляется право контролировать свои поступки и давать им оценки без внешнего воздействия и контроля. В принципе культуры совести отражаются обоюдно потребности человека и общества, обобщается исторический опыт многих поколений. С точки зрения этого принципа оцениваются и сегодня поставленные цели и средства их осуществления. Жить в достатке никому не запрещается, но как, какими средствами можно этого достичь, это сделать, не нарушая принципа культуры совести, это ставит человека в самокритичные рамки отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Егоров А. В.* Совестология, как научная область знаний о культуре совести / А. В. Егоров // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам 44 междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2015. – 120 с.
2. *Егоров А. В.* Культура совести, как метод науки совестологии / А. В. Егоров // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии :

сб. ст. по материалам 53 междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2015. – 108 с.

3. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. – М. : Художественная литература, 1967. – 176 с.
4. Новый энциклопедический иллюстрированный словарь / под ред. В. И. Бородулина, А. П. Горкина и др. – М. : Большая российская энциклопедия, 2005. – 912 с.
5. *Островский А. Н.* Бесприданница : пьесы. – М. : Детская литература, 1975. – 160 с.
6. *Толстой Л. Н.* Война и мир : роман : в 4 т. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – Т. 1–4.

ИСТОРИЯ

УДК 625.1/5(57.2)

В. Г. Третьяков *

ИЗ КОГОРТЫ САМЫХ ЗНАМЕНИТЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ РОССИИ (к 100-летию со дня рождения Г. И. Тетерского)

Статья посвящена истории жизни и трудовой деятельности одного из самых выдающихся работников железнодорожного транспорта страны, прошедшего долгий путь от рядового инженера на ст. Первая Речка Владивостокского отделения Приморской железной дороги до начальника Красноярского отделения Восточно-Сибирской железной дороги, Советника по тарифно-экономическим вопросам в Комитете организации сотрудничества железных дорог социалистических стран в Польше, профессора ИрГУПС, имя которого присвоено Восточно-Сибирской детской железной дороге.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инженер путей сообщения, отделение дороги, Управление дороги, электрификация железной дороги, электровозы переменного тока, техническое перевооружение железной дороги.

V. G. Tretyakov

FROM A COHORT OF THE BEST-KNOWN RAILROAD WORKERS OF RUSSIA (to the 100 anniversary since the birth of G. I. Tetersky)

Article is devoted to a life story and work of one of the most outstanding workers of the railway transport of the country which went a long way from the ordinary engineer on St. The first Small river of the Vladivostok separation of the Seaside railroad to the chief of the Krasnoyarsk separation of East Siberian Railway, the Adviser for tariff economic problems in Committee of the organization of cooperation of the railroads of the socialist countries in Poland, professors of IRGUPSA whose name is appropriated to the East Siberian children's railroad.

KEYWORDS: engineer of means of communication, separation of the road, Control of the road, electrification of the railroad, electric locomotives of an alternating current, modernization of the railroad.

* **Третьяков Валерий Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.

Георгий Игнатьевич Тетерский родился 10 июля 1918 г. в г. Нерчинске Читинской области в семье железнодорожного служащего. Его дед по линии отца был крестьянином Могилевской губернии. Мать рано осталась без родителей и воспитывалась у дяди в Забайкалье. Отец Георгия Игнатьевича был телеграфистом на железной дороге и, имея два класса образования церковно-приходской школы, сумел дослужиться до старшего инженера-экономиста службы движения Забайкальской железной дороги.

После смерти отца Георгий Игнатьевич в августе 1935 г. вынужден был идти работать. При содействии друзей отца он был принят в Управление Забайкальской железной дорогой на должность техника диспетчерской службы. Так судьба тесно связала его с дорогой, знакомой ему с детства. К своим новым обязанностям техника-диспетчера он быстро привык, освоился и вскоре уже успешно справлялся со всеми вопросами самостоятельно.

Важным событием в жизни Г. И. Тетерского стало поступление в Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта в 1936 г. Это уже была вторая попытка, первый раз он поступал в 1935 г. и тогда, сдав успешно все экзамены, не был зачислен из-за возраста. Теперь же он стал слушателем института военных инженеров. Учился с интересом и вскоре завоевал симпатии своих сокурсников.

В декабре 1941 г. он окончил Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта, получив диплом инженера путей сообщения по специальности инженер движения и грузовой работы. А в январе 1942 г. его по распределению направили в качестве инженера путей сообщения на ст. Первая речка Владивостокского отделения Приморской железной дороги.

Это было сложное время в жизни страны, тогда, в период массовых военных перевозок, работе необходимо было отдавать все. И Георгий Игнатьевич себя не жалел, целиком отдаваясь делу. Такое отношение к труду приносило видимые результаты, что уже вскоре было замечено руководством и обеспечило Г. И. Тетерскому продвижение по службе. В октябре 1942 г. его назначают старшим помощником начальника ст. Эгершельд, где он и работает в этой должности по январь 1943 г. С января 1943 г. по февраль 1945 г. он был заместителем начальника ст. Эгершельд. Приказом Наркома путей сообщения от 24 марта 1945 г. № 651 Георгий Игнатьевич был назначен начальником ст. Эгершельд Приморской железной дороги. А еще в феврале 1945 г. на него был подготовлен первый аттестационный документ, который состоял в основном из семи разделов: в первом раз-

деле говорилось о происхождении и образовании, о первых шагах работы на железной дороге; во втором разделе – о политической благонадежности; в третьем – об уровне технической грамотности; в четвертом – об опыте руководства работой в годы войны; в пятом – о работе на ст. Эгершельд; в шестом – о наградах, и в седьмом делались выводы и давались рекомендации. Таким образом, а с февраля 1945 г. по январь 1948 г. Г. И. Тетерский был начальником станции. С января 1948 г. он назначается главным инженером, а затем заместителем начальника Владивостокского отделения.

В 1949 г. во Владивостоке началась новая волна репрессий. В это время в Приморском крае проводился обмен паспортов. И это мероприятие власти использовали в том числе и для выселения из Владивостока неугодных или неблагонадежных. А поскольку отец Георгия Игнатьевича в свое время был начальником ст. Манчжурия КВЖД, то и Г. И. Тетерского, вероятно, тоже относили к неблагонадежным. Когда паспорта Зои Ивановны и Георгия Игнатьевича Тетерских были переданы на переоформление, паспорт Зои Ивановны вернули, а паспорт Георгия Игнатьевича задержали. Им уже были известны нередкие случаи, когда переданный на переоформление паспорт не возвращали, а людям предлагали немедленно покинуть пределы Дальнего Востока.

Однако с Тетерскими все обошлось благополучно. Георгия Игнатьевича перевели в распоряжение Красноярского отделения.

Поскольку его приезд на новое место службы все же был несколько неожиданным, это создавало ряд проблем, в том числе и жилищно-бытового характера. В частности, руководством отделения ко времени приезда Тетерского было принято решение спецвагон от состава не отцеплять, а сразу отправить на ст. Боготол, где Георгий Игнатьевич уже был назначен на должность главного инженера Боготолского отделения. Так семье вначале пришлось жить в вагоне, а через месяц им выделили небольшую квартиру в четырехквартирном доме.

Боготолский период занимает яркую страницу в профессиональной деятельности Г. И. Тетерского. Прибыл он сюда на должность главного инженера. Это назначение, вероятно, было вызвано какими-то политическими соображениями властей, но самому Г. И. Тетерскому, конечно, было на что обидеться: Боготолское отделение считалось не очень-то престижным местом, а тем более, что его переводили на ту же должность, которую он занимал и на Приморской железной дороге. Быть главным инженером и заместителем начальника отделения на Приморской дороге – это довольно-таки высокая профессиональная ступень, с Боготолом не сравнить. Но здесь вновь сказался высокий

профессиональный уровень и организаторский талант Георгия Игнатьевича, его и здесь быстро заметили. И то, что с должности главного инженера выдвинули на должность начальника отделения – это было признанием руководства Красноярской железной дороги профессиональных достоинств Г. И. Тетерского.

Приказом министра путей сообщения Б. П. Бещева от 25 ноября 1953 г. за № 734 инженер-майор Г. И. Тетерский был назначен начальником Красноярского отделения. Это назначение Георгий Игнатьевич всегда вспоминал с особым чувством. Теперь он стал руководителем одного из ведущих отделений Транссибирской магистрали, и в этой должности ему пришлось трудиться до 1968 г. Не часто на дороге встречаются люди, проработавшие начальником отделения 15 лет. А вот Г. И. Тетерскому пришлось. Пришлось и много труда ему вложить для того, чтобы обеспечить стабильную, бесперебойную работу своего отделения.

Правда, в этом периоде важным оказался для него и 1962 г., когда в мае месяце было принято решение МПС об объединении Боготолского и Красноярского отделений. Конечно, работа по объединению была начата заблаговременно, и, естественно, решался вопрос поиска достойного руководителя укрупненного отделения. Но сомнений практически не было ни у кого. По своим заслугам и производственному опыту руководителем нового отделения мог быть только Г. И. Тетерский, о чем и говорится в многочисленных характеристиках, справках, представлениях.

После анализа всех представленных с мест документов министр путей сообщения Б. П. Бещев 14 июня 1962 г. подписал приказ № 125, где говорится, что, в связи с объединением Красноярского и Боготолского отделений ВСЖД в единое Красноярское отделение, Г. И. Тетерский назначается начальником Красноярского отделения ВСЖД.

Теперь Георгию Игнатьевичу пришлось руководить весьма крупной структурой. Работы и забот, без сомнения, значительно прибавилось, но, в каком-то плане окрыляло доверие руководства, а вместе с тем росла уверенность в своих силах и возможностях.

Интересные характеристики Г. И. Тетерского в период его ознакомления с состоянием пути приводит в своих воспоминаниях В. Д. Войлошников. Познакомились они, как сообщает Вениамин Дмитриевич, в декабре 1966 г., когда Иланское отделение упразднили, и эта дистанция пути была передана в состав Красноярского отделения ВСЖД. Первый вопрос Георгия Игнатьевича был таков: «Какое состояние пути на вашей дистанции?». Он ответил, что среднее. Тогда Г. И. Тетерский задал второй вопрос: «А сколько баллов?». В. Д. Вой-

лошников ответил, что в среднем по дистанции в ноябре было 7 баллов. «Так это отлично!» – сказал Г. И. Тетерский и дружественно пожал руку. «Я понял, – вспоминает Вениамин Дмитриевич, – что Георгий Игнатьевич хорошо знает путевое хозяйство и что с ним нужно говорить только по существу».

В 1968 г. начальника ВСЖД А. Т. Головатого пригласили на работу в Москву в аппарат МПС. Вместо него на должность начальника ВСЖД стали согласовывать кандидатуру начальника Красноярского отделения Г. И. Тетерского. Поскольку Георгию Игнатьевичу на то время уже было около 50 лет, Главное управление кадров Министерства путей сообщения запросило документы в клинику ВСЖД о состоянии его здоровья. В представленной в МПС справке было отмечено хорошее состояние Г. И. Тетерского.

В отдел кадров МПС была представлена производственная характеристика Г. И. Тетерского, подготовленная Управлением дороги и Дорпрофсожа, подписанная начальником ВСЖД А. Т. Головатым и председателем Дорпрофсожа И. Л. Савченко. Кроме этого была составлена партийная характеристика, подписанная секретарем партбюро Красноярского отделения дороги Нежевец и секретарем Октябрьского РК КПСС г. Красноярска Капелька. В своей характеристике А. Т. Головатый и И. П. Савченко отмечали, что в период работы на Красноярском отделении Г. И. Тетерский проявил серьезные организаторские способности. Постоянно оказывал помощь строителям, чем способствовал досрочному завершению работ по электрификации железной дороги. Под его умелым руководством коллектив отделения обеспечил безаварийную работу и своевременные перевозки.

В характеристике, данной Г. И. Тетерскому партийными органами, подчеркивалось, что Георгий Игнатьевич является инициатором многих прогрессивных начинаний, в том числе крупного жилищного и культурного строительства. Под его непосредственным руководством в г. Красноярске и на линии постоянно строятся жилые дома и объекты соцкультбыта (пионерские лагеря, ясли, детские сады, магазины, бани, колодцы и другие объекты). Особо отмечалась его работа в выборных партийных и советских органах.

Избираться в советские и партийные руководящие органы Георгий Игнатьевич начал давно, еще в 1946–1949 гг. он был депутатом Владивостокского горсовета. В 1954–1963 гг. он являлся депутатом Красноярского Совета народных депутатов, в 1963–1968 гг. – депутатом Краевого Совета. Наряду с советскими органами Георгий Игнатьевич активно участвовал в выборных партийных органах. В 1953–1968 гг. он являлся членом Октябрьского РК КПСС Красноярска, в 1954–1967 гг. был чле-

ном Бюро Красноярского горкома партии, в 1963–1968 гг. – членом Красноярского Краевого комитета КПСС.

В партийной характеристике был приведен список правительственных наград, которые Георгий Игнатьевич имел на тот период: Первую свою правительственную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» он получил 2 апреля 1946 г., еще работая в Приморском крае. 5 ноября 1953 г. ему вручается медаль «За трудовое отличие», 20 апреля 1957 г. – медаль «За трудовую доблесть», 10 июля 1957 г. – медаль «За освоение целинных и залежных земель». 2 июля 1962 г. он становится кавалером ордена «Знак Почета», а 4 августа 1966 г. кавалером ордена Ленина. 3 декабря 1968 г. его награждают медалью «50 лет Вооруженных сил СССР».

На основании этих характеристик, представленных в МПС, отдел кадров министерства подготовил представление в ЦК КПСС за подписью министра путей сообщения Б. П. Бещева. В заключении этого документа подчеркивалось, что товарищ Тетерский – опытный специалист в области организации перевозочных процессов на железнодорожном транспорте, инициативный и энергичный руководитель, обладает организаторскими способностями, хорошо знает условия работы железной дороги и вопросы техники безопасности. Естественно, что вопросы назначений А. Т. Головатого и Г. И. Тетерского были согласованы с Иркутским обкомом и Красноярским крайкомом КПСС. И после всех необходимых согласований 11 декабря 1968 г. появляется приказ № 559, которым на должность начальника ВСЖД назначается начальник Красноярского отделения ВСЖД Г.И. Тетерский.

Став начальником ВСЖД, Георгий Игнатьевич, опираясь на свой богатый опыт, со знанием дела руководил многоотраслевым железнодорожным хозяйством, уделяя особое внимание совершенствованию перевозочного процесса, реконструкции и оснащенности хозяйства дороги, вопросам эффективного использования подвижного состава, улучшения жилищных и культурно-бытовых условий жизни работников линии.

В годы VIII пятилетки в локомотивных депо дороги были созданы автоматизированные линии по ремонту локомотивов. Это позволило сократить простой локомотивов в ремонте на 42 %. За это же время в одиннадцати вагонных депо станций ВСЖД по опыту депо Москвы были внедрены механизированные поточно-конвейерные линии на ремонте вагонов и узлов. Это позволило сократить простой вагонов на ремонте на 31 %. Кроме этого, на девяти станциях были созданы крупные механизированные пункты подготовки вагонов под погрузку по методу станций Заиграево и Каракуба.

В эти годы Восточно-Сибирская дорога на основе собственного опыта внедрения поточных линий на ремонте электровозов и электропоездов в локомотивных депо Нижнеудинска, Иркутск-Сортировочного, Красноярска, а также опыта внедрения крупных самодвижущихся механизмов на ремонте вагонов под погрузку на ст. Заиграево, по решению министерства путей сообщения провела особую сетевую школу.

На дороге с целью увеличения веса поездов на 26 промежуточных станциях было произведено изменение путей. Это позволило увеличить вес поездов на 105 т. На предприятиях дороги систематически внедрялись достижения, полученные при исследованиях в области научной организации труда, улучшалась производственная эстетика. По итогам общественного смотра культуры производства на предприятиях и в организациях железнодорожного транспорта в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина три предприятия ВСЖД были награждены дипломами Совета Министров СССР и ВЦСПС, а семь предприятий дороги отмечены Почетными грамотами МПС и ЦС профсоюзов.

С целью увеличения пропускной способности на лимитирующих учебах, особенно в период предоставления окон для производства линейных путевых работ, широко применялся метод пропуска состыкованных поездов. Применение передовых методов погрузки с использованием суженой части габарита позволило повысить за 1966–1970 гг. статическую нагрузку на вагон на 1,48 т и высвободить для дополнительной погрузки 188 тыс. вагонов. Все это способствовало выполнению Восточно-Сибирской дорогой заданий восьмого пятилетнего плана перевозок досрочно – к 5 ноября 1970 г. За эту пятилетку государственный план по перевозке грузов и пассажиров был выполнен на 103,4 %, по производительности вагонов на 100,6 %, по производительности локомотивов на 100 %, по росту производительности труда на 36,8 %. Себестоимость перевозок была снижена по сравнению с плановой на 12,9 %. В эти годы было сэкономлено 150 млн квт/ч электроэнергии и 14 тыс. т дизельного топлива.

Бурный рост производительных сил Восточной Сибири за пятилетие вызвал увеличение грузооборота на дороге на 41,7 %, производительности труда на 36,8 %, хотя директивами XXIII съезда КПСС был предусмотрен рост грузооборота на 23 %, а производительности труда на 25 %. За годы VIII пятилетки (1966–1970). Восточно-Сибирской дороге три раза присуждалось переходящее Красное знамя МПС и ЦС профсоюзов рабочих железнодорожного транспорта, а за успешные выполнения социалистических обязательств в честь 100-летия со дня рож-

дения В. И. Ленина дорога была удостоена Почетного диплома и Второй денежной премии.

В первые годы девятой пятилетки, в 1971–1972 гг. ВСЖД выходила победителем в социалистическом соревновании с присуждением переходящего Красного Знамени Совета Министров СССР и ВЦСПС. Два раза дороге было присуждено переходящее Красное Знамя МПС и ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта.

Следует отметить сразу, что девятая пятилетка (1971–1975) была удачной для работы ВСЖД во многих отношениях. Почти 200-тысячный коллектив уже к 30 ноября 1975 г. выполнил пятилетнее задание по грузообороту, а к 17 декабря – задание по отправлению грузов. В целом же пятилетнее задание по грузообороту было перевыполнено на 18 млрд т/км и по отправлению грузов – на 7 млн т. Производительность труда за эту пятилетку возросла на 26,5 % при плановом задании 26 %. За пятилетие было получено 1 518,6 млн руб. прибыли, сэкономлено 372,3 млн квт/ч электроэнергии, 7 600 т условного дизельного топлива и 114 т твердого топлива.

За XI пятилетку на дороге было выполнено 4 712 организационно-технических мероприятия по внедрению новой техники и научной организации труда с экономическим эффектом 19,3 млн руб. Рационализаторы и изобретатели дороги внедрили в производство 43 390 изобретений и рационализаторских предложений на 19,2 млн руб.

За годы XI пятилетки в развитие хозяйства дороги было вложено 416 млн руб. Дальнейшее техническое оснащение получили все структуры ВСЖД. Были осуществлены крупные мероприятия по улучшению труда и быта железнодорожников за счет строительства жилья, объектов культурно-бытового назначения, медицинского и торгового обслуживания.

За достижение высоких показателей во Всесоюзном социалистическом соревновании, досрочное выполнение народнохозяйственного плана в 1975 г. и успешное завершение XI пятилетки ВСЖД было присуждено переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Тогда же дорога была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Являясь руководителем крупной магистрали, Георгий Игнатьевич вносил большой личный вклад в разработку и осуществление задач по обеспечению народного хозяйства Восточной Сибири в перевозках на основе дальнейшего технического перевооружения, совершенствования эксплуатационной работы и эффективного использования транспорта. Коллектив стабильно обеспечивал возрастающий объем перевозок, который за 1965–1975 гг. вырос почти в два раза.

Много труда, инициативы и настойчивости вкладывал Георгий Игнатьевич в дело повышения эффективности и качества перевозок в Х пятилетке. При непосредственном его участии и руководстве были разработана программа ускоренного развития транспорта в Восточной Сибири. На дороге была организована работа локомотивов на удлиненных полигонах более 1 000 км, значительный эффект был получен от внедрения рекуперации на постоянном токе, продолжалось внедрение ее на участках переменного тока, на ВСЖД была внедрена первая очередь АСУ дороги.

В результате выполнения этих мероприятий ВСЖД обеспечивало беспрепятственный пропуск поездов. Так, в 1977 г. план отправления грузов был выполнен полностью. За 4 месяца 1978 г. были выполнены все качественные показатели по производительности труда и обороту вагона, производительности локомотивов, себестоимости и прибыли. Только за счет ускорения оборота вагона было 10,6 ч для погрузки 121 тыс. вагонов. В мае 1978 г. ВСЖД по инициативе Георгия Игнатьевича выступила с предложением об организации социалистического соревнования под девизом «Экономике Сибири и Дальнего Востока – отличное транспортное обслуживание». Этот почин получил широкую поддержку среди железнодорожников дорог Сибири и Дальнего Востока.

Еще одно крупное достижение восточносибирских железнодорожников в то время связано с содержанием пути. Вообще Г. И. Тертерский вопросам ремонта и поддержания пути уделял большое внимание, понимая, что выполнение капитального ремонта пути в конечном счете улучшает работу всех служб дороги. Как вспоминает В. Д. Войлошников, в начале каждого года издавался приказ по дороге о летних путевых работах, организация которых требовала взаимодействия всех служб дороги. Каждой весной начальники отделений проводили специальные совещания по летним путевым ремонтным работам.

После этого в управлении дороги под руководством Георгия Игнатьевича проводился дорожный актив, на котором руководители отделений и предприятий докладывали о своей готовности. А перед началом путевых работ по инициативе начальника дороги создавались оперативные штабы по непосредственному проведению окон в дороге, куда входили заместители начальника дороги, начальники служб, первый заместитель начальника отделения и руководители отделов. Накануне окна штабы отделений обсуждали готовность всех подразделений к окну и в 11 ч утра докладывали об этом дорожному штабу по селектору. В свою очередь дорожный штаб давал оценку проведенного предшествующего

окна и утверждал задание на следующий день. Такая система позволяла увеличивать объемы выполняемых работ, а также повышать скорости движения поездов сразу после ремонта пути до 60 км/ч. При этом в оконные дни не ограничивался прием поездов по внешним стыкам дороги. Этот опыт внимательно изучался научно-техническим советом МПС. Он был одобрен как опыт работы ВСЖД под девизом «Окна – по плану. Поезда – по предъявлению». Опыт было рекомендовано показать на ВДНХ СССР и в 1978 г. на основе материалов, представленных Георгием Игнатьевичем в МПС, несколько человек были награждены медалями ВДНХ.

Под непосредственным руководством Г. И. Тетерского была проведена большая работа по развитию хозяйства Улан-Удэнского отделения дороги, по усилению там пропускной способности, завершена электрификация главного хода ВСЖД на участке Слюдянка – Улан-Удэ – Петровский завод протяженностью 540 км. Большие работы были выполнены по развитию станций Улан-Удэ, Гусиное озеро, по строительству очистных сооружений на станции Гусиное озеро. Для улучшения благосостояния железнодорожников и их семей введены 53 918 м² жилья, построено два общежития на 600 мест, детский сад на 280 чел., больничный комплекс с поликлиникой на 750 посетителей. В 1978 г. были начаты серьезные работы по усилению тепловозной тяги на участке Улан-Удэ – Наушки.

Конечно, и проблем в эти годы возникало не мало. Так, Г. И. Тетерский всегда уделял огромное внимание проблемам безопасности движения, но, тем не менее, срывы были и в этих вопросах. В письме Министерства путей сообщения от 8 августа 1976 г., где говорится о неудовлетворительном отношении к безопасности движения на железных дорогах сети МПС, первой была названа ВСЖД. Это потребовало от Георгия Игнатьевича новых решительных мер, чтобы обеспечить на дороге безаварийную работу.

Георгий Игнатьевич тяжело переживал эти неудачи. Вроде бы все делалось, чтобы работать без аварий, но не получалось, срывы в работе его дороги хоть не часто, но случались. Все это обусловило необходимость приглашения начальника ВСЖД на заседание коллегии МПС с отчетом «О подготовке хозяйства и кадров на ВСЖД к работе в зимних условиях». И хотя отчет был хорошим, высокопрофессиональным, тем ни менее по его итогам Г. И. Тетерский получил от коллегии выговор за допущенное ухудшение показателей эксплуатационной работы и невыполнение установленного на 1976 г. плана заданий, особенно по перевозке топлива и лесных грузов.

1978 г. – год 60-летия Георгия Игнатьевича. Министерство путей сообщения, партийные органы Иркутской области выступили с ходатайством о награждении Георгия Игнатьевича Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР за многолетнюю и плодотворную работу на железнодорожном транспорте, активную общественную деятельность и в связи с 60-летием со дня рождения.

В документе отмечалось, что Георгий Игнатьевич работает на железной дороге более 40 лет, а в должности начальника ВСЖД с 1968 г., и за это время дорога добила выдающихся результатов. К тому времени, работая начальником ВСЖД, Г. И. Тетерский за многочисленные достижения руководимой им дороги был удостоен многих правительственных наград: 14 апреля 1970 г. он был награжден медалью «За доблестный труд в ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», 4 мая 1971 г. – орденом Трудового Красного Знамени, 12 февраля 1974 г. – орденом Октябрьской революции, 1 августа 1975 г. – медалью «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». И теперь ходатайство было поддержано, и в июле 1978 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Георгия Игнатьевича Тетерского Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

После того как юбилейные торжества отгремели, в связи с возрастом встал вопрос о переходе на другую работу. В Главном управлении кадрами министерства Георгию Игнатьевичу было предложено поработать советником по тарифно-экономическим вопросам в Комитете организации сотрудничества железных дорог социалистических стран. В апреле 1979 г. последовал приказ министра путей сообщения И. Г. Павловского «Об освобождении Г. И. Тетерского от обязанностей начальника ВСЖД в связи с переходом на другую работу...». Георгию Игнатьевичу были созданы все условия для работы в Комитете, который базировался в Польше. Согласно договору, 23 апреля он должен был быть в Москве, а его выезд в ПНР был назначен на 24 апреля 1979 г.

После успешной работы Георгия Игнатьевича в Польше по возвращению на родину приказом Министерства путей сообщения от 20 июля 1982 г. № 470 он был освобожден от работы в связи с уходом на пенсию. Ему была объявлена благодарность за долгую работу на железнодорожном транспорте. Приказ был подписан заместителем министра путей сообщения Б. А. Шелковым. Теперь Георгий Игнатьевич впервые за многие десятилетия был свободен.

Конечно, он мог бы переехать жить в столицу. Но он, что называется «прикипел» к Сибири. Здесь долгое время он помимо работы

на дороге активно трудился как в советских, так и в партийных органах, был членом парткома управления ВСЖД, в 1969–1979 гг. являлся членом Иркутского обкома КПСС, был постоянно членом Пленума Дорпрофсожа. Кроме этого он являлся также председателем Общества дружбы СССР – ГДР. В соответствии с планами работы этого общества он неоднократно бывал с различными делегациями земляков в ГДР. А в связи с укоренившейся уже традиций трудового соревнования между коллективами ВСЖД и УБЖД Георгий Игнатьевич постоянно посещал МНР.

Так активная работа производственного руководителя и общественного деятеля Г. И. Тетерского крепко связала его с Иркутском. Кроме того, здесь жили и работали его дети. Тем самым многочисленные факторы предопределили его возвращение в Иркутск. Здесь было много мест, куда Георгия Игнатьевича приглашали на работу как специалиста высочайшего уровня. Но он выбрал Институт инженеров железнодорожного транспорта. Передавать свой более чем 40-летний опыт будущим инженерам транспортных сообщений было очень важным. В ИрИИТе, естественно, очень обрадовались такому пополнению. Не всякий вуз может похвалиться, что лекции студентам читает бывший начальник дороги, проработавший на железнодорожном транспорте на десятках должностях и уровнях, награжденный орденами и медалями.

В ИрИИТе Георгий Игнатьевич прошел все ступени его роста от старшего преподавателя до профессора и старшего научного сотрудника.

Следует отметить, что Г. И. Тетерский, быстро освоив сложную, но интересную преподавательскую работу, включился и в научно-исследовательскую деятельность. 17 мая 1984 г. приказом № 98к он был принят в научно-исследовательский сектор по совместительству на должность старшего научного сотрудника.

Особенно активно Георгий Игнатьевич приступил к созданию и развитию лабораторной базы кафедры. Ректорат, партийные, профсоюзные организации поддерживали инициативы Г. И. Тетерского. 5 ноября 1984 г. приказом ректора № 186 он был награжден почетной грамотой за активное участие в общественной жизни вуза и за создание лабораторной базы кафедры. По итогам социалистического соревнования он был занесен на Доску Почета ИрИИТа.

Пять лет пролетели быстро, а это тот срок, на который избираются на должность в вузе. С 8 февраля 1988 г. Г. И. Тетерского перевели на 0,7 ставки доцента с окладом 160 руб. Этот год был для него юбилей-

ным. 10 июля 1988 г. ему исполнилось 70 лет. Он по-прежнему был бодр, энергичен, полон новых замыслов, идей. Приказом ректора от 17 июня 1988 г. № 111к за многолетнюю работу на железнодорожном транспорте, большой вклад в дело подготовки квалифицированных специалистов ему была объявлена благодарность и вручена денежная премия в размере 100 руб. Ректор ИрИИТа Л. П. Сурков тепло поздравил Георгия Игнатьевича с юбилеем.

14 лет пролетели почти незаметно. За это время Георгий Игнатьевич никогда не говорил, что он пенсионер и что ему тяжело. Он работал на равных с другими, а иногда и больше своих коллег. И вот теперь он волею судьбы вынужденно отказывался от дел. Правда, это не совсем так. На самом деле у него было много забот. Прежде всего, ему необходимо было восстановить здоровье; он упорно тренировался, и ему многое удалось. Он по-прежнему занимался общественной работой, являлся заместителем председателя совета ветеранов, вел большую работу по подготовке юбилейной книги к 100-летию прихода первого поезда в Иркутск.

Георгий Игнатьевич принимал активное участие во всех мероприятиях 1998 юбилейного года прихода первого поезда в Иркутск. А через год Красноярская железная дорога отмечала свое столетие. Георгий Игнатьевич ездил на торжества и в юбилейной книге «Стальное звено Транссиба» была опубликована его статья «Как это было», в которой он рассказал о социальной работе в то время, когда 15 лет работал на отделениях Красноярской дороги.

Георгий Игнатьевич скончался 14 июля 1999 г. Ему только что исполнился 81 год. И хотя возраст был уже приличный, он планировал совершить еще немало дел. Но здоровье подкачало, и его могучее сердце остановилось. Известие о смерти Г. И. Тетерского пронеслось по Иркутску и всей сети МПС. Тысячи людей пришли проститься с дорогим человеком, чей многолетний труд был отдан железнодорожному транспорту.

10 июля 2003 г. Георгию Игнатьевичу исполнилось бы 85 лет. К этой дате был изготовлен бюст Г. И. Тетерского, который установили при входе в управление Детской железной дороги, которой решением МПС, губернатора Иркутской области и Управления ВСЖД было присвоено почетное звание им. Г. И. Тетерского. В музеях ВСЖД, ИрГУПСа были организованы выставки, посвященные жизни и деятельности Г. И. Тетерского. В ИрГУПСе очередная научно-практическая конференция была посвящена Георгию Игнатьевичу.

Память о нем, дела его продолжают жить в сердцах и делах иркутских железнодорожников.

Красноярская поэтесса Надежда Стрелкова посвятила стихи Георгию Игнатьевичу Тетерскому.

Летят составы, оглушив
 Леса до пика Черского,
 То Красноярск – от всей души
 Приветствует Тетерского.
 Тебе сегодня все цветы
 Шлет город в День Рождения,
 И пожеланья теплоты,
 Здоровья, настроения.
 С тобой мы пережили много,
 И повторить готовы вновь.
 Ну а железная дорога –
 То наша первая любовь.
 И в красноярские просторы
 От нашего с тобой труда
 Шагнули электроопоры,
 Пошли электропоезда.
 И ни к чему пустые споры:
 Что много ты на плечи брал,
 Ведь эти самые опоры
 Своим плечом ты подпирал.
 Мы дел сворачивали горы,
 нас не смущали трудности,
 стоят красавицы-опоры,
 Как память нашей юности.
 Ты в нашем деле был артист,
 В награду – ранние седины.
 «Талантливый специалист» –
 Тебя признали финны.
 Умел ты души зажигать.
 Владел особым даром:
 Дружить, работать, отдыхать,
 Романсы петь и «Нары».
 Летели птицами года
 В прекрасных трудных буднях,
 И ты заботился всегда
 О самом главном – людях.
 Им сердце подарив свое,
 Не ведал ты покоя.
 Дворец культуры... и жилье...
 И многое другое.
 Как мы тогда красиво жили!
 В мечтах, в горенье и трудах,
 Мы верно Родине служили,

Пусть теперь послужат так.
Трудились с полной отдачей,
И совершенствуя и строя...
Мы просто не могли иначе
Тогда, во времена «застоя».
И, делом увлеченного,
Любил тебя народ.
Никто пути пройденного
У нас не отберет.
Заслуг твоих не перечить,
Как солнца луч – твоя судьба.
Живи, Россия, если есть
Еще такие сыновья.

УДК 656.2 (092)

А. Е. Козлова*

ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА

В статье затрагивается вопрос становления советской власти как логического завершения монархии в России. Появляются возможности к раскрытию внутреннего потенциала советского общества, и, как следствие, распространяется массовая волна новаторского движения социалистического производства. Раскрывается огромная роль человека в судьбе государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новая общественная формация, стахановское движение, Восточно-Сибирская железная дорога, кривоносовская колонна, потенциал человека.

A. E. Kozlova

THE PATH OF A MAN

The question of formation of the Soviet power as a logical conclusion of the monarchy in Russia is raised. Opportunities for reveal of the Soviet society's internal potential appear, and as a consequence, the mass wave of the innovative movement of socialist production expand. The great role of a man in the destiny of the state is disclosed.

KEYWORDS: new social formation, Stakhanov movement, East Siberian Railway, the Krivonosov column, human potential.

*Свеча ничего не теряет, если от ее пламени
зажглась другая свеча
Готфрид Келлер*

Реформа 1861 г. не принесла в жизнь крестьян радикальных изменений, а имела скорее номинальный характер. Бывшие крепостные продолжали трудиться на благо помещика и выплачивать оброк за свою «оседлую долю» то помещику, то государству практически пожизненно. Маленький размер крестьянских наделов, при сохранении крупного помещичьего землевладения, отсутствие технологий для повышения урожайности втягивали крестьян в новую зависимость, освободиться от которой многим было не под силу. И снова феодальный гнет продолжал

* *Козлова Алиса Евгеньевна, хранитель фондов музея истории ВСЖД – филиала ОАО «РЖД».*

довлеть над простым человеком, истерзанным и уставшим за время эксплуатации, насчитывающей уже сотни лет.

В массовом недовольстве конца XIX в. назревает предтеча грядущего общественного переворота, зарождение пролетарской прослойки, новая общественная формация. Старая, многовековая царская власть изживает себя, медленно, но верно подходя к своему закату. Революция 1917 г. ознаменовала собой окончание монархии. Фактически отсюда начинается становление советской власти, которую в дальнейшем требовалось укреплять, расширять, углублять.

Впервые за всю историю страны у обычного человека, рабочего, трудяги, еще с живой памятью угнетенных и униженных предков, появилась возможность самому творить свое будущее, строить свое государство, вместе с другими, такими же трудящимися, продвигаться по пути справедливости, добросовестности, солидарности, единства.

Люди почувствовали братство и сплоченность друг перед другом и перед своим новым правительством, руководимым их общепризнанным идейным вдохновителем.

Массовая волна новаторского движения социалистического производства, направленная на скорейшую индустриализацию страны, рост производственных мощностей, социалистическое строительство, прокатилась по стране в годы 2-й пятилетки и охватило все области и стороны жизни человека, поднимая на поверхность самых передовых рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, медиков, учителей, деятелей науки, железнодорожников, которые в массе своей именовались гордо и благозвучно «стахановцами».

Стахановец – это человек нового времени, нового мышления, передового и прогрессивного, идейно вдохновленный он четко видел цель и результаты своей работы, но не для себя стремился он к этим благам, а для общества. Он зажигался сам и, следуя вперед, зажигал свет и надежду в других, рядом идущих. Ведь судьба государства ложилась огромной ответственностью на каждого ее жителя. Вклад в дело такого масштаба измеряется целой эпохой, эпохой, в которой каждый через труд оставляет частицу себя, это огромная честь и гордость для каждого передового человека.

Невозможно пройти мимо знатного машиниста Восточно-Сибирской железной дороги Николая Ивановича Носанова. Это человек исключительной стойкости, целеустремленности, упорства, необыкновенных лидерских качеств и скромности, живой пример того, как «маленький» человек, беря свет от большого пламени, зажжет его в других.

Газета «Восточно-Сибирская правда» за 1938 г. дает такую характеристику этому человеку: «Николай Иванович Носанов родился в 1910 г., в

семье маломощного середняка села Жаренки, Ардатовского района, Куйбышевской области. Отец его до революции занимался крестьянством, батрачил у кулаков, бурлачил на Волге, плотничал, занимался кладкой печей. В 1924 г. Николай Носанов работал у кулака Данилова в родном селе Жаренки. Ему тогда было всего 13 лет. Николай бросает работу у кулака и идет на железнодорожный транспорт сезонным рабочим на очистку пути, а через три года переходит грузчиком шпал и работает на станциях Ардатово, Киря, Бюсси, Алтышево и на ветках Московско-Казанской железной дороги. В 1930 г. Николай переезжает в Сибирь и поступает в депо Нижнеудинск, где уже работали его братья Михаил и Василий – один машинистом, другой – слесарем. Приняли его рядовым рабочим, но Николаю хотелось стать машинистом паровоза. Вскоре его переводят кочегаром на паровоз. Не оставляя мечты – быть машинистом, он ночами просиживал за книгами, постоянно посещал технический кабинет, приглядывался к машине и каждую свободную минуту отдавал учебе. Упорный труд принес свои плоды. Через шесть месяцев Носанов выдержал экзамен на помощника машиниста, а в 1932 г. стал самостоятельно управлять паровозом» [1]. И трудности, с которыми Николай столкнулся в Нижнеудинском депо, не остановили его порывы к профессиональному росту: а трудности эти были огромны. Все паровозы находились в запущенном состоянии. «Надо сделать паровозы образцовыми, – сказал молодой машинист, – и ездить так, чтобы не заходить в депо на межпоездной ремонт...» [2].

В то время комсомолец Носанов работал на «декаподе» – паровозе старой американской конструкции. Увлеченность своим делом заставила его изучить свою машину. Большое внимание Николай уделял уходу за ней. И вскоре смог добиться первых успехов: сделал 13 поездок без заезда в депо и перевыполнил технические скорости.

После того, как вождь советского общества И. В. Сталин на приеме в Кремле призвал армию железнодорожников работать четко и честно, транспорт пошел в гору. Когда в 1935 г. на железнодорожном транспорте развернулось кривоносовское движение, Носанов со всей энергией и страстью включился в него. Один из первых в Нижнеудинском депо он стал работать над методами вождения поездов по примеру известных машинистов того времени – Петра Кривоноса и Александра Огнева. Именно он первым стал водить на перегоне Нижнеудинск – Тулун тяжеловесные поезда без набора воды на расстоянии 118 км. Беспромысловый пробег паровоза он довел до 13 тыс. км.

Организатор стахановско-кривоносовского движения в депо Нижнеудинска, на каждом этапе своего пути Николай не останавливается на достигнутом, а продолжает совершенствовать свои знания, осваивать

новую технику. «Он постоянно повышает свои знания. В свободную минуту его можно увидеть за книгой. Иногда он подсаживается к группе машинистов с газетой и тут же говорит: «Смотрите-ка, ребята, такой-то машинист вон что сделал»... Сейчас же завязывается беседа» [2].

Всей своей энергией, упорным, настойчивым трудом, личным примером он зажигал и поднимал на стахановскую работу всех: «Однажды во время поездки он обнаружил дефект в работе паровоза – лопнула парорабочая трубка. Носанов не стал требовать резерва, а приняв все меры предосторожности, привел поезд вовремя и дал техническую скорость в 39 км в час вместо 28» [2]. За несколько лет работы он приобрел опыт старых машинистов и показал подлинные образцы кривоносовской езды, добился рекордных показателей скоростей вождения поездов.

И с этого момента к нему приходит мысль, которая определяет новые перспективы его развития: «Я работаю хорошо, думал Носанов, – но надо сделать, чтобы и все так работали» [2]. Подобрал энергичных молодых машинистов, главным образом комсомольцев, Носанов создает кривоносовскую колонну паровозов и сам становится ее вожаком». Вначале колонна была малочисленной, состояла из трех паровозов и небольшого количества людей. Около четырех лет ушло только на то, чтобы собрать полноценную команду. Немало было злопыхателей, с пеной у рта доказывающих, что невозможно добиться больше того, что уже есть. Но молодого машиниста это не останавливало. «Можно водить тяжеловесы даже на старых декаподах», – утверждал Носанов и отправлялся в рейс, чтобы доказать это. С напряженным вниманием следили машинисты за рейсом Носанова. Он и тут выходит победителем и приводит раньше срока состав весом в 1 516 т вместо 1 000» [2].

Общее дело сплачивает людей, выявляет в них лучшие качества, братское и дружеское отношение друг к другу. «В основе моей повседневной работы лежит изучение людей, оказание им практической помощи советом и делом. Десятки людей воспитывались в моей колонне, получали прекрасную практику работы и выходили, как говорят, «в большие люди». «Его способный ученик Александр Бугун, только что окончивший школу, самостоятельно управляет сейчас паровозом и недавно получил благодарность от начальника дороги». Немало машинистов обучил Носанов кривоносовской езде, помог словом и делом: «Вот, например, машинист, тов. Банных. Он работал на паровозе “737 – 30”. Первое время ему никак не удавалось достигнуть нормальной технической скорости. Я сделал с ним около двух поездок, и после этого Банных систематически стал перевыполнять техническую скорость, и довел

ее до 39 км. Его спарщик тов. Прокушев установил техническую скорость от 31 до 40 км.

Взять еще машиниста т. Будникова, с которым мне пришлось сделать несколько поездок. Я был поражен, когда в последнюю поездку тов. Будников провел поезд со скоростью 57 км в час.

Молодой машинист – кривоносовец тов. Бугун 2 мая дал техническую скорость в один конец 48 км и обратно – 59 км в час. Можно было бы перечислить и других машинистов-воспитанников моей колонны: т.т. Яковлева, Муху, Горбушина, Курупатникова, Трубаева, Лонгенко, Мирловского и др. Это машинисты, которые дают огромную экономию угля, систематически перевыполняют техническую скорость и содержат машины в отличном состоянии» [2]. Подобные примеры можно приводить безостановочно.

Носанов относился со всей ответственностью к работе, выполнял поручения вышестоящих руководителей четко и без промедления. «Хорошо, будет сделано», – отвечал он спокойно, и через несколько часов было «все сделано». В своей колонне он также сумел привить чувство государственного отношения к порученной работе и к машинам, которые водили его машинисты: «Раз в пятидневку он собирал машинистов и говорил о проделанной работе. Он настойчиво спрашивал от каждого машиниста ответственности за машину, знания пути (плеча)». Будучи блестящим организатором, он умел поставить цели для команды, и вместе со своими учениками и соратниками этих целей достичь. Об этом он без лишнего зазнайства пишет в своей статье «Моя колонна машинистов», опубликованной в газете «Восточно-Сибирская правда» в 1938 г.: «В своей колонне я поставил задачу, чтобы каждый машинист освоил методы т.т. Кривоноса и Огнева, чтобы не было ни одного человека, который не выполнял бы технической скорости. И я этого добился. В моей колонне все машинисты перевыполняют техническую скорость по вождению поездов» [2].

Прикосновение его наставнической и назидательной руки чувствуется не только в рамках работы с колонной молодых машинистов, но и в его общественной активности. Секретарь парткома Нижнеудинского депо Д. Носов оставил отзыв о своем старшем товарище: «Тогда Носанов сколачивал свою кривоносовскую молодежную колонну. Ему это удалось быстро. Примерной работой он заражал всех. Настойчивый, энергичный, он проводил на паровозах производственные совещания, выпускал стенгазеты, устраивал читки, помогал каждому изучать правила техники вождения паровозов и ухода за ними. Массовик, общественник, активный комсомолец, он скоро расширил свою колонну до 17 паровозов, потом до 23. <...> Я пробыв в колонне Носанова несколь-

ко месяцев и научился у него не только кривоносовско-стахановским методам вождения паровозов, но и организации людей, подходу к людям. Носанов для меня стал примером. Я видел, какую большую работу он проводил среди комсомольцев и старых паровозников. Заместитель секретаря комсомольского комитета депо, член узлового комитета комсомола, редактор стенгазеты, он работал в комсомольских организациях так же хорошо, как на производстве, как на своем паровозе. Я получил настоящее воспитание в носановской колонне, и ему я обязан тем, что сейчас работаю секретарем парткома. Массовик, общественник, активный комсомолец, Носанов дал мне многое для партийной работы. От него я научился настойчивости, умению разговаривать с массами, прислушиваться к их голосу, дисциплине и выдержке» [2].

Человеколюбие, доброта, открытость, дальновидность, внутренняя крепость сделали этого человека особенно привлекательным в глазах окружающих. Он зажигал, поднимал, вдохновлял на стахановскую работу всех, даже старых опытных машинистов. Он всегда был окружен любовью коллектива рабочих депо и всего железнодорожного узла. Его ценят не только как профессионала, высококлассного машиниста, общественника, отличного организатора, но и как отзывчивого товарища и чуткого друга. Своей деятельностью, неустанным упорным трудом, огромной работой он снискал к себе заслуженное уважение, показал пример, достойный самого широкого подражания не только в среде железнодорожников, но и в среде трактористов: «Мы выдвинули среди курсантов автотракторной школы лозунг: знать трактор так, как Носанов знает паровоз! Мы взяли обязательство освоить сложную технику сельского хозяйства, добиться отличных показателей в учебе. Разъехавшись по МТС и колхозам, мы будем также успешно водить тракторы, как кривоносовец Носанов Николай Иванович водит поезда» [2].

Завоевав авторитет масс, в 1938 г. 28-и летний Николай Носанов был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. На выборах он получил огромную поддержку жителей города Нижнеудинска и Нижнеудинского района, включая далекую Тофаларию, за него выступила вся прогрессивная молодежь, весь коллектив депо и железнодорожного узла, рабочие, инженеры, техники и служащие Нижнеудинской слюдяной фабрики, секретарь парткома Нижнеудинского депо, подъемочный цех Нижнеудинского депо, коллектив Байроновского совхоза, курсанты и учителя Нижнеудинской автотракторной школы, его верные друзья и соратники, его колонна машинистов и многие другие. Однажды он сказал: «Я оправдаю великое доверие народа». И он оправдал. 28 июня 1938 г. Носанов Николай Иванович, кандидат от Ир-

кутской области Нижнеудинского округа был избран Центральной Избирательной Комиссией в депутаты Верховного Совета РСФСР [3].

От Нижнеудинского округа Николай стал самым первым депутатом в высший орган государственной власти, а в годы войны занял должность начальника депо Нижнеудинск, продолжая основательно выполнять возложенную на него ответственность и оправдывать свое светлое имя.

Отец Николая, как-то сравнивая свое рабское прошлое с судьбой сына, говорил: «Твой путь, Николай, солнечный. Будешь ты не рабом, а настоящим человеком...» [2]. Он стал человеком, настоящим Человеком, простым, добрым, открытым, порядочным, надежным и ответственным, преданным своему делу, целостным, несмотря на жизненные неурядицы, светлым. Лучший представитель советской молодежи нес свет в себе, освещая темноту невежества, идя нехоженными тропами, прокладывая свою дорожку во благо общественности, пробуждая в людях живость и стремление брать высоту. Он сам был светом нового времени и неустанно делился им с другими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Восточно-Сибирская правда. – 1938. – 30 мая.
2. Восточно-Сибирская правда. – 1938. – 5 июня.
3. Список депутатов, избранных в Верховный Совет РСФСР. – М. : Политиздат, 1938. – 31 с.

УДК 656.1

Н. В. Никифорова*

**ПУТИ СООБЩЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ
ДО ПРОВЕДЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
(середина XVII в. – 1880-е гг.)**

В статье воссоздана историческая картина рождения первых дорог в Забайкалье с момента освоения территории енисейскими казаками до начала принятия решения о проектировании железной дороги. Показано как прокладывались торговые пути сообщения через труднодоступные перевалы и горные долины и формировались вдоль путей населенные пункты.

Забайкалье не имело экономического развития вследствие отсутствия в нем удобных путей сообщения и оторванности от метрополии, оставаясь богатым, но малонаселенным регионом. Без железной дороги через Забайкалье, не могло быть и речи о развитии торговли и грузового движения между Иркутском и территориями Приамурья, а также портами Тихого океана. Существующие пути оставались долгими, трудными и не способными передвигать людей и грузы в большом количестве. Автор попытался собрать, обработать и обобщить редкие и ранее опубликованные документы о гужевых и водных дорогах, которые дают общее представление об истории путей сообщения в Забайкалье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Забайкалье, казаки, тракты, пути, дороги, версты, направления, реки, границы, остроги, озера, зимовья, деревни, население, почта, продовольствие, железные дороги.

N. V. Nikiforova

**MEANS OF COMMUNICATION IN TRANSBAIKALIA
BEFORE CARRYING OUT THE RAILROAD
(the middle of the 17th century – the 1880th)**

In article the historical picture of the birth of the first roads to Transbaikalia is recreated from the moment of development of the territory by the Yenisei Cossacks prior to adoption of the decision on design of the railroad. It is shown as trade means of communication through remote passes and mountain valleys were laid and settlements were formed along ways.

* **Никифорова Наталья Викторовна**, ассистент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Transbaikalia had no economic development owing to absence in it of convenient means of communication and isolation from the mother country, remaining the rich, but sparsely populated region. Without the railroad through Transbaikalia, there could not be also a speech about trade development, about development of the cargo movement between Irkutsk and territories of Priamurye and also ports of the Pacific Ocean. The existing ways remained long, difficult and not capable to move people and freights in big quantity. The author tried to collect, to process and generalize the rare and earlier published documents on cart and water roads which give a general idea about history of means of communication in Transbaikalia.

KEYWORDS: *Transbaikalia, Cossacks, paths, ways, roads, versts, directions, rivers, borders, jails, lakes, winter quarters, villages, population, mail, food, railroads.*

Освоение Забайкалья началось с севера, с реки Лена, благодаря действиям енисейских казаков. В 1640 г. енисейский атаман Матвей Перфильев брал ясак в верховьях рек Витим и Цыпа и привез сведения об озере Еравна и реке Шилка. В 1643 г. урядник Семен Скороход по приказу якутского пятидесятника Курбата Иванова дошел до Верхней Ангары и реки Баргузин. В 1643 г. енисейский атаман Василий Колесников построил Верхнеангарский острог. Затем отправил к озеру Еравна четырех казаков с целью подтвердить сведения о богатствах края. Не дойдя до озера, они вышли к реке Селенга и выяснили, что серебряные и золотые предметы попадают к монголам из Китая. В 1647 г. посланный на смену В. Колесникову боярский сын Иван Похабов с отрядом в 84 человека высадился на южном берегу Байкала. В 1647 г. енисейский атаман Иван Галки построил Баргузинский острог и в 1649 г. собрал ясак с тунгусов по озеру Бушани, верховьев Витима, обложил данью инородцев, живших около озера Еравна, и послал казаков собирать дань на реку Шилка.

В 1650 г. на тобольского сына боярского Заболоцкого, ехавшего послом к Циван-хану, напали буряты и убили, позже на том месте поставили Посольский монастырь [12, с. 547–556]. В 1650 г. правитель Баргузинского острога В. Колесников узнал, что у озера Иргень, южнее озера Еравна, жило много тунгусов, советовал поставить там острог. Вернувшиеся с реки Шилка казаки привезли известие об озерах Иргень, Арахлей, о реках Ингода, Шилка и Нерча, о путях туда, о живших там тунгусах и советовали поставить остроги у озера Иргень и у устья реки Нерча. В 1652 г. за Байкал посланы Иван Похабов и Петр Бекетов, первый построил Баунтовский острог, второй поставил зимовье в Усть-Прорве (поставлено в 1652 г.), а в 1653 г. он поднялся по Селенге и Хилку до озера Иргень и построил между озерами Иргень и Шакша Иргенский острог, а на реке Шилка, напротив устья Нерчи, – Нерчинский острог. Затем возмущенные тунгусы заставили П. Бекетова уйти на Амур и примкнуть к действовавшим там якутским казакам. В 1656 г. из

Енисейска в Нерчинский острог отправлен первый воевода Пашков, которому была подчинена вся территория от Ангары до Амура. Ему было назначено ехать по рекам Илим, Лена, Олекма и Тугир, а он поехал по дороге П. Бекетова: через Байкал вверх по Селенге и Хилку. В 1658 г. он вновь построил в устье Нерчи Нерчинский острог, а также Телембинский острог в верховьях Витима. Он успешно закрепил за русской властью Забайкалье [12, с. 624–629]. В 1665 г. из Еравнинского острога было построено в устье реки Уда зимовье, а впоследствии Удинский острог, для сбора ясака с тунгусов, принявших русское подданство. Выше по Селенге был поставлен Селенгинский острог. В 1681 г. на реке Аргунь построен Аргунский острог, на месте поставленного ранее зимовья. Пришедшие из Нерчинска казаки заложили в 1682 г. вблизи рыбачьих шалашей и заимок Кабаньей Ильинский Селенгинский Троицкий монастырь.

С завоеванием Забайкалья сложилась дорога из Иркутска по Ангаре, озеру Байкал через Баргузинский острог. В 1675 г. был открыт более короткий путь по реке Уда через Верхнеудинск и Еравнинское озеро. Русский посланник Н. Г. Спафарий в 1675 г. первым проехал по этому пути [2, с. 139].

В 1687 г. окольничий Ф. А. Головин с двумя тысячами казаков прибыл в Забайкалье для заключения договора с Пекином о границе. Нерчинской договор 27 мая 1689 г. лишил Россию Амурского края и сохранил Забайкалье, определив восточную границу от Станового хребта по реке Горбица, впадавшей слева в реку Шилка и по реке Аргунь. Южная граница Забайкалья оставалась неопределенной и была проведена через Кяхту только 25 августа 1727 г. по второму договору России с Китаем, заключенным русским послом Саввой Владиславичем Рагузинским на реке Бура. Буринский договор предусматривал места пограничной торговли: Кяхта и у Селенги и Цурухайтуй на реке Аргунь [10, с. 240–241; 11, с. 217].

С 1658 г., со времен П. Бекетова, русские стали использовать путь по Ангаре и Байкалу и затем по Селенге и Хилку. Это был водный путь и им пользовались достаточно редко. Но этот путь был короче, чем северный, с реки Лена. С 1665 г., после постройки Селенгинского острога и Удинского зимовья, путь стал более востребованным. Но нападения монголов в 1670-х и 1680-х гг. на Селенгу и Хилок показали, что этот путь не надежен, поэтому около 1690 г. на берегу нижнего течения Селенги были поставлены Кабанский, Ильинский и Итанцинский остроги [10, с. 125–126; 11, с. 145]. О них уже упоминал Избрант Идес [5]. После устройства этих форпостов сообщение Иркутска с Забайкальем стало безопаснее.

В период с 1697 г. по 1709 г. был найден кратчайший путь через Селенгинск. Открыл путь селенгинский казак, толмач Гурий Уразов. Новый путь оставил не удел Нерчинск, который был обречен на «долгое прозябание» [2, с. 13]. К тому времени русские уже проложили дороги в Забайкалье через Верхнеудинск: одна для связи с Селенгинском, основанным в 1665 г., вторая – с Еравнинским, Иргенским и Нерчинским и Аргунским острогами. На чертеже С.У. Ремизова, составленном в 1699 г., показаны обе дороги, а в описании сказано, что «от Иркутска до Байкал море три дня, до Селенгинского семь дней, от Селенгинского до Иргенского четыре дни, от Иргенского до Нерчинского – неделя, от Нерчинского до Албазинского – четыре недели. На «Чертеже Нерчинского города», который входил в состав «Чертежной книги Сибири», составленной С.У. Ремезовым в 1701 г., показаны дороги: От Иркутска по правому берегу Ангары, через Байкал до Усть-Прорвы, затем берегом левым Селенги до Верхнеудинска, у Верхнеудинска она переходила на другой берег Селенги и доходила до Селенгинска, который в то время стоял на правом берегу реки (с 1780-х гг. жители Селенгинска постепенно стали селиться на левом берегу, где со временем образовался Новый Селенгинск). От Селенгинска дорога уходила в Пекин. От Верхнеудинска до Аргунского острога дорога шла северным берегом реки Уда, пересекая приток ее Курбу, проходила южнее Еравнинских озер до селения Домны. От Домны дорога поворачивала на восток к реке Ингода и проходила через Вершину реки Уда и южнее озера Шакша, оставляя Еравнинское озеро севернее, и подходила к реке Ингоде, а затем берегом Ингоды и Шилки через Читинскую слободу и город Нерчинск шла к устью Аргуни. От Нерчинска она поворачивала на юг к Аргунскому острогу и уходила в Маньчжурию.

К началу XVIII в. по обеим дорогам было еще мало населенных пунктов, и они были малочисленными. Согласно «Чертежу земли Нерчинского города» по дороге от Иркутска до Байкала располагались следующие населенные пункты. По правому берегу Ангары: Разводная, Панова, Укусова, Щукина, деревня Знаменского монастыря и Никольская часовня. По левому берегу Ангары: деревни Могулева, Поршенкова, Усова, Каргополова и Михалева. За Байкалом на левом берегу Селенги – Троицкий (Посольский) монастырь, безымянная деревня (Исток?), Кокорино, Колесникова, Кабанский острог и безымянная слобода (Ильинский острог?); по правому берегу – Никольская часовня на берегу озера Байкал, деревня Кудары, «пахотные места поселены селенгинскими служилыми людьми» (напротив Кабанского острога), Удинский и Селенгинский остроги. Из Верхнеудинска в Аргунский острог были следующие русские населенные пункты: Удинский, Домнинский и

Еравнинский остроги, Читинская слобода, Нерчинск и Аргунский острог.

В дальнейшем дороги получили свое развитие. Одна в связи с развитием Кяхтинской торговли, после заключенного с Китаем договора 1727 г., вторая – с развитием Аргунских, впоследствии Нерчинских, заводов (основаны в 1704 г.). Количество населения после заключения Буринского договора стало увеличиваться. В 1735 г. по обеим дорогам проехал И.Г. Гмелин. Дороги уже были вымерены, на них установлены верстовые столбы, поставлены зимовья, были и почтовые станции, правда, еще редкие. В некоторых местах проезд был только верховой.

В 1689 г. казаки двух сибирских полков, сопровождавших посла Ф. А. Головина, были размещены в Верхнеудинске и Селенгинске. Затем они расположились в основанных Кабанском, Ильинском и Итанцинском острогах. Войска полка А. И. Бейтона усилили в 1689 и 1690 гг. гарнизон Нерчинска [10, с. 124, 133, 172]. За казаками шли промышленники, не уступавшие им в смелости. Казаки содержались за счет поставок хлеба из Сибири. При отсутствии хороших путей сообщения этот хлеб приходил в плохом состоянии или вообще не доходил до места назначения, что ставило казаков в тяжелое положение. По этой причине правители острогов стремились принудить казаков к освоению земель. К концу XVII в. при некоторых острогах уже проживало земледельческое население.

Во времена И. Гмелина от Иркутска до Байкала были следующие населенные пункты: Глазкова, Кузьмихина, Малая Разводная, Большая Разводная, Ершова, Кряжановская, Щукино, Сукино зимовье, деревня Грудинино, Долганово зимовье, Михалева заимка, зимовья Хромова, Хомутово, Молодово, Никольская застава (здесь была таможня) и Лиственичное зимовье. На западном берегу Байкала за Лиственичным зимовьем располагались зимовья Кадильное и Голоустное. На противоположном берегу Байкала находился Посольский монастырь. По левому берегу реки Селенга – деревни Творогова, Харитонова, Колесникова слобода, Кабанский острог, Мокеева заимка, Трясковская (или Архангельская) слобода, Троицкий монастырь, Ильинский острог (или Большая Заимка), где можно было менять лошадей, Итанцинский острог (современная Острожная), Половинное зимовье, Удинск (на правом берегу). Напротив Удинска на левом берегу Селенги было зимовье для смены лошадей. От Верхнеудинска вверх по Селенге – зимовье на реке Оронгое (Нетесонская?), деревня Анансина (Резчиковская?), деревня Кабалина, деревня Зуева, Селенгинск (на правом берегу Селенги). В городе был уже 151 жилой дом и несколько казенных зданий. Далее – Стрелки (или Петропавловская крепость) на левом берегу реки Чикой

(основана С. В. Рагузинским), Поворотное зимовье, зимовье Ключи, Калина-Глотовкина (Калинишная), Калина-Черновская на речке Кяхта (Усть-Кяхта?), Троицкосавская крепость, Кяхтинская торговая слобода.

На участке от Верхнеудинска до Читы населенных пунктов было мало. До Еравнинского острога, который стоял на восточном берегу Малого Еравнинского озера, во времена И. Г. Гмелина населенных пунктов практически не было. Острог имел приказную избу, избу для ясашной казны, церковь, кабак и 16 жилых домов, жители которых земледелием не занимались. Далее И. Г. Гмелин встретил населенный пункт только на озере Арахлей – Шакшинскую деревню. Следующей деревней была деревня Серково, на речке Домна, впадающей в Ингоду, затем – Читинский острог. Там было две церкви (зимняя и летняя), восемь домов для служилых людей и несколько домов, стоявших на правом берегу Ингоды [14]. На всем пути от Верхнеудинска до Читы И. Г. Гмелину приходилось ночевать, в основном, в зимовьях и на открытом воздухе. За Читинским острогом территория была более заселена. До Аргунского острога заимки и деревни встречались часто.

Со второй половины XVIII в. началось интенсивное заселение Забайкалья, связанное со ссылкой в эти края старообрядцев. Кроме того, шло интенсивное переселение крестьян из других регионов империи, главным образом, из Сибири и Европейской России. Помимо крестьян в Забайкалье, на Нерчинские заводы началась ссылка преступников. После подписания Буринского договора началось укрепление границы. Была создана пограничная линия из пограничных крепостей: Харацайской, Кударинской, Акшинской, Турукуевской, Чиндатской, Горбичевской.

Ко времени проезда по Забайкалью П.С. Палласа (1772 г.) количество населенных пунктов по Иркутск–Кяхтинской и Верхнеудинск–Нерчинскозаводской дорогах значительно увеличилось [6, с. 137, 365–370, 397–400, 410–414]. От Иркутска до Байкала, по только, что проложенной по кособокому дороге, он называет следующие населенные пункты и зимовья: Большая Разводная, деревня Крещеновская, деревня Шишкина, Сукино Зимовье, Долганово зимовье, Пашково или Хромово зимовье, Молодово зимовье, Хомутово зимовье, Чеглово зимовье, Лепишихинское зимовье, Гнилокурское зимовье, Никольская станция, Пашкова станция, Никольская застава, Лиственичное зимовье. Далее путь шел по горам вдоль берега Байкала, где имелись: Антипино или Кадильное зимовье, Артемово зимовье и Голоустное зимовье, в котором собиралось много народу для тюленьего промысла. На восточном берегу Байкала располагался Посольский монастырь, за ним следовали деревни: степная монастырская деревня, деревня Кальская (Колесова?),

деревня Каргина, Кабанский острог, деревня Брестская (Береговая, Брянская?), деревня Трескова, Архангельская слобода (Брянск?), Таракановская станция, Троицкий монастырь, Пьяновское зимовье, Ильинский острог или Большая заимка, половинная застава (здесь проводился таможенный досмотр всех товаров, шедших с китайской границы) Тайшихина, Посельская, Сотникова, Верхнеудинск, Селенгинск, старая Стрелка, Петропавловская крепость или Стрелка на реке Чикой (здесь была главная пограничная таможня), Поворотная, Липоевская станция, Троицкосавск и Кяхта со 120 дворами. Всего 43 населенных пункта.

От Верхнеудинска до Читы в 1772 г. имелись следующие пункты и станции: станция на речке Нахой Горехон (бурятская станция), заимка верхнеудинского купца Серебренникова, станция Курдуцкая (бурятская станция), Лосьево зимовье на речке Она, правом притоке Уды, Галсунский станец в семи верстах от предыдущего зимовья, Апшанская станция, станок за речкой Поперешной (бурятская станция), деревня Погромная, станок «Шарацканского поколения» (бурятский), в восьми верстах от Погромной, заимка удинского дворянина Новоселова при озере (Укиноре (Коровьем), станция у речки Домны (бурятская), зимовье при переезде реки Уда, землянка в верховьях реки Конда, станция на реке Большая Конда, зимовье на речке Убу-Донго, впадающей в озеро Иргень, станция в двух верстах от Убу-Донго, в нескольких верстах от которой находилось озеро Шакша, деревня Приступово, деревня Засопочная, в шести верстах от Читы, Читинский острог. Всего 19 населенных пунктов.

В 1772 г. Верхнеудинск–Нерчинская дорога еще не повсеместно была в хорошем состоянии. На ней не везде стояли столбы и не всюду были мосты. Такое состояние тракта обуславливало редкое движение по тракту, так как основное движение осуществлялось зимой. Все почтовые станции содержали буряты. На каждой из них было по 50 лошадей и несколько верблюдов, а также находился баргузинский или нерчинский казак, который осматривал подорожные и проверял готовность припряжек. Общий надзор осуществлял удинский дворянин Новоселов. Таким образом, по тракту жили в основном буряты. Хотя зимовье на реке Погромной ко времени проезда П.С. Палласа превратилось в русскую деревню в 25 дворов за счет сосланных сюда людей, совершивших преступления. Впоследствии жителей этой деревни расселяли по другим станциям, чтобы освободить бурят от должностей станционных смотрителей.

На участке от Верхнеудинска до Читы к 1806 г. население было редкое, жители были бедными, на станциях ничего нельзя было достать. Дорога вдоль Уды до Яблонового хребта была ровная, крепкая и широ-

кая. При приближении к хребту она становилась непроезжей: лесистая и каменистая. В течение круглого года по ней можно было проезжать со скоростью три версты в час. На Яблоновый хребет поднимались 16 верст, спускались восемь верст [2, с. 29].

С конца XVIII в., весь XIX в. заселение местностей по трактам и рядом с ними продолжалось за счет вольных и принудительных поселенцев, помещичьих крестьян, сославшихся сюда вместе с семьями за счет рекрутов, а также отставных воинов и беглых. По Верхнеудинско-Нерчинскому участку тракта в долине реки Уда были образованы Верхне-Талицкое и Домно-Еравнинское (около 1760 г.). На перевале рек Уда и Ингода – Домно-Еравнинское (1856 г.), Беклемешевское (1856 г.), Домно-Ключевское на реке Ингода. По реке Ингода – поселок Размахнинский, село Монастырское, Шивки. Таким образом, Нерчинский уезд почти полностью был заселен потомками каторжников.

В первые годы пребывания русских на Иркуте, после образования Иркутского острога в 1661 г., стала складываться тропа, которая выводила к Байкалу. К началу XVIII в. на Иркуте образовались еще некоторые деревни, такие как: Смоленских (Смоленщина), Шумиловы, Штинникова, Каклаши (Баклаши), деревня Вознесенского Монастыря (Монастырская деревня, позже Введенщина) [9]. Все эти опорные пункты стояли в широкой, плодородной долине Иркуты, которая вскоре резко заканчивалась. Экспедиции казаков по Иркуту показали, что за селом Моты рельеф менялся. Река постепенно приобретала крутые, отвесные берега и бурный характер, что, естественно, было неудобно для передвижения вдоль берега и образования населенных мест, поэтому от села Моты путь был «проторен» через крутые горные хребты, по которым, очевидно, передвигались еще раньше буряты. От села Моты через спуски и подъемы тракт приходил в село Култук. Оттуда в конце XVII в. главным было направление через село Тунка, затем пересекая хребет Хамар-Дабан, путники попадали в Забайкалье. В 1790-е гг. началось строительство участка от Култука до Кяхты через Хамар-Дабан по более короткому пути. Эта дорога была закончена в 1805 г. и стала главной, государственной, для движения почты и обозов с товарами, но путь этот был очень труден, так как проходил по горам с крутыми спусками и подъемами и пересекал крупные горные речки. Поэтому в 1850-е гг. купцы построили так называемую Игумновскую (название получила в честь вдохновителя и строителя дороги купца Н. М. Игумнова) дорогу, как они считали, более легкую для передвижения товаров. Однако эта дорога не стала государственной, почтовой.

С развитием русско-китайской торговли в XVIII в. тракты через Хамар-Дабан уже не могли удовлетворять в качественном отношении.

Возникла потребность в сокращении пути и его улучшении. Стали появляться различные предложения от местных жителей и купцов и строиться новые тракты. К выбору направления подключилась местная администрация и центральное правительство. Для выбора направления привлекались инженеры путей сообщения. Однако поиски вариантов, с целью сокращения расстояния и сводившиеся к тому, чтобы проектировать тракты через хребет Хамар-Дабан, не давали желаемого результата: проекты стоили дорого, варианты считались ненадежными. Предлагавшиеся инженерами путей сообщения линии также не находили поддержки в правительстве. Именно в период выполнения изыскательских работ для нового направления тракта вокруг Южного Байкала инженер путей сообщения Н. И. Богданов первые выдвинул предложение о строительстве железной дороги в Сибири в районе Кяхты, взамен трудного для эксплуатации тракта [4, с. 297–298].

После долгих лет решения вопросов о направлении почтового тракта вокруг Южного Байкала правительство приняло решение направить его от Култук до Посольска по берегу Байкала, который в то время был незаселенным [13, с. 127]. Тракт удлинял путь, но обходил хребет Хамар-Дабан, поэтому считался более удобным. И не только поэтому, ведь с присоединением к России Приамурья в 1858 г. удлинение тракта до Кяхты потеряло всю актуальность, появилась потребность в надежном пути до Амура, а направление через горы удлиняло путь. К 1870-му г. на тракте были открыты следующие почтовые станции: Муравьев-Амурская, Утуликская, Мушинская, Снежинская, Выдренская, Переемная, Малиновская, Мишихинская, Мысовская.

При этом руководство Забайкальской области не оставляло надежды изменить направление тракта с целью сокращения пути от озера Байкал до г. Селенгинска на 268 верст, и до г. Кяхты на 363 версты. Так, по предписанию военного губернатора есаул Е. Путилов в 1881 г. провел рекогносцировку местности для выбора нового пути от почтовой станции Арбузовской, располагавшейся на тракте Верхнеудинск – Кяхта, через Хамар-Дабан до села Боярского на восточном берегу Байкала. По исследованию вновь проектируемого почтового тракта, Е. Путилову было поручено также осмотреть и описать Удунгинский купеческий тракт от села Боярского до степи Боргойской, для сравнения его с вновь проектировавшимся путем. Е. Путилов находил вновь выбранный им путь вполне отвечавшим поставленной задаче, т. е. сокращению расстояния, и легко осуществимым. Однако результаты этой работы не были востребованы и канули в Лету [7, с. 47–48].

С устройством тракта от села Култук по берегу Байкала до села Посольского, казалось бы, Россия получила круглогодичный колесный

путь. Однако с первых лет эксплуатации дорога, подвергалась разрушению от ливневых дождей, особенно это касалось мостов, тем самым движение систематически прерывалось. На восстановление и ремонт тракта ежегодно тратились большие средства. Надежным этот путь назвать было нельзя. Ситуация улучшилась, но принципиально не изменилась даже с вводом в эксплуатацию Кругобайкальской железной дороги.

Основным занятием трактового населения был извозный промысел. При этом зимний извоз первоначально был основным занятием. В летнее время перевозки товаров значительно сокращались. Это было вызвано возможностью перевозки товаров водой по рекам Уда, Хилок, Шилка и плохим состоянием тракта. Однако к концу XIX в. время извоза расширилось, но круглогодичным он не стал. Извозом занимались с мая до сенокоса, в сентябре – октябре и затем зимой.

В Забайкальской области в конце XIX в. извозный промысел составлял 15,2 % от общего числа хозяйств. Больше извозом занимались в Селенгинском и Нерчинском округах, что было вызвано перегрузкой товаров на пристани Мысовая и в Сретенске. Извозчики, как правило, везли товары на отдельных участках: Мысовая – Верхнеудинск, Верхнеудинск – Чита, Верхнеудинск – Кяхта, Чита – Сретенск. За год каждый успевал сделать до пяти концов. Из Иркутска везли мануфактуру, из Верхнеудинского округа хлеб и спирт. На Верхнеудинск – Нерчинском участке уже во времена П.С. Палласа, когда его заселение русскими только начиналось, извоз играл большую роль в жизни населения. В Нерчинск везли хлеб, соль, обратно свинец [6, с. 484].

Помимо извоза имело место дворничество, но оно было далеко не во всех селениях и больше имело место на Иркутск – Верхнеудинск – Кяхтинском участке.

Таким образом, Московский тракт от Верхнеудинска до Нерчинска возник после закрепления в 1690 г. нижнего и среднего течения реки Селенги, к 1735 г. был снабжен верстовыми столбами и имел зимовья и редкие станции. Верхнеудинск–Кяхтинский участок сформировался в 1727–1735 гг. В целом тракт по обоим участкам с деревнями и почтовыми станциями был готов примерно в 1760-е гг. Кругобайкальский тракт через хребет Хамар-Дабан был окончен строительством в 1805 г., в конце 1860-х гг. был построен тракт от села Култук до Посольского монастыря по берегу озера Байкал.

Итак, труднопроходимый Забайкальский почтовый тракт сформировался в начале XVIII в. Чтобы попасть в Забайкалье, необходимо было из Иркутска по Амурскому тракту попасть в село Лиственичное, располагавшееся на западном берегу озера Байкал. Оттуда следовал

водный путь на восточный берег Байкала до села Посольское. Далее тракт шел через села Степно-Дворцовое, Колесово, Кабанск, далее по долине реки Селенга до Верхнеудинска, затем по реке Уда, до озера Еравное, до верховьев Уды, и, минуя озеро Шакшинское, доходил до Читы. От Читы тракт направлялся к городу Сретенск долиной реки Ингода, то удаляясь, то приближаясь к реке. От Сретенска следовал водный путь по рекам Шилка и Амур, а вдоль берега тянулась вьючная тропа, пока в начале XX в. не была построена Амурская колесная дорога, называемая «колесуха». Водно-гужевой путь, естественно, прерывался в межсезонье, и это было большой проблемой для жителей Забайкалья, для местного и центрального правительства. Много проблем на озере Байкал создавала высадка-посадка с парохода на берег и обратно. Байкальские суда не могли подойти близко к берегу из-за мелководности восточной части озера, поэтому следовала пересадка пассажиров, перевалка грузов, а также колясок и тарантасов с судна на лодки, которые доставляли их непосредственно на берег.

Кругобайкальский и Забайкальский тракты во все времена находился в «тяжелом» состоянии. В 1897 г. газета «Восточное обозрение» писала: «Дорога (Кругобайкальский тракт. – Н. Н.) по своему благоустройству могла быть назначена для перехода каторжанам в усугубление им наказания. По Забайкалью до Читы дорога еще печальнее и требует внимательного ремонта. Добыть на станциях чего-нибудь съестное – нечего думать. Освещение на станциях самое примитивное – сальные огарки, а на улице, перед станцией – никакого» [3].

Направления трактов в дальнейшем, при выполнении изыскательских работ для строительства железной дороги, играли важную роль, так как они служили главным ориентиром. Участки Култук – Посольское и Посольское – Верхнеудинск дали направление будущей железной дороге. Участок тракта Верхнеудинск – Нерчинск вызвал большую дискуссию среди инженеров и специалистов при выборе трассы железной дороги. Тракт по этому направлению пересекал два хребта Цаган-Хунтей и Яблоновый, что для проектирования железной дороги представлялось большой проблемой. С точки зрения хозяйственной, хотя по тракту уже существовало много населенных пунктов, для земледелия этот район был не подходящим по климатическим условиям, т.е. для колонизации местность была не благоприятной. Предложенное первоначально, как главное направление железной дороги по левому берегу реки Уда, при дальнейшем изучении местности, южнее этого участка, было оставлено как географически и экономически не выгодное, а предпочтение отдано направлению по долине реки Хилок.

Забайкалье был богатым, но малонаселенным и недостаточно исследованным краем в XIX в., который не имел экономического развития вследствие отсутствия в нем удобных путей сообщения и его оторванности от метрополии.

Граф Н. Н. Муравьев-Амурский, присоединивший Амурский край, сразу оценил значение Забайкалья и реки Амура. Он понимал, что река Амур составляет жизненную артерию всей вновь присоединенной страны, а Забайкалье, наоборот, трудно непреодолимую преграду между Европейской Россией и Амуром. Он понимал, как невыгодно и опасно не иметь сухопутного сообщения между Россией и Амуром и ходатайствовал о постройке железной дороги именно на участке между Иркутском и Читой. Н. Н. Муравьев-Амурский отчетливо осознавал, какое положительное влияние на край должно было оказать развитие грузового движения по Амуру и развитие торговых сношений с Тихоокеанскими портами, развитие движения по краю почти ненаселенным жителями. Без железной дороги через Забайкалье не могло быть и речи о развитии торговли и грузового движения между Иркутском и портами Тихого океана. Бесснежная средняя часть Забайкалья делала крайне затруднительной и дорогой гужевую доставку грузов. Возчику приходилось везти то сани на телеге, то обратно телегу на санях и часто делать эту перекладку. При таких условиях нельзя было рассчитывать на развитие извоза. Это понимал не только Н. Н. Муравьев-Амурский, но и американец П. К. Колинс, проехавший из Санкт-Петербурга к устью Амура через всю Сибирь и предложивший построить железную дорогу на участке между Иркутском и Читой, а не где-нибудь в другом месте [8]. Понимал это также капитан 1-го ранга А. К. Сиденснер, изучивший дело на месте.

Бесснежная часть Забайкалья – это была преграда к сообщению между Амуром и Европейской Россией и к заселению и развитию Приамурского края. Она разбивала все усилия частных лиц, желавших изменить направление доставки чая из Китая в Иркутск. Она не способствовала развитию товарищества Амурского пароходства, учрежденного в надежде на возможность развития грузового движения между портами Китая и Иркутском. Сообщение по Амуру было «заперто» с одного конца малодоступным устьем Амура, а с другого – непроходимым участком в Забайкалье.

Обладая прозорливостью при оценке государственных интересов России, подробно изучив край на месте и заботясь о его развитии, Н. Н. Муравьев-Амурский осознавал, что пока существует эта преграда, Амурский край не мог считаться окончательно присоединенным, и также легко мог быть потерян, как уже были однажды потеряны наши владения на Амуре.

Помимо этого, почвенные и климатические условия (бесснежные зимы, засухи летом и ранние заморозки) делали хлебопашество здесь малоуспешным; население не имело ни запасов фуража, ни запасов хлеба. Когда в 1888 г. в Забайкалье случился неурожай, трактовое население стало голодать и отказалось продовольствовать проходившие команды нижних чинов и арестантов. В военное время такая ситуация могла обернуться катастрофой. В стороне от тракта – пустыня. Запасы можно было подвезти только с запада и по единственной, грунтовой дороге, по которой могли двигаться войска. Насколько это было трудно наглядно показала Крымская война, но в Забайкалье условия доставки провианта и войск, несомненно, могли быть еще в несколько раз труднее, чем в Крыму.

К концу XIX в. численность оседлого населения на участке между Верхнеудинском и Читой оставалась такой же, какой была во времена Н. Н. Муравьева-Амурского. Здесь, на пространстве 440 верст проживало 3 400 чел., т. е. примерно столько же, сколько как в какой-нибудь одной из многочисленных деревень по тракту между Томском и Иркутском. Едва ли можно признать нормальным подобный порядок вещей; едва ли следовало ожидать того времени, когда Приамурье, несмотря на все преграды, отделяющие его от России, само по себе, разовьется и заселится настолько, что обмен грузов между ним и Западной Сибирью сделает строительство Забайкальской железной дороги предприятием выгодным с финансовой точки зрения.

Московский тракт и его Кругобайкальская часть, в пределах Забайкальской области служил единственным путем, связывающим Забайкалье и Приамурский край с остальной Сибирью и Европейской Россией. Начало правильного сообщения по этому пути следует отнести к концу XVII в., именно – к 1680 г., когда впервые была введена пересылка государственной почты; дальнейшие заботы правительства имели цель увеличение придорожного населения, устройство «станов» и снабжение подводами проезжающих по торговым и служебным делам.

В пределах Забайкалья магистральный путь имел протяжение в 975 верст, считая от пристани Мысовой на озере Байкал до пристани Сретенской на реке Шилка, где колесное сообщение прерывалось, начиналась вьючная тропа и пароходное сообщение. Таким образом, на всем протяжении сухопутного Сибирского тракта Забайкальский участок являлся как бы отдельным звеном, примыкающим на обоих концах к водным сообщениям; кроме того, участок этот представлял ту особенность, что направление его совпадало с направлением других двух водных сообщений в пределах области: по реке Селенге от города Верхне-

удинска до устья и по системе реки Шилки от города Читы до пристани Сретенской.

Вспомогательными путями могли служить реки Селенга и Ингода, в особенности последняя. Участок реки Селенги от Верхнеудинска до устья, на протяжении 130 верст, шел рядом с магистральным путем и был доступен пароходству. В связи с пароходным сообщением по Байкалу и реке Ангара до Иркутска, этот путь имел бы большое значение в военное время, если бы пароходы шли непрерывно от Иркутска до Верхнеудинска, а речные пароходы на Селенге и Ангаре имели неглубокую осадку и не могли ходить через Байкал; при необходимости же двукратной пересадки на таком небольшом сравнительно расстоянии польза от упомянутого участка Селенги была небольшой, а для передвижения войск оказывалась непредсказуемой. Большую пользу в этом отношении имела река Ингода, текущая на восток, рядом с магистральным путем от города Читы до слияния с рекой Онон. Весной, в половодье, из Читы плоты следовали непрерывно до города Благовещенска, и это расстояние – около 1 535 верст – проходили за 20–25 дней, т. е. около 70 верст в день; при следовании же войск из Читы пешим порядком до Сретенска, а далее до Благовещенска, на пароходе требовалось почти 26 дней; следовательно, передвижение войск по рекам Ингода и Шилка на плотках было единственным быстрым путем, к тому же более дешевым. Кроме плотов, из Читы отправлялись также и баржи. Хотя уровень воды в Ингоде менялся часто, и притом в довольно значительных пределах, например, около Читы до 10–12 футов весной, сплав на плотках все-таки был возможен почти все время со вскрытия реки 25–30 апреля до замерзания 20–25 октября. Движение против течения было невозможным.

Кроме перечисленных путей, существовал еще так называемый Кругобайкальский тракт. Движение по этому пути признавалось неудобным для войск, вследствие пустынного и дикого характера местности. От Иркутска путь шел через Введенщину, Моты, Большеглубоковскую, Култук. В 1860-е гг., с окончанием строительства, от Култука тракт пошел по юго-восточному берегу Байкала до села Боярское, затем следовала водная переправа через протоку залива Сор у села Посольское и далее по уже указонному направлению [13, с. 146]. Следовательно, Кругобайкальский береговой тракт сделал путь вокруг Байкала круглогодичным. Позже тракт на участке Боярское – Кабанск спрямили. Его направили через села Большереченское и Тимлюй.

От пристани Мысовой тракт направлялся на северо-восток, у села Кабанского подходил к долине левого берега реки Селенги и шел далее по этой долине до Верхнеудинска, где переходил на правый берег и

направлялся далее на северо-восток долиной реки Уды (притока Селенги), по правому ее берегу, до станции Поперечинской. В 49 верстах до Читы дорога переваливала через Яблоновый хребет и от Читы направлялась на восток, придерживаясь долины сначала рек Ингоды, а затем Шилки, следуя по левому их берегу.

Тракт от села Боярское, располагавшегося на восточном берегу Байкала через Верхнеудинск, Читу до Сретенска имел протяжение 938 верст, включал в себя 38 станков и имел свои особенности. Ввоз товаров из Европейской России в Сибирь, а обратно вывоз чая из Кяхты обусловили развитие в огромных размерах извозного промысла на участке от Верхнеудинска до восточного берега Байкала. И это участок тракта имел относительно удовлетворительное состояние проезжей части. От Верхнеудинска до Читы тракт тянулся по старому пути землепроходцев. Этот, значительно больший по длине, участок тракта, с гораздо меньшим населением, уже не был так загружен, как предыдущий, а его состояние оставляло более тяжелое впечатление у проезжавших. За несколько станков до Читы появлялись горы. Начинались длинные подъемы и спуски. Населенные пункты уже не встречались, только почтовые станции. С присоединением Приамурья тракт несколько ожил, сильно развился извозный промысел, но путь по-прежнему оставался долгим, трудным и не способным передвигать людей и грузы в большом количестве.

При первом взгляде на любую карту видно, что от пристани Мысовой к Верхнеудинску тракт описывал дугу длиной в 165 верст, тогда как по прямому направлению от Мысовой до Верхнеудинска около 110 верст. Направление изменял хребет Хамар-Дабан, пересекавший прямую линию Верхнеудинск – Мысовая. Вследствие технических затруднений, неизбежных при прокладке пути через этот хребет, оказалось необходимым уклонить тракт к северу, в обход северных его отрогов. Впрочем, как уже говорилось выше, рекогносцировкой, произведенной есаулом Е. Путиловым в 1881 г. было обнаружено, что при прямом направлении тракта от станции Мишихинской (в 25 верстах от Мысовой) на город Селенгинск, Петровский Завод и Читу переход чрез Хамар-Дабан не представлял особых затруднений; при этом расстояние по магистральному пути от Иркутска до Читы значительно сокращалось, вместе с тем сокращался почтовый путь Иркутск – Кяхта, который проходил около города Верхнеудинска.

Магистральный путь соединялся в Мысовой с Купеческим трактом; недалеко от Верхнеудинска – с Кяхтинским почтовым путем, который направлялся в пределы Китая. В зависимости от топографического строения местности, магистральный путь мог быть разделен на следу-

ющие участки: 1) от пристани Мысовой до Верхнеудинска; 2) от Верхнеудинска до села Беклемишевского; 3) от села Беклемешевского до поселка Казановского; 4) от поселка Казановского до станицы Сретенской.

На первом участке, прорезывающем северные отроги Хамар-Дабана, полотно дороги шло в некоторых местах довольно крутыми подъемами и спусками. Второй участок пролегал по возвышенным равнинам, вследствие этого полотно дороги большей частью было ровное, подъемы и спуски встречались редко. От Верхнеудинска до села Укырского местность по сторонам дороги, за редким исключением отличалась открытым безлесным характером. Третий участок являлся наиболее гористым на всем пути от Байкала до Сретенска. От села Беклемишева до Читы тракт переваливал чрез Яблоновый хребет. Перевал этот не представлял затруднений, так как начинался и оканчивается в пределах одного перехода на протяжении 25 верст, при этом подъем и спуск были не очень круты. Входя затем к востоку от Читы в долину реки Ингоды, полотно дороги не имело особенно крутых подъемов и спусков; далее, до поселка Казановского, тракт прорезал гористую местность; подъемы и спуски встречались весьма часто, причем некоторые отличались значительной крутизной: требовалась припряжка и тормоза при движении обозов. Вообще на всем протяжении тракта приведенный участок был наиболее гористый. На четвертом участке местность отчасти теряла гористый характер, тракт шел по увалам или лощинам, местность имела степной, безлесный характер, вода встречалась редко. Важнейшими препятствиями на пути служили переправы: через реки Селенга, Шилка, Нерча и Курба.

Район Забайкальской железной дороги представлял часть обширной территории Восточной Сибири, составляющей в административном отношении неразрывное целое с Европейской Россией, а в экономическом смысле – типичную колонию. В первое время, после присоединения Восточной Сибири, в том числе и Забайкалья, к русскому государству, торговых сношений с ней почти не существовало; экономическое значение новых земель ограничивалось взиманием с покоренных народов «ясака» ценной пушниной. Собираение такой дани постепенно превратилось в торг с сибирскими инородцами, носивший сначала меновую форму, а затем превратившийся в обычную торговлю. Торговля расширялась медленно по мере заселения края русскими людьми, по мере образования поселений и установления сухопутных и водных путей. До постройки Великого Сибирского пути местная торговля далекой Сибири и товарообмен ее с Европейской Россией были ничтожными по размерам и первобытными по характеру. Меновая торговля сосредото-

чивалась на ярмарках, из них наибольшее значение имели Нижегородская и Ирбитская. Отсюда товары расходились по местам потребления водными и гужевыми путями. По сибирским трактам тянулись бесконечные обозы. При такой организации торговли и таких путях сообщения товары доставлялись крайне медленно, с большим риском в отношении утери и порчи и по очень высокой цене; капиталы обращались медленно, и прибыльность торговли основывалась на непомерно высоких ценах на товар, устанавливавшихся почти монопольно немногими купцами, ездившими на ярмарки. Розничные торговцы находились от них в полной зависимости и, в свою очередь, наживались за счет населения. Скупка сырья, почти единственного предмета вывоза из края, была обставлена эксплуатацией. Продукты местного производства, представляя собой, по большей части, сырье сельского хозяйства, животноводства, звероловного и рыболовного промыслов, играли в местной торговле второстепенную роль. Они же, в небольшом объеме, составляли и предмет вывоза на рынки Европейской России. При таком соотношении производительных сил края и метрополии вполне понятно громадное значение единственного железнодорожного пути.

Все перечисленные явления с постройкой Великого Сибирского пути постепенно отошли в область предания, и ярмарки утратили былое значение. Вместо них возникли постоянные торговые центры, главными из которых стали города Иркутск, Чита и Верхнеудинск. Железнодорожный путь открыл доступ в отдаленные окраины многочисленным коммивояжерам.

Водные пути не могли оказать существенного влияния на развитие края. Одной из причин являлась маловодность рек. В Забайкальской области судоходными являлись реки Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара и Шилка. По рекам Хилок, Ингода, Аргунь, Онон, Витим, Амазар, Чикой можно было осуществлять только сплав.

Пароходное движение по Шилке было установлено в 1854 г. В 1881 г. по Шилке ходили 18 пароходов, принадлежавших компании «Амурское пароходство» Кяхтинско-Амурского товарищества Сибирякову, золотопромышленнику Бутину.

Установление пароходного сообщения по Селенге относится к 1870-м гг. Главный груз, перевозимый пароходами – чай от Усть-Кяхты до Байкала. Рейсы совершали два парохода Товарищества Кяхтинского и Сибирского пароходства [1, с. 406–479].

Сообщение Забайкальской области с Амурским краем после его присоединения к России осуществлялось по реке Амур. Пароходство на Амуре появилось в 1840-е гг., когда был обследован бассейн на судне «Константин». В 1854 г. на пароходе «Аргунь» по Амуру спустился ге-

нерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. В 1855 г. появилось судно «Надежда», в 1856 г. – «Шилка». С образованием Приморской области правительство приобрело пароходы «Амур» и «Лена». В 1860 г. на Амуре работали восемь казенных пароходов, в 1872 г. – 12. Частное пароходство на Амуре было учреждено в 1859 г., оно называлось «Амурская компания». В 1871 г. «Бенардаки и К⁰» была выдана 20-летняя концессия на содержание срочного пароходного сообщения по рекам Амурского бассейна. Компания обязалась держать по рекам Амурского бассейна не менее 12 пароходов, получила в свое распоряжение все казенные пароходы, ходившие по Амуру, и пособие до 245 тыс. руб. в год. С начала 1880-х гг. по Амуру стали ходить пароходы, принадлежавшие забайкальскому купцу и золотопромышленнику Бутину: «Нерчуган» (120 л. с. с четырьмя баржами), «Тарбаган» (25 л. с. с одной баржей), «Соболь» (15 л. с. с одной баржей) и «Нечаянный» (с одной баржей). Первые три парохода были построены на Николаевском железоделательном заводе, принадлежавшем тогда Бутину, а собраны в Нерчинске. Последний пароход был куплен. За срочные рейсы и перевозку почты владелец получал субсидию от казны. В 1885 г. по Амуру рейсировало 44 парохода. По истечении срока контракта казны с «Бенардаки и К⁰» в 1893 г. содержание почтово-пассажирского сообщения по рекам Амурского бассейна перешло к «Обществу Амурского пароходства и торговли», основанному пароходовладельцами Сибиряковым и Шевелевым. Согласно контракту с казной, «Общество Амурского пароходства» содержало срочное пароходное сообщение по рекам Амур, Усури, Шилке и озеру Ханка в течение 15 лет с пособием от казны в виде рейсовой платы в первые 10 лет по 1 руб. 50 коп. с версты [1, с. 480–481].

К концу XIX в. по Амуру ходили 45 пароходов, но они были не приспособлены к условиям реки, а фрахты были непомерно высоки. Амур не был частью транзитного пути. Пароходное сообщение было замкнуто с одного конца малодоступным устьем Амура, а с другой – трудно проходимым участком в Забайкалье. Ситуацию мог поправить только надежный круглогодичный железнодорожный путь. Так считали, как было уже замечено, граф Н. Н. Муравьев-Амурский, капитан 1-го ранга А. К. Сиденсер, а также американец П. К. Коллинз, проехавший от Санкт-Петербурга до устья Амура и предложивший построить железную дорогу между Иркутском и Читой, а не где-нибудь в другом месте.

Таким образом, пути сообщения в Забайкалье имели слабое развитие. Частное пароходство без субсидий правительства не могло осуществлять свою деятельность. Высокая стоимость провоза по тракту

задерживала развитие отраслей промышленности, которые существовали в крае. Неразвитые сухопутные и водные сообщения задерживали социально-экономическое развитие края. При существовавших путях сообщения губернатор Забайкальской области с большим трудом мог осуществлять доставку небольшого количества продовольствия для нужд населения. В условиях военного времени размер перевозок возрастал в несколько раз. Это была еще одна причина обеспокоенности центральных властей о ненадежном сообщении Амура с Россией. Об этом же беспокоился и Приамурский генерал-губернатор. Интересы государства вызвали насущную потребность связать Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток непрерывным рельсовым путем. В 1882 г. император Александр III повелел безотлагательно выполнить изыскательские работы и в Комитете министров обсудить направление Сибирской железной дороги. После этого вопрос о сооружении линии принял практическое значение. В строительстве железной дороги отчетливо проявлялась стратегическая цель. И это нашло отражение в заседаниях правительства, которое, начиная с июня 1887 г., стало обсуждать вопросы, связанные с проектированием, изысканиями и строительством Сибирской железной дороги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Асалханов И. А.* Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. / И. А. Асалханов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. – 494 с.
2. *Васильев А. П.* Забайкальские казаки: исторический очерк / А. П. Васильев. – Чита : Тип. Войскового Хоз. Правления Забайк. каз. войска, 1916-1918. – 351 с.
3. Восточное обозрение. 1897. – 31 янв.
4. Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. – 1858. – Т. 27. Кн. 1–3.
5. *Идес И.* Записки о русском посольстве в Китай. (1692-1695) / И. Идес, А. Бранд. – М. : Наука, 1967. – 404 с.
6. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи по повелению Санкт-петербургской императорской академии наук / П. Л. Паллас ; пер. с нем. Ф. Томанского (ч. 1, 2), В. Зуева (ч. 3). – СПб. : При Имп. акад. наук. 1773. Ч. 1; 1786. Ч. 2, кн. 1; 1786. Ч. 2, кн. 2; 1788. XVI. Ч. 3, половина 1; 1788. Ч. 3, половина 2.
7. *Путилов Е.* Новый кратчайшей путь от гг. Селенгинска, Троицкосавска и Читы до станции Боярской на оз. Байкале / Е. Путилов // Известия ВСОРГО. – 1885. – Т. 15. № 3–4.
8. Российский государственный исторический архив. Фонд 1265. Опись 6. Дело 95. Дело о предложении гражданина Североамериканских Соединенных Штатов устроить дорогу от станции Иркутск до города Читы и об отклонении его предложения. 16 апреля 1957 г.–8 декабря 1858 гг. – 35 л.

9. *Ремизов С. У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремизовым в 1701 г. / С. У. Ремизов. – М. : Эксмо, 2003. – 2 л. текста, 23 л. карт.
10. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов ; изд. И.М. Сибирякова. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1886. – 765 с.
11. *Словцов П. А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П. А. Словцов. – М. : Вече, 2012. – 512 с.
12. *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, Сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером / И. Э.Фишер. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1774. – 631 с.
13. *Хобта А. В.* Тракты вокруг Южного Байкала: Очерки истории (конец XVII – начало XX вв.) / А. В. Хобта, Н. В. Никифорова. – Иркутск : Репроцентр А1, 2016. – 336 с. (Сер.: Инженеры путей сообщения в Сибири).
14. *Gmelin S. G.* Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Natur-Reiche / S. G. Gmelin. – St.Petersburg, 1770–1784. –Vol. 1; Vol. 2; Vol. 3; Vol. 4.

УДК 625.11

А. В. Хобта*

**К ИСТОРИИ ВЫПОЛНЕНИЯ
ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ И ПРОЕКТНЫХ РАБОТ
ДЛЯ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ
НА УЧАСТКЕ ТАЙШЕТ – ЛЕНА В 1880-Е – 1930-Е ГГ.**

Сооружение Байкало-Амурской магистрали обеспечивало транспортный путь и решало важнейшие народнохозяйственные и стратегические задачи. Изыскательские работы, предпринятые по инициативе частных лиц и правительства до 1917 г. собрали обширный топографический и экономический материал, однако, это была минимальная помощь, которую могли оказать будущим изыскательским экспедициям. В советское время по решению правительства приступили к новым изыскательским работам имея в виду совершенно иной, чем ранее подход к проектированию трассы, не локальной линии в Бодайбинском золотом приискам, а как магистральной линии от Тайшета до Тихого океана. Тогда впервые прозвучало «Байкало-Амурская магистраль»

До 1938 г. изыскания и проектирование производилось разными организациями Восточной Сибири, Новосибирской и Московской конторами Союзтранспроекта НКПС, Особым корпусом железнодорожных войск ОКДВА и отделом изысканий БАМлаг ОГПУ, которые работали без достаточной увязки между собой, не имели общей задачи и цели, а также единых технических условий на изыскания и проект всей линии. Все основные вопросы для каждого участка выполнялись отдельно, не касаясь общей проблемы проектирования БАМа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: железные дороги, направления, изыскания, трасса, проекты, постановления, Байкало-Амурская магистраль, контора, территория, реки, станции.

A. V. Hobta

**TO HISTORY OF PERFORMANCE
OF PROSPECTING AND PROJECT WORKS
FOR THE BAIKAL-AMUR MAINLINE ON THE SITE
TAISHET-LENA IN THE 1880TH – THE 1930TH.**

The construction of the Baikal-Amur Mainline provided a transport way and solved the major economic and strategic problems. The prospecting works undertaken at the initia-

** Хобта Александр Викторович, кандидат исторических наук, главный хранитель фондов музея истории ВСЖД филиала ОАО «РЖД».*

tive of individuals and the governments till 1917 collected extensive topographical and economic material, however, it was the minimum help which could be rendered to future prospecting expeditions. In Soviet period according to the decision of the government started new prospecting works meaning absolutely other, than earlier approach to design of the route, not the local line in the Bodaybo gold mines and as main line from Taishet to the Pacific Ocean. Then for the first time sounded "Baikal-Amur Mainline"

Till 1938 researches and design it was made by the different organizations of Eastern Siberia, the Novosibirsk and Moscow offices of Soyuztransproyekt of NKPS, the Special case of railway troops of OKDVA and department of researches БАМлаз of OGPU which worked without sufficient coordination among themselves, had no general task and the purpose and also uniform specifications on researches and the project of all line. All main questions for each site were carried out separately, without concerning a common problem of design of BAM.

KEYWORDS: *railroads, directions, researches, route, projects, resolutions, Baikal-Amur Mainline, office, territory, rivers, stations.*

Впервые вопрос о возможном направлении железнодорожной линии вокруг Северного Байкала рассматривался в 1888 г. в императорском русском Техническом обществе, как альтернатива южному обходу озера Байкал [14]. Идею выдвинул военный губернатор Тургайской области А. П. Проценко [11]. Рекогносцировочные исследования местности по этому направлению в 1889 г. выполнили подполковник Н. А. Волошинов [3] и инженер путей сообщения Л. И. Прохаска [4]. Затем наступил период, когда в большом количестве стали появляться замыслы и разработанные планы сооружения железнодорожной линии от Транссибирской магистрали через северную оконечность Байкала. В 1904 г. француз Лейк де Лобель предложил соединить Транссиб с Аляской [8, л. 1–2]. Вслед за этим прошло крупное совещание, состоявшееся в Иркутске в 1906 г., где также рассматривались варианты соединения Сибирской железной дороги с Бобайбинским районом через северный Байкал [15]. В 1908 г. инженер А. Н. Пушечников выступил со статьёй «По вопросу об увеличении пропускной способности Сибирской железной дороги и о продолжении её до Хабаровска» через Северный Байкал с примыканием к Амурской железной дороге [12, с. 109–113]. Последнюю предлагал не торопиться строить до проверки повторными изысканиями и возможного отнесения её к северу. Инженер Г. В. Адрианов предложил вариант Тайшет – Усть-Кут – Северный Байкал – Уруша [1, с. 88–94].

Постепенно вопрос сооружения крупной широтной магистрали отошёл на второй план и предложения отдельных инженеров ограничивались строительством железных дорог, обеспечивавших связь золото-промышленных районов Ленского бассейна с Транссибирской магистралью. Вопрос о строительстве железнодорожной линии, которая связала бы эксплуатируемую сеть железных дорог страны с судоходной

частью реки Лена, возник в связи с настоятельной необходимостью обеспечить снабжение предприятий золотопромышленности Ленского бассейна и создать условия для эксплуатации природных богатств Ангара-Ленского района, Якутии и Колымы. Решение вопроса шло по двум направлениям: создание широтной магистрали, где Ленский участок был бы головным звеном, и проектирование самостоятельной Ленской железной дороги, имеющий конечным пунктом г. Бодайбо. С этой целью в период с 1905 по 1914 г. по поручению частных лиц и акционерных обществ выполнен ряд рекогносцировок по направлениям и высказано много предложений [5, л. 34]: Тулун – Усть-Кут (1905 г., С. Ф. Малявкин), Тиреть – Жигалово (Ольшевский), Иркутск – Верхолениск – Бодайбо (1907–1908 гг., В. П. Половников), Тулун – Усть-Кут (1910 г., В. А. Важеевский), Иркутск – Качуг, Иркутск – Качуг – Верхолениск, Иркутск – Жигалово, Иркутск – Верхолениск, Иркутск – Усть-Илга, Иркутск – Бодайбо, Ключинская – Усть-Кут, Тиреть – Усть-Илга, Тайшет – Братск – Усть-Кут, Иннокентьевская – Илга, Иркутск – Бодайбо (более подробно см.: [16]).

Большую роль в разработке направления, как и в решении вопроса о наиболее целесообразных выходах к Сибирской железной дороге, к судоходной части реки Лена сыграли изыскания, выполненные по поручению Министерства путей сообщения инженером Э. Михайловским (1911–1914 гг.). Трасса 1911 г. от Тайшета до Чуны придерживалась переселенческого тракта и проходила вблизи Николаевского завода, Ангара пересекала в двух километра ниже пристани Братский остров [5, л. 34].

В Министерстве путей сообщений о результате технико-экономических сравнений группа иркутских вариантов была отклонена. Из группы Усть-Кутских вариантов было принято направление от станции Тайшет, несмотря на длину и стоимость в сравнении с Тулунским. Таким образом, в досоветское время все предложения и проекты о проведении железной дороги в направлении Северного Байкала остались на бумаге, а отчёты об изысканиях дополнили полки библиотек и архивов.

С установлением советской власти к проектам вернулись вновь. В 1930 г. Дальневосточные краевые организации подняли вопрос о строительстве магистральной железнодорожной линии Тайшет – север Байкала – Николаевск-на-Амуре и ряда ветвей к ней. Тогда впервые прозвучало «Байкало-Амурская магистраль (БАМ)» [5, л. 34]. План строительства, разработанный ОГПУ с Дальневосточными краевыми организациями, был рассмотрен в Госплане и использован при составлении второго пятилетнего плана, которым была установлена необходимость первоочередного строительства также и западного участка Тайшет –

Усть-Кут, как части Ленской железной дороги, имевшей самостоятельное значение. Изыскания этой линии проводились организациями НКПС [5, л. 15 об.].

В 1931 г. управление Дальжелдорстрой НКПС провело инструментально-рекогносцировочные исследования с отбивкой трассы в натуре по направлению станция Ключи – город Киренск [6, л. 14]. Это направление предусматривало в будущем Якутско-Ленскую железнодорожную магистраль с выходом на Охотск. Трасса этого варианта пересекала Ангару ниже судоходного плёса (Братска) на 240 км и выходила на Лену у Киренска. Направление было отвергнуто, как не увязывавшееся со стратегическим направлением БАМа [6, л. 15].

Здесь следует сделать небольшое отступление и обратить внимание на то, как первоначально рассматривалось магистральное направление БАМа. Производство изыскательских работ по Байкало-Амурской железной дороге и разработка проекта на сооружение этой линии приказом № 59/С по Главжелдорстрою от 22 февраля 1932 г. было возложено на особо организованную Восточно-Сибирскую экспедицию (Востизжелдор) [9, л. 36]. В задачи экспедиции, в составе шести партий, входило производство предварительных полевых работ по определению направления проектируемой железной дороги с топографическими промерами трассы будущей линии, а также производство гидрометрических работ на больших реках и буровых работ [9, л. 36].

Технико-экономическим заданием от 4 марта 1932 г. за № 215/С основное направление БАМа было определено от станции Уруша Забайкальской железной дороги на север в район зимовья Тында, от которого необходимо было повернуть линию на восток к городу Комсомольск-на-Амуре. Причём указывалась необходимость учесть возможность захода трассы в Усть-Ниман, а станцию Комсомольская проектировать с учётом дальнейшего выхода к Советской Гавани или к заливу Де-Кастри [9, л. 36]. Прорабатывая техническое задание, экспедиция выяснила необходимость обследования вариантов примыкания к Забайкальской железной дороге к станции Ольдой, а на востоке перехода реки Амур в районе селения Верхне-Тавборское. На участке от зимовья Тында до пересечения реки Зея был намечен вариант хода по верховьям реки Гиллой и, наконец, на участке от посёлка Стойба до озера Эворона. Также обследованию были назначены так называемый «Северный» и «Южный» вариант, причём первый проходил через горы Омычан и золотоносные районы, а второй через зимовьё Усть-Ниман. На предложение экспедиции обследовать в 1932 г. все названные варианты последовало категорическое указание производить работы только по северному варианту, объясняя это решение срочностью работ и невозможностью

обследования по имеющемуся количеству изыскательских кадров для всех вариантов. Объём изыскательских работ в 1932 г. Главжелдорстроем был намечен на протяжении 2 тыс. км, для чего были выделены кадры в составе 24 фактических партий. В порядке встречного плана экспедиция выдвинула обследование района на протяжении 4 530 км и фактически из внеплановых источников организовала 31 изыскательскую партию. Несмотря на указание обследовать только северный вариант, экспедиция НКПС под свою ответственность организовала предварительное обследование южного варианта, который, по указанию директивных органов, рассматривался как основное направление БАМа [9, д. 36]. Рекогносцировочные, предварительные и окончательные изыскания и составленный технический проект не решили с исчерпывающей полнотой проблему выбора направления. Несмотря на значительное количество произведённых изысканий, ни по одному участку нельзя было приступить к строительству, из-за отсутствия технического проекта и окончательного установления направления линии. Это объяснялось отсутствием карт, неизученностью территории. Так сложность геологического строения требовала всестороннего освещения инженерно-геологических условий и производства большого количества горных выработок при проектировании тоннелей и искусственных сооружений [10, л. 53 об.]. Практика изыскательских работ, наработанная в равнинных условиях изысканий и строительства, оказалась неприемлемой для горной линии. В силу этого вместо выбора магистрального направления в 1932–1936 гг. на первый план выдвинулась задача дать окончательную трассу на отдельных участках.

Теперь вернёмся к рассматриваемому нами участку. Изыскания Байкало-Амурской железнодорожной магистрали начались в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 542 «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги» от 13 апреля 1932 г. В этом Постановлении границы БАМа не обозначались. Новое постановление СНК СССР № 612/150/с «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги» от 25 апреля 1932 г. дополняло предыдущий документ и обязывало Далькрайисполком «оказать полное содействие изыскательской экспедиции» и включило строительство магистрали станция Уруша – село Пермское на Амуре в списокстроек оборонного значения [13, с. 230–233]. Оба эти постановления предусматривали выполнение подготовительных работ, в том числе изысканий, силами НКПС. Постановлением СНК СССР № 1639/333сс «Об объектах строительства, выполняемых силами ОГПУ» от 25 октября 1932 г. строительство Байкало-Амурской магистрали возложено на ОГПУ. Очередное постановление СНК СССР № 1650/340С «О строи-

тельстве Байкало-Амурской магистрали» от 27 октября 1932 г., развивая и дополняя все предыдущие документы, подтвердило, что строительство должно осуществлять ОГПУ (НКПС обязано было передать все начатые строительные работы ОГПУ), а проектирование трассы (на Дальнем Востоке) – НКПС. Учитывая это, в НКПС для выполнения изыскательских работ была создана Восточно-Сибирская экспедиция технических изысканий (Востизжелдор), а для строительства – Управление строительства БАМа.

В том же в 1932 г. силами НКПС начались изыскательские работы на территории Восточно-Сибирского края, куда территориально входила современная Иркутская область. Сибирская экспедиция железнодорожных изысканий НКПС произвела инструментально-рекогносцировочные изыскания по направлению Тайшет – Падун – Киренск. Этим вариантом делалась попытка избежать так называемую «Бирюсинскую петлю», т. е. не переходить реку Бирюса, водораздел Бирюса – мыс Топорок пересекался в 30 км от Тайшета. Переход реки Топорок предполагался выше изысканий 1911 г. Затем линия пересекала водораздел Топорок – Чуна и далее по речке Джедыкан спускалась на переход реки Чуна. Подъём на Чуна – Ангарский водораздел осуществлялся по долинам речек Чукша и Тарей с двойной тягой (16 км). Ангара пересекалась у Падунского ущелья по речке Вихоревка [7, л. 78]. Трасса пересекала Ангару у Падунского ущелья с учётом в будущем устройства плотины гидравлической станции с подпором воды 90 м. Но выход на Киренск был неприемлем при условии включения проектируемой линии в звено БАМа. В 1934 г. Сибирская экспедиция НКПС производила изыскания, с целью решить вопрос перехода Ангара с учётом постройки Падунской плотины для гидростанции и дать кратчайший выход на Лену в увязке с общим направлением БАМа. В результате были обследованы новые варианты перехода Ангара у деревни Антонова и в Падунском ущелье с выходом на трассу 1932 г. и варианты пересечения Ангаро-Илимского водораздела с выходом на реку Лена. По данным сравнения выбран вариант оптимальный, трасса которого пересекала Ангару у Падунского ущелья, проходила по направлению 1932 г. до реки Кежма и далее выходила на направление 1911 г. [6, л. 16].

Трасса на участке Тайшет – Падун, уложенная на местности вешками в 1932 г., пересекала водораздел рек Бирюса – Топорок извилистой линией. В 1933 г. было выбрано новое направление, огибавшее водораздел у впадения речки Топорок в Бирюсу. Изыскания 1933 г. повторяли 1932 г. за исключением Топоркового мыса, который был обойдён с возможным ходом по северному варианту. Подъём на водораздел Топорок – Чуна проходил ниже изысканий 1932 г. и сделан по речке Сред-

ний Ирчей, а спуск по речке Парчум. Переход Чуны проектировался ниже изысканий 1932 г. Вариант 1933 г. считался более выгодным [7, л. 78]. Этот вариант дал сокращение длины на 15,8 км и снижение земляных работ на 154 тыс. м³. Трасса 1933 г. была взята за основу направления с целью улучшения её в 1935–1936 гг. На участке 212–228 км приняли вариант двойной тяги по сравнению с вариантами одиночной тяги, протрассированным в 1935 г.

При рассмотрении полевых исследований Сибтранспроекта, из которых трасса 1936 г. являлась окончательной, БАМтранспроект были предложены улучшенные варианты. Однако и они в 27 местах, на протяжении 62 км, не исключали дальнейшего улучшения трассы, которые не могли быть предусмотрены из-за отсутствия картографического материала, имевшегося на узкую полосу трассы.

В 1936 г. трасса от 3-го км направлялась по правому берегу Бирюса и на 50-м км пересекала реку Топорок. Эта линия совпадала с изысканиями 1911 г., делая выгиб к северу, отклоняясь от прямолинейного направления. Попытка спрямить линию, сделанная в 1932 г., дала ту же длину вследствие необходимости петлевого развития при подъёме на водораздел Бирюса – Топорок и спуска с него с применением двойной тяги с большими земляными работами и большим количеством искусственных сооружений. От Топорка линия поднималась на водораздел Бирюса – Чуна одиночной тягой. От 110 км (перед Чуной) до 126 км шла левым берегом реки Чуна. Река пересекалась на 126 км, затем по правому берегу и на 135 км поднималась на гору Шунтарь. От 140 км переходила в долину Чукши. От 212 км (от речки Коровяткина, приток Чукши) предполагался подъём двойной тягой по речке Огневка на Осиновский перевал (Чуна – Вихоревка). Здесь намечались самые крупные работы на участке Тайшет – Падун. От 230 км линия спускалась по долине речек Талей, Барзомено и Турма к месту её впадения в Вихоревку на 252 км. Далее траса направлялась по левому берегу речки Вихоревка, пересекая её на 288 км, затем правым берегом Вихоревки до станции Анзеби на 297 км.

По изысканиям 1935–1936 г. Сибирская контора Союзтранспроекта проектировала станции Тайшет (оборотное депо), Невельская (на 60-м км), Чуна (основное депо), Чукша (на 180-м км), Тарей (на 210-м км, оборотное депо), Турма, Анзеби (на 300-м км, основное депо) и Падун.

В 1936 г. Сибирской конторой Союзтранспроекта также проводились изыскания на Усть-Кут. Ангара пересекала в Падунском ущелье, а далее линия трассировалась по направлению 1932 г.

Задача изысканий была осложнена тем, что линия должна была сохранить магистральный характер, обеспечить развитие производи-

тельных сил района и быть увязанной с проблемой Ангарстроя. Проблема Ангары предусматривало использование водной энергии установками с высоконапорными плотинами: Байкальская (в 62 км от истока), Бархатовская (в 210 км), Падунская (в 705 км), Шаманская (в 905 км), Кежемская (в 1 220 км) и Богучанская (в 1 530 км) [5, л. 29 об.]. Эти три требования в то время создали ряд противоречий в выборе направления линии. В итоге по результатам изысканий до 1937 г. было выбрано так называемое северное направление через Падунское ущелье с проходом трассы вблизи Рудногорского железорудного месторождения. В 1938 г. Сибирская контора Союзтранспроекта произвела окончательные изыскания по северному направлению с переходом реки Ангары в условиях подпора её высокой, порядка 80–90 м, плотиной и составила технический проект.

В 1937 г. на основании распоряжения наркома путей сообщения 376/Ц от 1 августа 1937 г. приказом начальника Цужелдорстроя 8/ЦСЛ от 5 августа 1937 г. была организована специальная комиссия с выездом в Томск и на линию с полномочиями разрешить направление линии и представить на утверждение для проведения окончательных изысканий. В результате комиссия пересмотрела все материалы с 1911 по 1937 гг., предложила новый вариант перехода реки Ангара на низких отметках у села Братский Острог, являющегося долговременным обходом Падунской плотины, с выходом от Братска к станции Анзеби и установила три основных варианта железнодорожной линии Анзеби – Усть-Кут, для дальнейшего детального сравнения: направление 1911 г. (южный вариант), направление 1932/1936 гг. через Падунское ущелье (Северный вариант) и направление 1937 г. через Братский порог с выходом на северный вариант в верховьях речки Зяба, за Красноярским рудником (Осиновский перевал) [6, л. 16]. По выявленным показателем комиссия пришла к выводу, что лучшим является вариант 1911 г. Однако его нельзя было принять за основу, так как при решении в будущем гидроэнергетической проблемы получались огромные бросовые работы. Из оставшихся вариантов был рекомендован третий вариант Братск – Подвыездной – Рыбкино и далее по Северному варианту на Каймоново и Усть-Кут. В случае разрешения проблемы Анграстроя, пришлось бы перейти на второй вариант, при этом бросовые работы считались минимальными.

Руководствуясь решением комиссии НКПС, Сибирская контора Союзтранспроекта провела в 1938 г. окончательные изыскания линии Северного варианта и составила технический проект по направлению Братск – Зяба – Подвыездная – Игирма – Кайманово – Усть-Кут [6, л. 18].

В новом Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 1402-317с «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» от 17 апреля 1937 г. железнодорожная линия обозначена в границах Тайшет – Советская Гавань, а составление проектов было возложено на НКПС. В системе Союзтранспроекта НКПС создана специальная контора по изысканиям и проектированию БАМа – Бампроект. Однако постановлением СНК СССР № 713-164с от 3 июня о строительстве БАМа из НКПС в НКВД передавались все проектные конторы и работники НКПС, занятые изысканиями и проектированием БАМа. За НКПС оставили только составление технических условий по строительству БАМа [13, с. 219]. Приказом народного комиссара путей сообщения Л. М. Кагановича с 1 августа 1938 г. начальником БАМ проекта назначен Ф. А. Гвоздевский [13, с. 488]. Приказом НКВД 5 апреля 1939 г. Ф. А. Гвоздевский был назначен заместителем начальника Управления железнодорожного строительства ГУЛПГа НКВД на Дальнем Востоке по изысканиям и проектированию и начальником Бампроекта УЖС НКВД.

Сооружение линии Тайшет – Усть-Кут, называвшийся также Ленской железной дорогой, обеспечивало транспортный путь и решало следующие важнейшие народнохозяйственные задачи:

1. Строительство центральной части Байкало-Амурской магистрали и создание дополнительной железнодорожной связи с районами Забайкалья и Дальневосточного края.

2. Освоение 11,8 млн га новых лесных массивов в бассейнах рек Уда, Ия, Ока, Вихоревка, Ангара, Илим и Лена с запасами древесины до 1,5 млрд м³.

3. Реконструкцию транспортных связей Якутской АССР и районов золотопромышленности с другими районами союза и ускорение темпов развития этих районов.

4. Освоение 1,4 млн га земельных фондов под сельскохозяйственное использование и привлечение на эти земли переселенцев.

5. Эксплуатация залежей железных руд Ангара-Илимского района с геологическими запасами 344 млн т, на базе которых намечалось создание в Иркутской области мощного металлургического производства.

6. Сооружение в перспективе Ангарской ГЭС и создание в районе Братска мощного узла энергетического производства.

Осуществление этих задач было связано с громадными объемами производства по проектируемой линии, которая выдвигалась в число решающих направлений железнодорожной сети. Это обстоятельство в сочетании с резервным значением Байкало-Амурской магистрали для Транссиба предъявляло соответствующие требования к техническому

вооружению БАМа, которая должна быть однопутной магистралью. Перевозки по Ленской железной дороге определялись следующими цифрами: в 1942 г. 3 млн 910 тыс. т на запад и 1 млн 590 тыс. т на восток, в 1947 г. – 3 млн 050 тыс. т на запад и 6 млн 450 тыс. т на восток.

Основные технические условия, по которым первоначально проектировалась магистраль были разработаны НКПС и утверждены СНК СССР 14 сентября 1938 г. Линия проектировалась как однопутная с паровой тягой. Руководящий уклон – 9 тысячных при одиночной тяге и 17,5 тысячных при двойной. Нормальный радиус поворотов 600 м, минимальный 300 м. Пропускная способность 24 пары при паровозах серии ФД с тендером-конденсатором. Мощность мастерских, а также жилой комплекс проектировался на 12 пар поездов в сутки. Обеспеченность жилья на 100 %. Искусственные сооружения постоянного типа, деревянные только в виде исключения. Длина приемоотправочных путей 850 м. Предусматривалась полуавтоматическая блокировка и механическая централизация стрелок [5, л. 30]. Железнодорожная линия Тайшет – Усть-Кут проектировалась как однопутная с паровой тягой. Руководящий уклон – 9 тысячных в обе стороны. Для двойной тяги – 17,5 тысячных. Рельсы тип Ia. Радиус поворотов 500 м. Паровозы серии Эм (грузовой) и Су (пассажирский). Пропускная способность линии Тайшет – Падун – 12 пар, Падун – Усть-Кут – 8 пар поездов.

Постановлением правительства о сооружении БАМа начало строительства участка Тайшет до реки Ангара (до Братска) было назначено на 1 января 1938 г. с укладкой 80 км в 1938 г. Восстановление трассы и исправление проекта поручили Бамтранспроекту. В процессе работы выяснилось, что составленный в 1936 г. Сибтранспроектом технический проект оказался настолько низкого качества, что потребовал больших дополнительных работ и полного пересоставления [7, л. 78].

До 1938 г. изыскания и проектирование производилось разными организациями Восточной Сибири, Новосибирской и Московской конторами Союзтранспроекта НКПС, Особым корпусом железнодорожных войск ОКДВА и отделом изысканий БАМлаг ОГПУ, которые работали без достаточной увязки между собой, не имели общей задачи и цели, а также единых технических условий на изыскания и проект всей линии. Все основные вопросы для каждого участка выполнялись отдельно, не касаясь общей проблемы проектирования БАМа. Так, на участке Тайшет – Братск в 1932 г. были выполнены рекогносцировочные изыскания, в 1933 г. – предварительные, 1935 г. – по заданию окончательные, фактически предварительные, а 1938 г. – окончательные. На участке Братск – Усть-Кут в 1932 г. были выполнены рекогносцировочные изыскания, 1934–1936 гг. – предварительные, 1937–1938 гг. – по зада-

нию окончательные, по результатам работы – предварительные. На участке Усть-Кут – Нижнеангарск в 1936–1937 гг. были выполнены рекогносцировочные исследования местности, в 1938–1939 гг. – предварительные. На участке Нижнеангарск – Тында в 1933–1936 гг. и 1937–1939 гг. выполнены рекогносцировочные изыскания [10, л. 59 об.].

На участке Тайшет – Братск протяжением 311 км полевые работы и составление проекта выполняла Тайшетская экспедиция (начальник экспедиции М. А. Петров, главный инженер Б. И. Цвелодуб, главный геолог В. Л. Слешко). На участке Братск – Усть-Кут длиной 389 км полевые работы и составление проекта выполняла Ангаро-Ленская экспедиция (начальник экспедиции М. А. Петров, главный инженер А. О. Зарецкий, главный геолог А. С. Кобозев). На участке Усть-Кут – Нижнеангарск длиной 405 км в поле работала Байкальская экспедиция (начальник Н. Д. Михеев, главный инженер С. Ф. Душкин, главный геолог Г. В. Торопов), составлением проекта занималась экспедиция в составе: начальник С. Н. Степанов, главный инженер Э. А. Норман, главный геолог Г. В. Торопов. На участке Нижнеангарск – Тында исследования местности вела Иркская экспедиция на протяжении 346 км (начальник экспедиции А. Д. Ключко, главный инженер Г. Н. Шелепугин, главный геолог А. С. Кобозев) и Витимская экспедиция на протяжении 351 км (начальник экспедиции М. И. Хангин, главный инженер С. Ф. Душкин) [2; 10, л. 8].

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 30 марта 1938 г. и постановлением от 31 марта 1939 г. было разрешено приступить к строительству железной дороги до утверждения проектов и смет по техническому проекту, разработанному в 1938–1939 гг. Бампроектом [5, л. 3]. Последнее постановление предусматривало сроки начало строительных работ, временной и постоянной эксплуатации отдельных участков магистрали, за исключением участка от Усть-Кута до Тынды [10, л. 10 об.; 2].

Участок Тайшет – Лена, составная часть БАМа, до постановления правительства рассматривался как самостоятельная железнодорожная линия – Ленская железная дорога, признанная создать прочную транспортную связь Якутии и Ленского золотодобывающего района с центральными областями Союза, обеспечить эксплуатацию Ангаро-Илимских железорудных месторождений, создать необходимые транспортные условия для сооружения на реке Ангаре гидроэлектростанций и на их базе крупного промышленного узла, положить начало разработке Тунгусского каменноугольного бассейна, способствовать освоению лесных массивов и развитию сельского хозяйства в районе трассы. Существенное влияние на выбор направления линии, помимо технико-экономических показателей вариантов, оказывала проблема Ангарстроя

и проблема освоения Ангаро-Илимских месторождений железа. Эти вопросы в Госплане решены не были и создали сложные условия для выбора направления трассы.

Постановлением Экономического совета при СНК СССР от 14 сентября 1938 г. были утверждены, представленные НКПС единые технические условия для всей магистрали. По техническим условиям руководящий уклон составлял 9-тысячных, радиус минимальный – 300 м, паровоз серии ФД с тендером-конденсатором, пропускная способность – 24 пары поездов в сутки.

В начале 1939 г. Бампроект реорганизовали в Управление «Бампроект ГУЖДС НКВД». В связи с начавшимся на отдельных участках строительством, осуществлявшимся НКВД, для лучшей увязки с ним проектно-изыскательских работ и своевременного обеспечения строительства проектными материалами, постановлением СНК и ЦК ВКП (б) от 8 февраля 1939 г. все проектные организации НКПС, занимавшиеся изысканиями и проектированием БАМа были переданы в ведение НКВД СССР. В системе НКВД было создано Управление по изысканиям и проектированию БАМа с возложением на него дополнительного задания по обеспечению строительства рабочими чертежами на месте работ, чем оно органически было включено в состав Главного Управления железнодорожного строительства и получило наименование «Бампроект ГУЖДС НКВД СССР» [10, л. 10]. Нарком внутренних дел Л. П. Берия назначил начальником Бампроекта и заместителем начальника ГУЖДС Ф. А. Гвоздецкого.

В связи с утверждением Экономическим советом при СНК СССР в ноябре 1939 г. новых технических условий для БАМа НКПС было предложено представить на утверждение новый технический проект, переработанный на основе материалов восстановления трассы и отвечающим новым техническим условиям. Эта работа была выполнена специально организованной Бампроектом экспедицией «Тайшет–Анзеби». Восстановление трассы и пересоставление проекта шло одновременно со строительством линии.

В 1939 г. Сибтранспроект НКПС по согласованию с Бампроектом провёл проектирование БАМа, перетрассировки на участке окончательных изысканий, а также обследовал предварительными изысканиями Ангаро-Кежемский вариант. Поводом к пересмотру решения комиссии НКПС послужила идея освоения энергетических ресурсов реки Ангары гидроэлектрической станцией с напором около 30 м. Сооружение в Падунском ущелье такой плотины (с напором ниже 90 м) позволяло считать мостовой переход в районе Братска постоянным, что в свою очередь делало Ангаро-Кежемский вариант более приемлемым по строи-

тельным и перевозочным расходам, чем основная трасса 1938 г. и снова ставила на пересмотр южное направление 1911 г. [6, л. 19]

В 1939 г. технический проект представили на рассмотрение строительству и Техничко-экспертному отделу НКПС. Большую часть Бампроект опротестовал и настоял на вторичном рассмотрении уже в Техничко-экспертном отделе НКПС [7, л. 78]. Назначенная Бампроектом комиссия под председательство его начальника в 1940 г. по приёмке материалов изысканий 1938–1939 гг. от Сибирской конторы Союзтранспроекта НКПС установила, что материалы изысканий и проектирования составлены не в разрезе требований, предъявляемых к строительному объекту. Материал Сибтранспроекта посчитали недоработанным и несоответствующим своему назначению.

Следовательно, восьмилетние изыскательские работы по выбору направления западной части Байкало-Амурской магистрали от Тайшета до реки Лена дали обширный полевой и проектный материал, который, однако, не давал явных преимуществ ни одному из изученных направлений. Причины заключались, главным образом, в слабой топографической изученности местности.

Следует обратить внимание на то, что воспользоваться в полном объёме многочисленными изыскательскими материалами и проектами, составленными до 1917 г., не представлялось возможным, в виду того, что основная масса этих документов охватывала участки, располагавшиеся значительно южнее Тайшета. Советские изыскатели, как свидетельствуют архивные источники, довольно хорошо изучили результаты изыскания Э. И. Михайловского по пересечению реки Ангары в районе Братска и частично могли воспользоваться результатами исследований различных экспедиций Байкальского хребта. Эти данные прежних лет учитывались при новых изысканиях, однако, это была минимальная помощь, которую могли оказать отчёты первых изыскательских экспедиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Адрианов Г.* Восточно-Сибирская железная дорога (севернее озера Байкал) / Г. Адрианов, С. Чмутов // *Сеть железных дорог России в будущем с приложением карты 55410 вёрст новых железнодорожных линий.* – СПб. : Типо-литография И. Лурье и К°, 1908. – 10 с.
2. *Байкало-Амурская железнодорожная магистраль* / Издана под рук. генерал-майора инженерно-технической службы Ф. А. Гвоздевского. – Комсомольск-на-Амуре : Бампроект, 1945. – 282 с.
3. *Волошинов Н. А.* Железнодорожная разведка между Ангарой и северной оконечностью Байкала / Н. А. Волошинов. – Иркутск : Тип. газ. «Восточное обозрение», 1889. – 14 с.

4. Восточное обозрение. – 1889. – 10 дек.
5. Российский государственный архив в г. Самара (РГА в г. Самара). – Ф. Р-571. Оп. 2-4. Д. 173.
6. РГА в г. Самара. – Ф. Р-571. Оп. 2-4. Д. 171.
7. РГА в г. Самара. – Ф. Р-571. Оп. 2-4. Д. 2039.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 274. Оп. 2. Д. 640.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1884. Оп. 12. Д. 869.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-9401. Оп. 3. Д. 64.
11. *Проценко А. П.* Великая русская Азиатская железная дорога к Восточному океану / А. П. Проценко. – Оренбург : Тип. Бресиля, 1887. – 16 с.
12. *Пушечников А. Н.* По вопросам об увеличении пропускной способности Сибирской железной дороги и о проложении её до Хабаровска железнодорожное дело / А. Н. Пушечников. – 1908. – № 17–18. – 23 с.
13. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Моруков. – М. : МФД «Материк», 2005. – 566 с.
14. Труды комиссии императорского русского Технического общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь: По 8-му отделу обществе. – СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1889. – 364 с.
15. Труды совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири : в 2 т. / под ред. Виктора Попова. – Иркутск : Канцелярия Иркутского генерал-губернатора, 1907. – 1908. – Т. 1. – 218 с.; Т. 2. – 469 с.
16. *Хобта А. В.* Изыскательские и проектные работы для железнодорожного обхода Северного Байкала в конце XIX – начале XX вв.: Предыстория проектирования Байкало-Амурской магистрали / А. В. Хобта. – Иркутск : ВСНТИБ, 2014. – 136 с.

УДК 81

Т. Г. Путилина*

ПОСТКОНФЛИКТ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ (на материале поздней редакции «Писем из Сибири» М.С. Лунина)

Статья написана в рамках лингвоконфликтологии — нового научного направления. Данное направление актуально в плане его когнитивной составляющей, то есть в исследовании взаимосвязи мыслительных процессов и языковых явлений. Постконфликт — наименее изученная стадия конфликта. Его проявления можно заметить в письменных жанрах: эпистолярном, воспоминаний, размышлений, очерков и др. Цель статьи: проанализировать «Письма из Сибири» М. С. Лунина как документ, отражающий особенности языковых проявлений постконфликта, описать языковые средства, которые были использованы автором, сделать обоснованный вывод об авторе как языковой личности в ситуации постконфликта. М. С. Лунин применяет сравнение, отрицание, противопоставление, использование слов с негативной коннотативной окраской, отсылки к произведениям литературы, библейским сюжетам и известным историческим личностям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоконфликтология, постконфликт, эпистолярный жанр, языковая личность, коммуникация, декабристы, М. С. Лунин.

T. G. Putilina

POST-CONFLICT IN THE EPISTOLARY GENRE (on material of late edition "Letters from Siberia" of M. S. Lunin)

Article is written within a linguoconflictology — the new scientific direction. This direction is relevant in respect of its cognitive component, precisely - in a research of interrelation of mental processes and the language phenomena. The post-conflict is the least studied conflict stage. Its manifestations can be noticed in written genres: epistolary, memoirs, reflections, sketches, etc. The purpose of this article is to analyse "Letters from Siberia" of M. S. Lunin as the document reflecting features of language manifestations of the post-conflict, to describe language means which have been used by the author, to draw a valid

* Путилина Татьяна Геннадьевна, магистрант Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

conclusion on the author as the language personality in a post-conflict situation. M. S. Lunin uses comparison, negation, opposition, use of words with negative connotations, references to literary works, biblical scenes and the famous historic persons.

KEYWORDS: *linguoconflictology, post-conflict, epistolary genre, language personality, communication, Decembrists, M.S. Lunin.*

Лингвоконфликтология – относительно новая область знаний, имеющих опору на лингвистику. Это отмечают исследователи, являющиеся авторами статей, выполненных в данном направлении. «Лингвоконфликтология – новая, еще только формирующаяся лингвистическая дисциплина прикладной направленности, изучающая языковые (речевые) конфликты. Актуальность данной филологической дисциплины обусловлена ее междисциплинарным характером и сопряженностью с такими гуманитарными дисциплинами, как психология, юриспруденция, социология, лингвокультурология и др.» [1]. По такому наименованию научной области можно заключить, что основополагающим в ней является понятие конфликта. Как отмечает в своей статье А. А. Полканова, изначально конфликт был ключевым понятием социологии. Однако, «со второй половины XX в. понятие *конфликт* входит также в лингвистическую терминологию» (выделение авт. – Т. П.) [2, с. 200]. Определение конфликта является многоплановым и по-разному формулируется учеными разных направлений. Например, А. А. Осипова подчеркивает в данном понятии следующие характеристики: «...конфликт – явление социальное, и главная его черта – наличие противоположных точек зрения (целей, мотивов, интересов)» [3, с. 79]. Очевидно, что в случае если требуется определить общекультурное явление, мы вынуждены при формулировке термина обращаться к экстралингвистическим факторам. Приведем еще один вариант определения конфликта: «А. Г. Здравомыслов определяет конфликт как важнейшую сторону взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточку социального бытия. “Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями, интересами и потребностями”» [3, с. 79]. Из определений, данных учеными, следует, что конфликт предполагает наличие оппозиции сторон. Мы считаем целесообразным добавить, что конфликт возникает, если хотя бы одна из сторон намерена предпринять некие активные действия для изменения ситуации в свою пользу. Также важно, как подчеркивает В. С. Третьякова, что «проблема конфликта как жизненного феномена стоит на оси пересечения интересов ученых разных научных областей» [4, с. 280]. Таким образом, конфликт является феноменом жизни в самых разных ее проявлениях.

Конфликтный тип речевого поведения В. С. Третьякова называет «речевым конфликтом» и дает ему следующее определение: «речевой конфликт – неадекватное взаимодействие в коммуникации субъекта речи и адресата, связанное с реализацией языковых знаков в речи и восприятием их, в результате чего речевое общение строится не на основе принципа сотрудничества, а на основе противоборства» [4, с. 281]. Логично, что речевой конфликт часто является лишь следствием конфликта мировоззрений. Это отметила В. С. Третьякова: «... при наличии речевого конфликта можно говорить и о существовании неречевого конфликта, который развивается безотносительно к речевой ситуации: конфликт целей, взглядов. Но поскольку репрезентация неречевого конфликта происходит в речи, то он тоже становится предметом исследования прагматики в аспекте отношений и форм речевого общения (спор, дебаты, ссора и пр.) между участниками коммуникации» [4, с. 281]. А. А. Полканова, выделяя два направления изучения конфликта в лингвистике, заключает: «...понятие конфликт освещается двумя направлениями: коммуникативно-прагматическим и когнитивным. Если первое из них в лингвистике разработано достаточно хорошо и опирается во многом на понятия успешности речевого акта и речевых стратегий, то второе появилось относительно недавно и, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем развитии» [2, с. 201]. В когнитивном направлении, как пишет А. А. Полканова, «речевые действия (в том числе конфликтные) исследуются в контексте тех скрытых структур знаний (фреймов, сценариев, ментальных пространств), которые создаются или которыми обмениваются говорящие в ходе дискурсивной деятельности» [2, с. 206]. Эти направления по-разному подходят к изучению конфликта, тем не менее, на наш взгляд, оба могут быть использованы для характеристики языковой личности. Это обусловлено тем, что, как пишет А. А. Осипова, «каждая языковая личность обладает собственным багажом средств и способов достижения коммуникативных целей, применение которых ограничено рамками заданного жанра, но свобода выбора у говорящего тем не менее существует. В связи с этим развитие коммуникативно обусловленных сценариев разнообразно: от гармоничного, кооперативного до дисгармоничного, конфликтного. Выбор того или иного варианта развития коммуникации зависит от типа личности участников конфликта, их коммуникативного опыта, коммуникативной компетенции, коммуникативных установок, коммуникативных предпочтений» [3, с. 81]. Следовательно, в конфликтном общении языковая личность особенно ярко проявляет свою специфику как уникальный носитель языка.

В нашей статье мы рассматриваем постконфликт. Научных разработок об этом даже меньше, чем собственно о конфликте. Н. Е. Яценко

в своем словаре дает следующее определение: «постконфликт – различные формы противостояния участников конфликта после его формального разрешения. Постконфликт базируется, прежде всего, на неудовлетворенности процедурой или результатами разрешения конфликта, а также на изменении баланса сил участников конфликта» [5]. После острой фазы конфликт не заканчивается. О наличии посткоммуникативной фазы конфликта пишет А. А. Полканова: «разрешение речевого конфликта происходит тогда, когда конфликтующие стороны приходят к какому-то решению и завершают контакт, однако он может продолжаться в посткоммуникативной фазе – в виде негативных или неадекватных эмоциональных реакций, отрицательного психологического состояния» [2, с. 204]. К этому необходимо добавить, что постконфликт может также характеризоваться внутренним несогласием с ситуацией, отрицанием получившегося результата, желанием опровергнуть оппонентов и донести до других людей свою, правильную (по мнению конфликтующего) точку зрения. В. Е. Ершова также отмечает, что конфликт может выполнять и познавательную функцию: «таким образом, речевые конфликты – это не только проявление деструктивного взаимодействия, но и способ трансляции новых знаний и сведений» [6, с. 15]. Речевой конфликт, как правило, описывается исследователями как противостояние в процессе непосредственного общения. В. Е. Ершова, например, утверждает: «речевой конфликт построен на антиномии говорящего и слушающего, которая, собственно, и «приводит к конфликту в информативно-коммуникативном и в стилистическом отношении» [6, с. 12]. Особенностью постконфликта является то, что проявляться он может в письменных жанрах: эпистолярном, воспоминаниях, размышлениях, очерках и др.

Из сказанного следует, что лингвистический анализ проявлений постконфликта в эпистолярном жанре является важнейшим способом, позволяющим охарактеризовать автора как языковую личность. Выводы, полученные в результате такого анализа, могут быть использованы для характеристики участника постконфликта как личности в жизни и в истории.

Цель статьи: проанализировать «Письма из Сибири» М. С. Лунина как документ, отражающий языковое поведение автора как участника постконфликта, описать языковые средства и приемы, которые были использованы автором, сделать обоснованный вывод об авторе как языковой личности в ситуации постконфликта.

Речевые проявления постконфликтной ситуации зависят как от человека, который их выражает, так и от степени остроты самого конфликта. В научных трудах уже есть некие обобщения о том, какие языковые средства чаще всего используются как генераторы конфликтной

ситуации. Так, О. В. Крамкова заключает: «итак, языковыми факторами конфликтогенности могут быть многозначные слова и омонимы вне развернутого контекста, ненормативная (обсценная, инвективная) лексика, негативная оценочная лексика, слова-агнонимы, а также слова не-литературных форм (сленгизмы, жаргонизмы, арготизмы), слова, имеющие неприятные, нежелательные или неэтичные ассоциации, отрицательные конструкции» [7, с. 333]. Однако в связи с недостаточной изученностью данной темы можно предположить, что дальнейшие исследования вопроса позволят дополнить предложенный перечень языковых факторов конфликтогенности.

М. С. Лунин, бывший член Тайного общества, после осуждения на поселение в Сибири не переставал в своих письмах доказывать правоту и обоснованность претензий к правящей верхушке. Если анализировать тип языковой личности М. С. Лунина, то можно доказать, что он представлял собой элитарный тип языковой личности, владевший несколькими языками, человек с широчайшим кругозором в различных областях знания, особенно в культуре, политике, философии, истории, военном деле, а также со сложной организацией мыслительной деятельности. Неудивительно, что для языкового проявления постконфликтной ситуации он выбирает нестандартный путь. Его «Письма из Сибири» адресованы сестре, но на самом деле это скорее литературное произведение эпистолярного жанра. В «Письмах», как и в других своих произведениях, М. С. Лунин излагал мысли и идеи, которые считал важными для будущего России и всего человечества. Кроме этого он последовательно продолжает доказывать свою правоту и неспособность правящих кругов улучшить ситуацию в стране.

В «Письмах» М. С. Лунина с точки зрения анализа постконфликтной ситуации можно выделить несколько важнейших смысловых линий, которые обыгрываются различными примерами и ситуациями с помощью различных языковых средств:

1. Неспособность правительственных структур к адекватным действиям по улучшению положения дел в стране.

1.1. Истинность мыслей Лунина и неправота правительства.

В авторском предисловии М. С. Лунин опосредованно относит к правительству неправильные действия. О правительстве идет речь в начале:

Письма из Сибири по своему политическому содержанию обратили на себя внимание правительства [8, с. 5].

Это не что иное, как первая цель того, что делает М. С. Лунин. Затем автором выдвигаются положения, которые излагаются опосредованно или неопределенно-личными конструкциями.

Запрещение излагать свои мнения свидетельствует о важности их и о той робости, которую вообще люди ощущают при первом взгляде на истину, пока не узнают и не полюбят ее. Такое запрещение в политике обыкновенно невыгодно действует для власти, от которой происходит, рождая мысль о недостатке доказательств, могущих оправдать излагаемые идеи [8, с. 5].

Номинация вместо глаголов, обобщение «вообще люди», замечание о том, что так происходит «обыкновенно», при чтении проецируется на настоящую ситуацию и позволяет читателю отнести эту робость и невыгодное действие к существующей власти.

Органические вопросы, по Лунину, *«держат под спудом и устраняют, занимая умы делами второстепенными и мелочными подробностями [8, с. 5].*

Глаголы, которые не имеют определенного лица, которое совершает действия, читателем воспринимаются логически как действия первого названного субъекта – правительства.

1.2. Неспособность всех подразделений правительства выполнять свои функции.

Ситуацию с порчей посылки автор использует как повод для критики правительственных структур.

Счастье Департамента почт, что мне нельзя ни разыскивать, ни обнародовать мнений своих о его управлении. Кто берет деньги, должен исполнять обязательства. Неспособность и мистицизм не оправдывают. Стариковщина вообще ни к чему не годится: поручи армию, она завязит ее, поручи дворец – сожжет, поручи посылку – изгадит [8, с. 7].

Таким образом, М. С. Лунин описывает известные в то время жизненные факты, не называя никого конкретно. Употреблены номинация «неспособность», местоимение «кто», обобщение с негативной коннотацией «стариковщина», указывающие на чиновников, засидевшихся на своих постах. Должностных лиц, виновных в неудачах, тогдашний читатель мог сам определить. Используется перечисление с обобщающим словом – синтаксическая конструкция, которая создает впечатление множественности просчетов. При этом вырисовывается картина всеобщего беспорядка из-за бездарных военачальников и чиновников.

М. С. Лунин прибегает к сравнению как средству убедительному и яркому:

Наши судилища, в которых совершают купчие и закладные, подобны базарам, где торгуют человеческим мясом [8, с. 18].

Людей, которые составляют служащих судов, М. С. Лунин изображает как абсолютно ни к чему не пригодных, кроме поиска собственной выгоды:

*Что касается до состава **судилищ**, стоит взглянуть на людей, которые берутся отправлять суд. **Кавалеристы**, которые **не усидят уже верхом**; **моряки**, которые **не снесут** более качку; иностранцы, которые **не понимают русского языка**; одним словом, – все, которых **некуда девать**, находят **мягкое кресло** в Правительствующем Сенате. Низшие места и должности наполняются людьми, также **чуждыми познаний юридических**, но **одаренными чутьем к ябеде** и знающими наверно, сколько тяжба может принести им дохода [8, с. 24–25].*

Данный отрывок содержит различные языковые средства, чтобы подчеркнуть негативные стороны судов. Во-первых, слово **судилище** имеет коннотативную окраску неодобрения и семантические компоненты несправедливости, произвола, противозаконности. Данная семантика зафиксирована в словарях. Значения слова **судилище** по словарям:

Судилище, -а, ср. устар. и неодобр. То же, что суд (в 1, 2 и 3 знач.) *Ни пред венчанными царями, Ни пред судилищем молвы Он не торгуется словами, Не клонит рабски головы. А К. Толстой, Пусть тот, чья честь не без укора Высшая судебная власть сосредоточивалась в парламентах, их было прежде десять, а потом пятнадцать, и все они в своем судебном округе были верховными судилищами. Писарев, Исторические эскизы [Захар] Ты думаешь, мне не тяжело, что вот у меня в доме устраивается судилище. М. Горький, Враги*¹.

Судилище, -а, ср. (неодобр.). Пристрастное разбирательство, подобное суду. *Целое с. устроили над кем-н*².

В следующем предложении говорится о людях, утративших возможность работать по специальности, или вообще не владеющих русским языком. Обобщающий вывод «**некуда девать**» – апофеоз их ненужности в противовес «**мягкому креслу**», которое находится для них в Сенате.

Характеристика низших должностей строится на противопоставлении. У них нет главного, что нужно, но есть то, что противопоказано для хорошего работника суда. Это описывается выражением «**одаренными чутьем к ябеде**». Оно имеет черты оксюморона, так как слово *одаренный* подразумевает некое положительное качество, талант (ода-

¹ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988. Т. 4. С-Я. 1988. 800 с.

² Ожегов М. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2006. 944 с.

ренный – талантливый, даровитый³). Слово *чутье* означает тоже положительное качество, но больше у животных (1. Способность животных обнаруживать, отыскивать что-л. посредством органов чувств, преимущественно обоняния. 2. Перен. Способность человека подмечать, обнаруживать, угадывать, понимать что-л.⁴). То, что все это относится к *ябеде*, резко меняет знак оценки на минус.

Общий недостаток наших учреждений выражается множественством чиновников: 618 сосредоточено их в самом министерстве. Умственные произведения не множественном лиц совершаются. Избегая подробностей, ограничимся некоторыми замечаниями. Пропорция лекарей непомерна: 1 для 154/2 чиновников.

Это указание на раздутый штат соотносится с комедией Мольера:

Ревность мнимого больного к сохранению своего здоровья не так далеко простиралась [8, с. 12].

Таким образом, непомерность количества лекарей у чиновников превосходит даже озабоченность своим здоровьем комедийного персонажа.

2. Подчеркивание своих достоинств и положительные образы изгнанников.

2.1. Лунин – мыслитель. Оппозиция – это нормально для страны.

Автор противопоставляет свой статус преступника тому, как относятся к инакомыслящим в других странах.

В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции. В самом деле таков мой политический характер. Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам. Единственное оружие мое – мысль, то в ладу, то в несогласии с движением правительственным, смотря по тому, как находит она созвучия, ей отвечающие [8, с. 6].

В данном примере автор использует отрицание, являющееся важным языковым средством обоснования своей позиции. Как отметила В. Е. Ершова, «отрицание основывается на субъективном представлении говорящего о норме» [6, с. 13].

Также используется и противопоставление, обосновывающее позицию автора. В. Е. Ершова подчеркивает следующее: «противопоставление “себя” “другим” в условиях конфликта вводится для обоснования собственной позиции и дискредитации позиции партнера по

³ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1986. Т. 2. К-О. 736 с.

⁴ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1988. Т. 4. С-Я. 800 с.

коммуникации, понижения его статуса» [6, с. 13]. Однако автор «Писем» использует противопоставление не для дискредитации партнера, а для подчеркивания своего статуса. Так, М. С. Лунин противопоставляет себя толпе либо рабам, называя свое положение «член оппозиции». Непонимание этого правительством выражается, по его мнению, в том, что его называют *«государственный преступник, находящийся на поселении»*.

М. С. Лунин подчеркивает, что может оценить и достоинства оппонентов:

С большим сожалением узнал я о смерти Новосильцова – одного из моих политических противников.

Разность политических мнений не мешает отдать ему справедливость: он имел много ума, большой навык в делах и пламенную ревность к исключительным пользам России. Как противоположен наш жребий: одному – эшафот и история; другому – председатель в Совете и адрес-календарь [8, с. 7].

Декабрист показывает свою непредвзятость в оценке ума и намерений человека, отличающегося по своим взглядам. Тем не менее, Лунин опять использует противопоставление: свою судьбу противопоставляет участи Новосильцова, считая, что, несмотря на осуждение, именно декабрист войдет в историю.

2.2. М. С. Лунин «под защитой ангела».

Для косвенного доказательства своей правоты привлекаются и высшие силы.

Теперь верно знаю, что господь послал ангела своего и избавил меня от руки Ирода и от всех ожиданий народа иудейского [8, с. 6].

Факт избавления от смерти трактуется Луниным как знак свыше, заступничество небесных сил.

Свою спутницу, одну из ссыльных, Лунин сравнивает с ангелом:

Она существовала мысль апостола и стройной наружностью и нравственным совершенством [8, с. 9].

Подаяние, сделанное этой изгнанницей встреченной случайно крестьянке, превращается у Лунина в библейскую притчу:

Нужное пособие было сделано. Встретив изгнанницу в лесу, она должна была найти помощь своему семейству: как Агарь, увидев ангела в пустыне, нашла воду для своего сына [8, с. 9].

Перед читателем возникает образ небесного, ангелоподобного существа. Но мы знаем, что она в изгнании. Тогда логично встает вопрос: кто же изгнал ангела, как назвать таких людей и такой режим в стране? Так с помощью описания этой прогулки М. С. Лунин подводит читателей к мысли о том, что даже небу этот порядок не нравится.

2.3. Сходство М. С. Лунина с известными историческими личностями.

В предыдущем примере мы видим сравнение ситуации на прогулке с библейской историей. Себя М. С. Лунин тоже часто сравнивал с известными историческими или легендарными личностями:

Последним желанием Фемистокла⁵ в изгнании было, чтоб перенесли смертные остатки его в отечество и передали родной земле; последнее желание мое в пустынях сибирских – чтоб мысли мои, по мере истины, в них заключающейся распространялись и развивались в уме соотечественников [8, с. 5].

Теперешнее положение мое с таким слабым ограждением в краю, наводненном разбойниками, выражает положение Алкивиада⁶ в Битинии. Предчувствую, что такой же род смерти прибавит еще одно сходство с этим необыкновенным человеком [8, с. 8].

Оставляю письма мои законным наследникам мысли, как пророк оставил свой плащ ученику, заменившему его на берегах Иордана [8, с. 23–24].

Фемистокл и Алкивиад как исторические личности, скорее всего, привлекают М. С. Лунина тем, что сочетают в своей деятельности политическую и военную области, а также в определенный период были в изгнании.

Упоминание о пророке, видимо, имеет отношение к пророку Илье, известного тем, что он деятельно боролся за свою веру.

Эти параллели свидетельствуют о важности, которую придавал М. С. Лунин своему делу борьбы за переустройство общества. Также они показывают и высокое самомнение автора, так как он ставил себя в один ряд со знаменитыми личностями.

3. Предательство друзей.

Не жалуется М. С. Лунин тех, кто после происшедшего раскаялся и занялся государственной деятельностью.

⁵ Фемистокл (др.-греч. Θέμιστοκλῆς; ок. 524 до н. э. – 459 до н. э.) – афинский государственный деятель, один из «отцов-основателей» афинской демократии, полководец периода Греко-персидских войн (500–449 гг. до н. э.). С 493/492 гг. неоднократно занимал высшие должности — архонта и стратега. Его политические реформы (487–486) способствовали дальнейшей демократизации афинского государственного строя (ввёл выборы архонтов по жребию, предоставил возможность всадникам занимать эту должность, освободил коллегию стратегов от контроля ареопага).

⁶ Алкивиад (др.-греч. Ἀλκιβιάδης; 450 до н. э., Афины – 404 до н. э., Фригия) – древнегреческий афинский государственный деятель, оратор и полководец времён Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.).

После роли лекаря поневоле самая смешная: политик поневоле. Есть такие между нами. Не зная, за что ухватиться, они принялись за раскаяние [8, с. 10].

Декабрист опять обращается к пьесе Мольера, проводя параллель с теми, кто занялся не своим делом – политикой.

Одни прикидываются угнетенными патриотами и успевают покорять удивление простаков своего квартала, издавая сочинения, которых никто не читает, и покровительствуя школы живописи. Другие, занимая важные посты, вредят правительству: или своею неспособностью, или отступническим рвением, раздражающим умы. Эти люди вообще заслуживают сострадание и забвение. Срываю с них личину, чтоб показать моим племянникам как илотов, которых представляли взорам спартанского юношества [8, с. 11].

Эта тирада насыщена негативом, но он подан в самой изящной форме. Литературные, но коннотативно отрицательно окрашенные слова *прикидываются, вредят, неспособность, раздражающие* характеризуют раскаявшихся членов тайного общества как пустых нелепых бездарностей. В конце же проводится аналогия с традицией Спарты показывать юношам пьяных илотов, чтобы молодые воины, увидев крестьян в неприглядном виде, больше никогда не могли проникнуться к ним состраданием.

Итак, мы рассмотрели постконфликт в эпистолярном жанре на материале «Писем из Сибири» М. С. Лунина. Основные языковые средства выражения недовольства, стремления доказать правоту и дать обоснование своей позиции, используемые автором в ситуации постконфликта, отмеченные нами, таковы:

- номинация – отглагольные существительные, воспринимаемые как действия;

- описание неправильных действий и решений, без указания конкретного лица – исполнителя, которое, однако легко восстанавливается людьми того времени;

- сравнения: негативные по отношению к органам власти, себя – с великими людьми;

- использование слов с негативной коннотативной окраской для характеристики оппонентов;

- привлечение ассоциаций с произведениями культуры, с историческими и библейскими сюжетами для описания и оправдания своей позиции;

- оксюмороны, подчеркивание своего статуса политического мыслителя.

– отрицание, противопоставление используются для конкретизации своей позиции.

Автор стремится не выразить эмоции, а логически доказать правомерность своих претензий и выгоду тех, кто последует его советам. Такое языковое поведение свойственно языковой личности рационально-эвристического типа. Как определял К. Ф. Седов, «рационально-эвристическая стратегия речевого поведения в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие. Этот тип разрядки тяготеет к смеху, как аффективной реакции. Негативные эмоции в этом случае выражаются косвенным, непрямым образом» [9].

Выявленные нами особенности языка автора свидетельствуют о том, что в постконфликте М. С. Лунин проявляет себя как человек, владеющий языком на высшем уровне, обладающий значительным объемом знаний, высокой культуры, выдающихся способностей, но и с большим самомнением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чернышова Т. В. Лингвоконфликтология: новые возможности формирования компетенций магистров журналистики / Т. В. Чернышова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2015. – № 1. – С. 46–48.
2. Полканова А. А. Понятие «конфликт» в лингвистике: основные подходы к его изучению / А. А. Полканова // Вестник МГЛУ. – 2010. – Вып. 5(584). – С. 199–207.
3. Осипова А. А. Конфликтемы в речевом взаимодействии / А. А. Осипова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири MAGISTER DIXIT. – 2011. – № 4. – С. 78–84.
4. Третьякова В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы / В. С. Третьякова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). Филология. Искусствоведение. – Вып. 73. – С. 279–282.
5. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – СПб. : Лань, 1999. – 528 с.
6. Ершова В. Е. Отрицание и отрицательная оценка как составляющие речевого конфликта: их функции и роль в конфликтном взаимодействии / В. Е. Ершова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 12–15.
7. Крамкова О. В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности / О. В. Крамкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 332–335.
8. Лунин М. С. Письма из Сибири / М. С. Лунин. – М. : Наука, 1988. – 496 с.
9. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии / К. Ф. Седов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сборник / Педагогический институт Саратовского государственного университета. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/>.

УДК 261.6

А. Н. Малыгин*

СТАРООБРЯДЧЕСТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА XVII В.

В статье рассказывается об образовании в 40-х годах XVII века кружка «ревнителей благочестия», положившего начало мощному расколу в русской православной церкви в ответ на реформаторскую деятельность патриарха Никона. Реформы, основным источником которых явились ошибочность перевода богослужебных книг и последующая сакрализация этих ошибок, были восприняты крайне оппозиционно приверженцами старой русской обрядовой практики. Особое внимание автор уделяет попыткам предотвратить последствия спора между сторонниками церковной реформации и последователями древних традиций, описывая дипломатическую миссию Арсения Суханова на востоке, итогом которой стал отчёт о его поездке, названный «Проскинитарием», где были подробно изложены факты, свидетельствующие об истинном православии восточных патриархов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кружок «ревнителей благочестия», реформаторская деятельность патриарха Никона, старообрядчество, протопоп Аввакум, раскол в русской православной церкви, архидьякон Арсений Суханов, «Проскинитарий».

A. N. Malygin

STAROOBRYADCHESTVO AS REFLECTION OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL SEARCHES OF THE RUSSIAN SOCIETY XVII OF CENTURY

The article describes the formation of «The Zealots of Piety» circle in the 40s of the 17th century, which initiated a powerful split in the Russian Orthodox Church in response to Patriarch Nikon's reformist activities. Reforms, the main source of which was the inaccuracy of the translation of liturgical books and the subsequent sacralization of these mistakes, were perceived extremely oppositional by the adherents of the old Russian ritual practice. The author pays special attention to the attempts of preventing the consequences of the dispute between the supporters of the church reformation and the followers of the ancient traditions, describing the diplomatic mission of Arseniy Sukhanov in the east, the result of which was a

* *Малыгин Антон Николаевич, аспирант кафедры философии и методологии науки Иркутского государственного университета.*

report on his trip, called «Proskynetarion», which detailed the facts indicating the true orthodoxy of the Eastern patriarchs. The author concludes that appearing in the Orthodox Church such a trend as the Old Believers, which was the result of the introduction of worship new rules, served as a religious expression of the class contradictions characteristic of Russia in the middle of the 17th century.

KEYWORDS: *«The Zealots of Piety» circle, Patriarch Nikon's reformist activities, Old Belief, protopope Avvakum, the split in the Russian Orthodox Church, archdeacon Arseniy Sukhanov, «Proskynetarion».*

В 40-х гг. XVII в. при молодом царе Алексее Михайловиче произошло объединение небольшого круга духовных и светских лиц, получившее название кружка «ревнителей древлего благочестия».

Помимо самого царя в кружок входили будущий патриарх, а в ту пору игумен Никон, протопоп казанского собора Иван Неронов и его близкий друг протопоп Аввакум, в дальнейшем признанный лидер раскола, а также боярин Фёдор Ртищев, создатель первой в Москве школы. Руководил работой этого объединения Стефан Ванифатьев, духовник царя. Представители белого духовенства, входившие в это сообщество, оказывали очевидное влияние на настроения «ревнителей», равно как и сам кружок вполне очевидно оппозиционировал престарелому и уже мало энергичному патриарху Иосифу. В самом общем виде идея о необходимости реформ в церкви вынашивалась в этих кругах с самого начала и пользовалась поддержкой Алексея Михайловича.

Важнейшим результатом деятельности кружка явилось издание московским печатным двором «Книги о вере». В ней просто и понятно были изложены основы христианского вероучения, где главенствовала мысль о единстве Церкви Христовой. Но теперь упор ставился не на вечном Риме, а на святом городе Иерусалиме.

Неизвестный автор первой главы «Книги о вере» не ограничивается утверждением о единстве святой кафолической соборной апостольской церкви, но развивает эту мысль, заявляя, что, по свидетельству Божественного писания, Иерусалимская церковь есть мать всех православных церквей. Самым ярким свидетельством единства современного христианского мира является, по мнению автора, сама святая земля, хранящая память о рождении Бога. Эту тему подсказал иерусалимский патриарх Паисий, бывший с визитом в Москве в 1649 г. Известно, что он неоднократно встречался с Никоном, в ту пору архимандритом Московского Новоспасского монастыря. Напоминанием об этих встречах стала подаренная Паисием кипарисовая, инкрустированная перламутром, модель храма Гроба Господня, которая до сих пор хранится в экспозиции музея, расположенного в ансамбле Новоиерусалимского монастыря [2, с. 24].

С этим визитом обычно и связывают рождение у патриарха Никона замысла о строительстве Воскресенского собора в монастырском комплексе. Сей замысел, однако, не ограничивался ни строительством собора, ни основанием Новоиерусалимского монастыря. Он был значительно шире, поскольку и общим планом, и основными деталями совпадал с тем образом святой земли, который мы встречаем у Афанасия Великого, известного Никону по «Книге о вере» 1648 г. «Вифлеем», «Назарет», «Фавор», «Сион», «Голгофа», «Елеон» выступают в его словах как символы единой соборной католической церкви [2, с. 189].

В XVII в. этот вопрос стал ключевым для многих людей. Некогда единомышленники, члены кружка «ревнителей благочестия» отвечали на этот вопрос по-разному. Для Ивана Неронова, протопопа Аввакума и их последователей очевидной была исключительность и «благочестивость» русской обрядовой практики. Сторонники данной точки зрения не верили в благодатность «новых греков» и отказывали в праве именоваться православными всему Востоку. В рассуждениях старца Филофея, на которого неоднократно ссылались «ревнители благочестия», утрата греками православного царства, второго Рима, явилась прямым следствием их собственной нетвёрдости в вере, и поэтому заимствование обычаев и обрядов греков недопустимо [3, с. 148].

Для Стефана Вонифантьева, Никона, Епифания Славенецкого и его сторонников, занятых переводами и книжной справкой, такая позиция была чужда. Противоречила она не только учению о вселенской природе церкви, но и реальной жизни восточных церквей и практике общения с ними. Разделял эти воззрения и царь Алексей Михайлович, которого православный Восток был готов признать вторым Константином в обмен на дипломатическую и материальную поддержку.

Решающие аргументы в этом споре выдвинул сам ход исторических событий. В 1648 г. на Украине вспыхнула и разгорелась война за национальную независимость. В борьбе с католической Польшей православные украинцы и белорусы видели в православном царе своего естественного союзника. Без признания их единоверцами и православными прочного союза с Москвой сложиться не могло. Осложняло ситуацию то обстоятельство, что, накануне вспыхнувшей на Украине войны, киевский митрополит Пётр Могила реформировал обрядовую практику на Украине, сблизив её с обрядовой практикой вселенских патриархов православного Афона и Молдавии, откуда он был родом. Теперь весь православный мир, кроме России, крестился щепотью и тригубил алилуию [6, с. 241].

В 1648 г. начались споры об «истинном благочестии», «Святой земле» и «православном Востоке», которые не прекращались вплоть до

1654 г. Но это были не академические дискуссии о «чинах, обрядах и службах», как это часто рассматривается в полимической литературе, а острые политические баталии [7, с. 43].

Для урегулирования спора на Востоке с особыми полномочиями был отправлен Арсений Суханов, бывший архидьякон митрополита Филарета Романова, участвовавший в подобной миссии в Грузии в 1637 г. Отчёт о его поездке, названный им «Проскинитарием» (что в переводе с греческого значит «поклонение»), содержал подробнейшее описание святынь Востока. Он встретился со всеми православными патриархами, кроме Константинопольского, которого не застал в живых, провёл в Иерусалиме более полугода и привёз оттуда мерки Иерусалимского храма. Но миссия его носила более глобальный характер. От Арсения Суханова ожидали подробного описания жизни и обрядовой практики у восточных патриархов в качестве материала к заключению об оценке их благочестия [7, с. 82].

Текст «Проскинитария» подтверждал истинное православие восточных патриархов, что являлось дополнительным аргументом для широкого контакта с ними. В то же время критический для греков тон описания быта, нравов, обрядности не оставлял места для сомнений в том, что ни одна из реально существующих восточных церквей не могла быть признана действительно «благочестною» настолько, чтобы даже помыслить о вверении ей опеки над «Святой землёй. Любой читатель «Проскинитария» должен был осознать, что вне пределов Московской державы нет искомой, «благочестием процветающей» церкви. Опека над «Святой землёй» становилась, таким образом, уделом Русской Православной Церкви и России [1, с. 348].

Чтение «Проскинитария» патриархом Никоном побудило его к замыслу о строительстве Новоиерусалимского монастыря и создании в Подмоскovie образа «Святой земли» в таком виде, в каком он обозначен у Афанасия Великого. Произошло это не ранее 1655 г., когда рукопись «Проскинитария» была передана патриарху, и не позднее 1656 г., когда он осуществил для этого свои личные земельные приобретения.

И, хотя, примерно в то же время царь Алексей Михайлович прочитал отчёт Арсения Суханова, в дальнейшем неоднократно выражая свою поддержку планам Никона, есть основания полагать, что эти планы были известны ему только в самом общем виде на основании того, что он самолично увидел, присутствуя на освящении деревянной воскресной церкви в монастыре Никона.

Арсений Суханов вернулся из своего путешествия тогда, когда вопрос о проведении церковной реформы был решён, и патриарх Атиохийский Макарий публично возгласил свою анафему на приверженцев

старой веры. Сам Арсений был не просто приверженцем Филофеева учения, о чём и заявлял в своих спорах о вере, он не допускал никакого компромисса в своей позиции, за что и подвергся осуждению. Произошло это во время его поездки, закончившейся знаменитым диспутом при гостившем в Молдавии Иерусалимском патриархе Паисии, с последовавшим вынужденным возвращением Арсения в Москву по делам самозванца Тимошки Анкиндинова [2, с. 190].

Дружба Арсения с «ревнителями благочестия», написание «Проскинитария», а также близкие контакты с восточными иерархами ставили его в разряд наиболее крупных церковных авторитетов. По возвращении из поездки, в признание особых заслуг, Арсений Суханов назначается келарем Троице-Сергиевой лавры, а в период опалы патриарха Никона, в продолжение трёх лет с 1661 по 1664 гг., единолично руководит всей книжной справой на московском печатном дворе. Сурового старца боялись и искали с ним дружбы и Иерусалимский Патриарх Паисий, и Антиохийский Патриарх Макарий [6, с. 378].

В такой сложной обстановке в 1653 г. и вышла в свет «Память» патриарха Никона, предписывающая такие правила, как: изменение в чтении седьмого и восьмого члена Символа Веры, введение троеперстия, тригубую аллилуйю и др.

Зеньковский замечает: «Скандалные по своему неразумию прения о двоеперстии, сугубой аллилуйи и тому подобных расхождений» – только и могли возникнуть в Руси, стоящей перед множеством проблем [1, с. 429].

Церковную реформу обычные люди восприняли как своего рода покушение на память предков, а значит и на систему духовных и религиозных ценностей, регламентировавших жизнь. Никто не хотел ни вникать в сущность этой реформы и необходимость её введения, ни постигать тонкости древнерусских и древнегреческих книг. Даже в наши дни, если вдруг изменятся как-либо привычные для верующих порядки служб и молитв, вряд ли все безоговорочно примут эти изменения и будут с ними согласны. Повторяющиеся изо дня в день одни и те же молитвы, обряды и идеи формируют определённые нравственные и моральные убеждения. Конечно, могут быть обряды лучше, но они не могут заменить прежних. Попытка использовать древнерусские рукописные книги церковными иерархами при подготовке реформ потерпела неудачу [1, с. 579].

Описывая начало раскола, известный писатель Миловидов говорит о том, что полуграмотные переписчики церковных книг, по невежеству, вносили в них самые грубые ошибки. К тексту, исполненному такого рода ошибками, наши предки постепенно привыкали. Ошибка пе-

реписчика через два-три поколения становилась уже святынею для набожных людей, являющихся строгими ревнителями обряда и буквы. «Такая порча книг началась издавна, так называемые “худые номоканунцы” были у нас ещё в XII в.» [4, с. 46].

Не существовало совершенно одинаковых текстов, все они изобиловали ошибками, пропусками, малопонятными терминами. Несколько раз менялись переводчики во время подготовки реформы. Тексты, напечатанные типографским способом, имели разночтения. Гораздо более серьёзным изменениям подвергались обряды, изымались иконы старорусского письма. Таким образом, психологические и гносеологические причины возникновения старообрядчества сыграли большую роль в его судьбе. Старообрядчество явилось, в определённом смысле, религиозным выражением классовых противоречий, характерных для России середины XVII в. Поэтому протест низшего и среднего духовенства против церковной реформы нашёл горячую поддержку в значительной массе крестьянства и посадских низов. Раскол и старообрядчество следует рассматривать в этом плане как течение или даже идеологию, собравшую всех недовольных существующим строем [4, с. 82].

А недовольными были, прежде всего, представители сословного боярства. Ход общественно-политического развития страны грозил им потерей всех сословных привилегий и вотчин и, в конечном счёте, вымиранием. Сословное боярство было заинтересовано в том, чтобы оставить старые порядки XIV и XV вв., когда царь по каждому вопросу советовался с Думой, когда большую роль играли богатство и знатность предков, их былые заслуги. Боярство уже теряло ту реальную власть, которой не так давно обладало. Оно переставало быть реальной политической силой, оказывающей большое влияние на ход развития страны. Неудивительно поэтому присоединение к старообрядчеству представителей родовитого дворянства (Хованский, Милославский, боярыня Морозова, Урусова), стрелецкого войска. Но ещё большей силой раскола являлось крестьянство и посадское население.

Миловидов считает, что старая вера в тех условиях стала религиозным знаменем, объединившим определённую часть крестьянства, городского населения и буржуазии в их борьбе против феодализма и абсолютизма. Кризис официальной идеологии, идейные шатания в русском обществе XVII в. выразились не только в старообрядчестве. Это была лишь высшая степень проявления социальных противоречий, взрыв народного негодования. Можно предположить, что предшествовали этому ереси XV, XVI, начала XVII вв., ставшие своеобразными индикаторами напряжённой ситуации в духовной идеологии. Имеются в виду ереси «стригольников», выступления Матвея

Башкова и Феодосия Косого. В середине XIV в., в северных областях Руси, в Пскове и Новгороде появилась ересь «стригольников» ремесленников-суконщиков. Затухнув, она с новой силой вспыхивает в конце XV в. Её представители критиковали «стяжателей-иосифлян», продажность служивого духовенства. Отдельные представители «стригольников» доходили до отрицания загробного царства, их идеи приближались к атеистическим представлениям, их идеология «вела к освобождению мысли от традиционно-религиозных пут и к развитию критического мышления. Несмотря на жёсткие преследования, ереси были очень живучими, ибо они отражали реальные классовые интересы угнетённых» [4, с. 104].

К XVII в. учение еретических кружков Матвея Башкова и Феодосия Косого уже было знакомо московскому обществу. Учение Феодосия Косого отрицало основные религиозные догматы и проповедовало любовь к ближнему в качестве основного смысла жизни крестьянства.

В это время официальная церковь переживала кризис. Именно тогда при царе возник кружок Стефана Вонифатьева, как попытка придворного окружения спасти положение и найти свой путь развития. Все церковные дела решались царским духовником Стефаном Вонифатьевым, «собинным другом» Никоном, Ртищевым и другими представителями церковной и придворной знати. Борьба народных масс против церковного неустройства вступила в XVII в. в новый этап, отмеченный небывалым до того падением авторитета церкви. Важнейшей чертой культуры Руси XVII века было господство религиозного мировоззрения. Гуманистическая идеология, являясь для той эпохи самой передовой, не выходила за рамки теологического мышления. В России XVII в. православие играло доминирующую роль и в официально-церковной идеологии, и в народной, оппозиционной.

В свете исследований, посвящённых культурному развитию России XVII в., заслуживает внимание мысль А. М. Панченко о том, «...что в переломную эпоху накануне петровских реформ не происходит полного разрыва со старыми ценностями, выработанными многовековым опытом народа, они лишь отходят на задний план» [5, с. 156].

Показателями новых духовных запросов общества становятся личные библиотеки, положившие начало возникновению в середине второй половины XVII века просветительских кружков. Одним из них и являлось сообщество «ревнителей древнего благочестия», в котором главную роль суждено было сыграть протопопу Аввакуму.

Подводя итоги, хотелось бы ещё раз обратиться к факторам, оказавшим существенное влияние на формирование религиозности и мировоззрения человека в России в XVII в.

Одна из главных черт, характеризующих человека того времени, это неуверенность. Именно это качество заставляло человека сомневаться в будущем. Чувство неуверенности заставляло обращаться к прошлому и идеализировать его. Человек искал успокоения, искал решения вопросов православной веры. Он искал доказательства своей правоты, тесно связанной с доказательством «чудом», доказательством «поступком и жизнью». Народу нужны были религиозные авторитеты.

Кроме этого, следует обратить внимание на определённые черты менталитета средневековой Руси. Как нам представляется, это строгая иерархичность и глубокая религиозность, – факторы, которые во многом определяли формирование религиозных взглядов старообрядчества и его идеологов. Раскол и старообрядчество прошли сложный путь в своём развитии, занимая разное место в социальной и духовной истории России.

Начавшееся с незначительных исправлений богослужебных книг и противостояния отдельных личностей, всё затем стремительно переросло в разделение общества на просвещённых и непросвещённых, в противостояние цивилизаций, противоборство властей и, наконец, вылилось в трагическое преследование за веру и убеждения других людей. Вопрос «кто прав» только усугубил положение. Его парадоксальность состояла в непростом и противоречивом столкновении двух «правд Никона и Аввакума». Каждый прав по-своему, но оба неправы в одном, – они не осознали своего единства с народом. Пытаясь искать ответы на непростые вопросы времени, общество оказалось расколотым на основе мучительного поиска путей развития страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Зеньковский В. В.* История русской философии / В. В. Зеньковский. – М. : Акад. проект: Раритет, 2001. – 880 с.
2. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа / Н. Ф. Каптерев. – М. : Индрик, 2003. – 248 с.
3. *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. – М. : Наука, 1983. – 416 с.
4. *Миловидов В. Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем / В. Ф. Миловидов. – М. : Наука, 1969. – 111 с.
5. *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. – М. : Наука, 1984. – 205с.
6. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в московском государстве XVI–XVII вв. / С. Ф. Платонов. – М. : Мысль, 1997. – 499 с.
7. *Поздеева И. В.* Личность и община в истории русского старообрядчества / И. В. Поздеева // Мир старообрядчества. История и современность. – М. : МГУ, 1999. – Вып. 5. – С. 116.

ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 005.1

А. А. Зайковская, И. Р. Либенсон*

О СПОСОБЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается понятие социального управления и способа социального управления как иерархической структуры. Представлены и проанализированы базовые концепции социального управления. Определяются их состояние и перспективы реализации в России. Намечены ключевые методы и направления развития социального управления на локальном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное управление, способ социального управления, социальное развитие, концепции, методы, перспективные мероприятия социального управления.

A. A. Zaikovskaya, I. R. Libenson

ABOUT THE METHOD OF SOCIAL MANAGEMENT

The concept of social management and the way social management as a hierarchical structure is considered. Basic concepts of social management are presented and analyzed. Their condition and prospects for implementation in Russia are determined. Key methods and directions of development of social management at the local level are outlined.

KEYWORDS: social management, the way of social management, social development, concepts, methods, promising social management activities.

В современной науке принято считать, что процесс социального управления включает в себя несколько компонентов, а именно: политический, экономический, социологический, психологический, духовный и др. Исходя из этого, в целях исследования понятие «социальное управление» целесообразно структурировать таким образом:

- методология и концепция;
- гуманитарная объемлющая сфера управленческой деятельности;
- ведущая функция управления;
- наука с фундаментальной и прикладной частями;

* *Зайковская Анастасия Александровна, кандидат социологических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения;*

Либенсон Игорь Рувимович, кандидат экономических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

- теория – позитивная и нормативная;
- учебная дисциплина;
- обновленные принципы, методы и практика управления.

Итак, понятие *социального управления* используется в общей и специальной предметных областях. В объемлющем смысле *социальное управление* – это управление социальными *суперсистемами* по полной функции. В специальной области социальное управление – это управление и самоуправление благообеспечением и социальным развитием *общественных страт.* Поэтому в специальном понимании уместнее использовать термин «управление социальным развитием», подчеркивая динамический характер процесса, ибо в мире всегда идет процесс развития, перемен и обновления. Именно в этом ключе понятие «социальное управление» используется в представленной статье.

В масштабе государства *субъектом* социального управления являются законодательные, правительственные, частнопредпринимательские, общественные органы и всенародный референдум. *Объектом* социального управления является население страны. *Предметом* социального управления является жизнеобеспечение материальными благами, социальные (наиндивидуальные) потребности и поведение людей в различных сферах и направлениях в масштабе нации. Вместе с тем не забываем о том, что концептуальные, идеологические и политические основы социальной власти и управления заказывает правящая верхушка господствующего социального класса.

Очевидно, что в масштабе организаций *субъектом* социального управления выступает коллективный менеджер (административный аппарат), собрание трудового коллектива и профсоюз. *Объектом* социального управления на локальном уровне предприятия является наемный персонал организации. *Предметом* социального управления на уровне предприятий и организаций выступают социальные потребности и интересы, целеполагание и развитие персонала в целях успешного включения работников в хозяйственную деятельность организации, повышения производительности и качества их труда. Реальность такова, что социальное управление на уровне предприятия непосредственно связано с его экономическими интересами (точнее его хозяев), т.е. социальные интересы коллектива целиком подчинены интересам предприятия. Это можно подтвердить, например, тем, что в руководствах по менеджменту обычно пишут: «Обучение персонала не является самоцелью организации. А оно должно быть неразрывно связано с процессами организационного развития, со стратегическими целями организации, обеспечивая максимальную готовность людей к решению стоящих перед предприятиями задач» [4].

Так как социальные интересы работников и интересы предприятия обычно не совпадают, то в отношении коллектива и предприятия требуется законодательное вмешательство (регламентация, регулирование, Гражданский кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ и т. д.).

Ключевым понятием в системе социального управления является «социальное развитие» общества, групп и индивидов, ибо по мере его должен оцениваться результат управления.

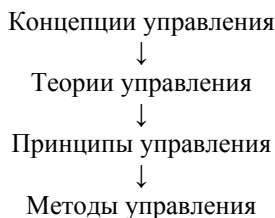
Методология социального управления строится на двух *способах*. Первый – *прямой способ управления людьми* – создание внутренних условий, помогающих людям в деле осознания истинного смысла труда. Второй – *косвенный способ управления людьми* – влияние через культурную среду, т. е. создание внешних условий, благоприятных для развития у людей созидательных потребностей и целей в их жизни и деятельности.

Высший уровень, которого может достигнуть управление в социальном развитии, – это воспитание свободной *социальной самодисциплины* и *социальной ответственности*.

Рассмотрим базовые понятия. «*Ответственность* – форма саморегуляции личности, выражающаяся в осознании себя причиной совершаемых поступков и их последствий и в осознании и контроле своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни. Одной из частных форм ответственности является *социальная ответственность* – склонность человека вести себя в соответствии с интересами других людей и социального целого, а не в узкоэгоистических интересах придерживаться принятых норм» [2].

От себя отметим, что *социальная ответственность* – это ответственность человека перед самим собой за собственное духовное развитие и ответственность перед обществом, исключая потребительское отношение Личности к обществу.

Рассмотрим понятие *способа управления* и установим его связь с *методом управления*. Понятие «способ» в данном контексте – это возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо [1]. Управленческая наука как организованное знание рассматривает упорядоченную иерархию элементов, которые в практике реального управления вместе образуют *способ управления*:

Как видим, *метод управления* – это поверхностный (инструментальный) уровень осуществления способа. Способ проявляется и реализуется в методах.

Преобладающий в обществе способ управления нельзя понять, если мы не знаем по какой концепции оно управляется. Уместно отметить, что концепция в изначальном смысле слова означает «зачатие» («непорочное зачатие», на латыни это «Immaculata conceptio»).

Есть базовая концепция, а есть ее исторические интерпретации. Историческая интерпретация базовой концепции обуславливает доминирующий способ производства. Вспомним, что согласно теории исторического материализма способ производства, а именно «капитализм», «социализм», различаются по доминирующим производительным силам и производственным отношениям. Между тем базовая концепция может не измениться со сменой способа производства и действовать на протяжении длительных исторических периодов, целых эпох. Ибо она зависит не от способа производства (наоборот, концепция определяет его своей исторической интерпретацией), а от духовно-нравственной осведомленности и меры зрелости выбора пути развития у большинства членов общества. Реальность такова, что сменяются условия жизни, поколения, целые социально-экономические формации, а люди в своей природе – нет.

На базе главенствующей концепции строятся теории, оглашаются принципы и практикуются методы. Таким образом, мы не сможем оценить адекватность тех или иных методов управления и практически их применить, если сначала не выясним их соответствие действующей концепции и принципам управления, и вообще – какому *способу управления* они принадлежат.

Существует три базовые концепции социального управления.

1. Концепция реального самоуправления – каждый несет полноту ответственности за свое социальное, т. е. морально-этическое, интеллектуальное, духовное развитие по идее: «Истинная власть – это власть над самим собой». Она постигается в сознании человека так: «Знание (Учение) – Восприятие (Вера) – Понимание – Увеличение степени осознанности». Ведущим принципом является: «Принять решение – Взять ответственность на себя – Действовать самому». Отмечено, что в этих условиях трудоспособность человека многократно возрастает и у него возникает понимание, стремление и внутренняя ответственность за развитие себя и других людей.

2. Концепция взаимной (солидарной) социальной ответственности – это когда более сильные члены общества, т.е. уже освоившие высшие социальные ценности, помогают и поддерживают тех, кто еще не окреп

и нуждается в помощи, по принципу: «Глупо давать рыбу голодному, ибо он ее съест и опять проголодается. Гораздо мудрее дать ему снасти и научить ими пользоваться». Такая концепция характерна для солидарного общества, где развита круговая порука и присутствует мера взаимной социальной ответственности Личности, бизнеса, государства и общества. Солидарное общество – это общество, в коллективном и индивидуальном сознании которого преобладают настроения единения, сотрудничества, созидательного целеполагания над настроениями индивидуализма, соперничества, разрушительного целеполагания, эгоцентрической борьбы за власть, информацию и собственность. Напротив, в гражданском обществе, где индивидуальный успех превыше всего, высoka ценность социальной конкуренции, духа соперничества, как борьбы эгоизмов в их стремлении к земной власти и личным материальным целям.

3. Концепция социального неравенства (превосходства, доминирования, исключительности, избранности, диктата). Она опирается на тот факт, что в человечестве одновременно живут люди и сообщества, неодинаковые по своему развитию. Более развитым индивидам и социальным группам это дает повод думать о том, что они, как более понимающие, осведомленные, развитые, могут и даже должны взять на себя «бремя» ответственности за дела управления жизнью и развитием всего общества. «Мы все знаем, что после окончания “холодной войны” – в мире возник единственный центр доминирования. И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что если они такие сильные и исключительные, то лучше всех знают, что делать» [5]. Однако, в результате «почему-то» создаются условия, при которых более сильный стремится использовать слабого, а более слабый пытается обмануть сильного. Как метко заметил А. А. Зиновьев: «В мире нет ничего страшнее эгоизма слабых. Он беспощаден и жесток». А богатство, слава, удовольствия, значимость среди людей и власть становятся ведущими социальными стимулами. По форме – это концепция «толпо-элитаризма» (явление «толпо-элитаризма» описал ещё в конце XIX в. французский социолог Гюстав Лебон в своей работе «Психология народов и масс»), а по существу – концепция взаимного социального паразитизма. Это когда управляемый субъект (общество) по незнанию беспечно передает всю полноту ответственности за дела общественного управления «элите» (избранным, группе, которая влияет на принципиальные решения, определяющие жизнь общества [8]), а «элита», вместо лидерства и личного примера как образца собственного развития (прежде всего в деле социальной ответственности), паразитирует на труде общества в личных

эгоистичных целях власти и обогащения, имитируя заботу о социальном развитии простых людей, даже проповедуя социальную справедливость, манипулируя общественным сознанием и мнением большинства. Данная концепция исключительно строится на понятии «политики» как выражения властного (политического) способа управления. Сама политика здесь рассматривается как общественные отношения на основе господства и подчинения [9]. Более того, сегодня мы видим, что «манипуляция сознанием есть чуть ли не главный инструмент политики» [7].

Как ни странно, но именно третья концепция реализована в «западном обществе потребления» с его высокими социальными стандартами (бытоустройства, индивидуального комфорта и материального процветания). Думается, что благоприятные условия для массового потребления здесь создавались не из «гуманных соображений» и не благодаря «демократическим завоеваниям», а по принципу: «Потребление в обмен на лояльность к власти». «Ты посмотри на Америку, кого она взрастила своей «демократией», мнимой «свободой», которой фактически там никогда и не было? Тупых эгоистов с крайне ограниченными духовными потребностями. Массам людей внушали путём определённых программ, что они свободная нация. А в действительности, манипулируя идеей свободы, заковали их сознание в кандалы и определили им идола – деньги, на которые они молятся и рабски поклоняются и по сей день...» [6]. Сегодня данная цивилизация устремлена в «технократизм» и «трансгуманизм».

Учитывая вышесказанное, важно отметить, что есть еще четвертый вариант, которым является концептуальная неопределенность. Это состояние общества, когда оно стоит перед необходимостью глобального выбора подчинения своей воли и пути дальнейшего развития, которых всего два: путь процветания, созидательного развития человека и общества, руководимый духовным началом, и путь самоуничтожения под управлением животного начала и руководством животного разума.

Каждой из оглашенных концепций соответствуют свои теории (логически оформленное обоснование), принципы и методы. Сегодня Россия как социальная суперсистема находится в состоянии концептуальной неопределенности. Однако в скором будущем в России сначала будут провозглашены принципы, потом преобразованы государственные и общественные институты и отобраны методы управления, соответствующие второй концепции, а затем на практике пойдет процесс в сторону воплощения в жизнь первой концепции. Совершенно очевидно, что ключевыми понятиями методики управления социальным развитием здесь является образование и воспитание масс.

Путь по третьей концепции для России не годится. Печально, что в России имеет место эгоцентричная и иждивенческая, т. е. паразитическая по отношению к обществу позиция ряда госчиновников, бизнесменов и предпринимателей, основанная лишь на личной материальной заинтересованности и чувстве превосходства. Это не годится для дела сбережения и развития человеческого потенциала страны и социального развития всех членов общества.

Широкая поддержка бизнесом общих духовных ценностей, государственных и общественных инициатив, как и собственное самообразование и самовоспитание, потребуют изменить подход и к профессиональному образованию, которое пока лишь сужает гуманитарное и профессиональное мышление рыночными и организационно-технологическими рамками.

Необходимо не только профессиональное обучение, но идейно мотивирующее профессиональное просвещение. Для этого нужны новые формы сквозного профобразования и общественные институты, объединяющие усилия и ресурсы государства, общества, бизнеса, предпринимателей, ученых, медиа-сообщества, деятелей культуры. Это работа по подготовке и самоподготовке Личностей, как говорят социологи, модального типа, т. е. наиболее распространенного в данной социокультурной среде в конкретно-исторических условиях типа Личности.

Сегодня генеральным заказчиком концепции, идеологии и политики системы профессионального образования в России являются глобальные корпорации. Однако в реальности проблема не в транснациональных корпорациях, хотя они, безусловно, могущественны. Дело в свободе выбора большинства членов общества.

В общественной атмосфере уже ощущается то, что в скором времени сменится заказчик образовательных систем и программ, в том числе и в сфере профессиональной подготовки. Примечательно, что глава Минобрнауки Ольга Васильева заявила на Общероссийском родительском собрании, что из области образования необходимо убрать термин «образовательные услуги» [3]. Думается, в скором времени в образовательной и других социальных сферах Россия создаст свои формы и механизмы преобразования зыбких понятий «социальная услуга», «социальное партнерство», «частно-государственное партнерство», в крепкие понятия «народное просвещение», «солидарное общество» и «социальная ответственность» с их традиционным для России смыслом.

В заключении отметим, что управление социальным развитием (на уровне организаций) – это процесс, состоящий из определенных дей-

ствий управляющих и персонала. Далее предлагаем список ключевых действий (в смысловом, а не в инструментальном значении):

- изучение проявлений животного начала в человеке, дабы не поддаваться на его провокации изнутри и извне;
- забота о постановке благих целей в жизни и труде от духовного начала человека;
- популяризация духовно-нравственных ценностей и созидательной идеологии;
- забота о массовом расширении гуманитарного кругозора и профессионального мастерства («профессиональная педагогика»);
- забота о реализации добрых созидательных начинаний для людей и ради людей;
- создание условий в коллективах для систематических упражнений в дисциплине тела (физическая культура), мышления (культура образования), речи (культура коммуникации), деятельности (культура производства и управления).

Методы осуществления этих действий (инструментальный уровень) – предмет будущего рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Т. 1. – 1209 с.; Т. 2. – 1200 с.
2. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М. : НМЦ СПО. С.М. Вишнякова. 1999. – 538 с.
3. Материалы Общероссийского родительского собрания 30.08.16 // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20160830/1475622923.html>.
4. Развитие персонала. – Режим доступа: http://dps.smrtilc.ru/Od_PM/Od_06_1.htm.
5. Выступления В. В. Путина на Генеральной Ассамблее ООН в Н-Йорке 28 сентября 2015 года. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.
6. *Новых А.* Перекрестье / А. Новых. – Киев : Наукова думка, 2013. – С. 153–154.
7. *Нарочницкая Н. А.* Основные внутренние враги России – «смердяковщина» и деинтеллектуализация / Н. А. Нарочницкая. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/14717>.
8. *Хазин М. Л.* О правилах игры / М. Л. Хазин. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/14737>.
9. *Черняховский С. Ф.* Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России : монография / С. Ф. Черняховский. – М. : МНЭПУ, 2003. – 239 с.

УДК 347.43

Е. П. Шевчук, Э. А. Шолохова*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается развитие правового регулирования медицинской деятельности в России. Делается вывод о том, что произошли значительные изменения правового регулирования в сфере здравоохранения, но далеко не все проблемы удалось решить с принятием Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *охрана здоровья, заболевания, пациент, медицинская услуга, профилактика, диагностика, экспертиза медицинской помощи, качество медицинской помощи.*

E. P. Shevchuk, E. A. Sholokhova

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF MEDICAL SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

This research is devoted to the trends in legal regulation in medical practice in Russia. The main conclusion is that legal regulation in the field of public health in Russia has been changed to a great extent. But when the law "About health protection of citizens in Russian Federation" was passed not all the problems have been solved.

KEYWORDS: *health protection, disease, patient, medical service, prophylaxis, diagnostics, expertise of medical care, quality of medical care.*

За последние десятилетия в медицинском законодательстве, несомненно, произошли значительные изменения, касающиеся как появления новых гарантий прав пациентов и медицинских работников, так и принципов организации медицинской деятельности и функционирования медицинских организаций. Однако даже с учетом важности нововведений, по-прежнему остаются неразрешенными отдельные проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг.

* **Шевчук Елена Павловна**, преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета;

Шолохова Эльвира Александровна, студентка 3-го курса Юридического института Иркутского государственного университета.

Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 г. № 5487-1 [1] (далее – основы) закрепили основные правовые, организационные и экономические принципы в области охраны здоровья граждан и определили начало развития законодательства об охране здоровья граждан в России. Однако этот правовой акт не в полной мере отвечал современным реалиям в России. Необходимость принятия нового нормативного акта была вызвана также тем, что с момента принятия Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. произошли значительные изменения условий организационных основ оказания медицинской помощи. В ноябре 2011 г. был принят Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ [2] (далее – Закон № 323), который вступил в силу с 01 января 2012 г.

Закон № 323 определяет предмет регулирования, состоящий из пяти групп отношений в сфере охраны здоровья граждан:

- 1) правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья граждан;
- 2) права и обязанности человека и гражданина, отдельных групп населения в сфере охраны здоровья, гарантии реализации этих прав;
- 3) полномочия и ответственность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья;
- 4) права и обязанности медицинских организаций, иных организаций, индивидуальных предпринимателей при осуществлении деятельности в сфере охраны здоровья;
- 5) права и обязанности медицинских и фармацевтических работников.

А также впервые вводится дефинитивный аппарат, который находит свое закрепление в ст. 2 Закона № 323. В ней раскрываются такие понятия как: здоровье, охрана здоровья граждан, медицинская помощь, медицинское вмешательство, профилактика, диагностика, лечение, пациент, медицинская деятельность, фармацевтическая организация, медицинский работник, фармацевтический работник, лечащий врач, заболевание, состояние, основное заболевание, сопутствующее заболевание, тяжесть заболевания или состояния, качество медицинской помощи.

Указанные понятия в действующих ранее основах отсутствовали, но закрепление некоторых из них в Законе № 323 вызывает сомнение. Так, например, понятие качества медицинской услуги определяется как

совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата. Получается, что с позиции законодателя, если запланированный результат не был достигнут (например, пациент неизлечим), то услуга оказана некачественно? С таким подходом трудно согласиться, ведь в услуге важен не результат, а процесс ее оказания, поэтому логичнее в определении качества медицинской услуги предъявлять требования к процессу ее оказания, а не к результату. Многие заболевания вообще неизлечимы, и медицинская услуга направлена на поддержание жизненно важных функций организма, предупреждение развития осложнений, а не на радикальное решение проблемы.

На наш взгляд, результат в услуге может быть, не достигнут и заранее запланировать его практически невозможно. Это противоречит правовой природе услуги и не может служить критерием ее качества. Критерии качества оказания медицинской помощи в Законе № 323 сформированы на основе порядков и стандартов медицинской помощи, утвержденных Министерством здравоохранения Российской Федерации [3], клинических рекомендаций (протоколов лечения) по группам заболеваний (состояний) и были введены в действие 1 июля 2017 г. Эти критерии позволяют оценить качество медицинской помощи, оказанной пациенту в амбулаторных, стационарных условиях и в условиях дневного стационара. По этим критериям следует оценивать правильность процесса оказания медицинской услуги (выбор лечения, диагностики или реабилитации), а не ее конечный результат.

Обязательность применения порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи указана в ст. 37 Закона № 323. В соответствии с ним, медицинская помощь должна оказываться в соответствии с указанными порядками и стандартами медицинской помощи и является обязательной для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями.

Порядок оказания медицинской помощи и стандарты медицинской помощи утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Порядок оказания медицинской помощи разрабатывается по отдельным ее видам, профилям, заболеваниям или состояниям (группам заболеваний или состояний) и включает в себя:

- 1) этапы оказания медицинской помощи;
- 2) правила организации деятельности медицинской организации (ее структурного подразделения, врача);

3) стандарт оснащения медицинской организации, ее структурных подразделений;

4) рекомендуемые штатные нормативы медицинской организации, ее структурных подразделений;

5) иные положения исходя из особенностей оказания медицинской помощи.

Порядок и стандарты разрабатываются в соответствии с номенклатурой медицинских услуг и включают в себя усредненные показатели частоты предоставления и кратности применения:

1) медицинских услуг;

2) зарегистрированных на территории Российской Федерации лекарственных препаратов;

3) медицинских изделий, имплантируемых в организм человека;

4) компонентов крови;

5) видов лечебного питания, включая специализированные продукты лечебного питания;

6) иного исходя из особенностей заболевания (состояния).

О качестве медицинской услуги говорится и в других статьях Закона № 323. Так, например, ст. 10 закрепляет восемь критериев доступности и качества медицинской помощи. Во-первых, медицинская помощь должна оказываться возможностью выбора медицинской организации и врача в соответствии с Законом № 323. Во-вторых, качество медицинской помощи определяется обеспеченностью медицинскими кадрами, их профессиональной подготовкой, рациональной расстановкой и использованием, организацией труда врачей, средних медицинских работников и прочего персонала, что соответствует критериям, установленным законом.

Отметим, что правовой статус медицинской организации – категория сложная, состоящая из множества отраслевых правовых статусов. Чаще всего в качестве такой организации оказывается учреждение, которое является многофункциональным, сложным объектом управления. В таком учреждении помимо основной (медицинской) деятельности также осуществляется ряд хозяйственных, финансовых, кадровых и других функций в пределах, предусмотренных законодательством и уставом учреждения. Данные виды деятельности, в свою очередь, регулируются различными отраслями права: гражданским, конституционным, правом социального обеспечения, трудовым, финансовым и т. д.

Однако вместо обеспечения медицинских организаций необходимой материально-технической базой, Правительство Российской Феде-

рации в целях повышения уровня развития системы здравоохранения¹ приняло решение о ликвидации неэффективных медицинских организаций, что привело к снижению их числа. Согласно официальным данным федеральной службы государственной статистики, число медицинских организаций в России с 2000 г. сократилось в два раза – с 10,7 до 5,4 тыс. организаций [4]. Особенно болезненным процесс, так называемой, оптимизации оказался для субъектов Российской Федерации и населенных пунктов, в которых медицинская организация является единственной.

Поскольку более 80 % среди всех организационно-правовых форм медицинских организаций – это учреждения², то по общему правилу их ликвидация осуществляется в соответствие с нормами гражданского законодательства. Стоит отметить, что такой процесс обладает определенной спецификой, в частности, ликвидация подобных организаций осуществляется с соблюдением законодательства об охране здоровья граждан и при участии органов исполнительной власти и органов муниципальной власти.

До начала 2016 г. при ликвидации таких организаций не существовало никаких гарантий прав жителей данных местностей. С принятием поправок в Закон № 323 была введена норма п. 20 ст. 16., в соответствии с которой орган исполнительной власти субъекта или орган местного самоуправления мог бы принимать решение по медицинскому учреждению только на основании положительного заключения комиссии по оценке последствий такого решения.

В состав такой комиссии на тот момент согласно Закону № 323 входят представители законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, представительного органа муниципального образования, на территории которого находится медицинская организация или ее обособленное подразделение, органа местного самоуправления [5], осуществляющего

¹ Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты»). Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения в городе Москве : распоряжение Правительства Москвы от 02 апр. 2013 г. № 178-РП; Об утверждении методических рекомендаций по разработке органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации планов мероприятий («дорожных карт») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения в субъекте Российской Федерации» : приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 дек. 2012 г. № 1706.

² URL: <http://www.gks.ru/>.

полномочия учредителя медицинской организации, медицинских профессиональных некоммерческих организаций и общественных объединений по защите прав граждан в сфере охраны здоровья. Все участники комиссии осуществляют свои действия в ее составе на паритетных началах, в равных долях.

На основании п. 5 ч. 3 ст. 76 Закона № 323 для участия медицинских профессиональных некоммерческих организаций в работе ликвидационной комиссии необходимо не менее 25 % от общей численности врачей на территории субъекта Российской Федерации.

С внесением такой поправки правовое положение жителей городов и других муниципальных образований не улучшается. Например, эксперты рабочей группы Общероссийский народный фронт (далее – ОНФ) «Социальная справедливость» полагали, что снижение доступности медицинской помощи и рост смертности являются следствием того, что решения по оптимизации медицинских организаций принимаются без должного обсуждения. Таким образом, в регионах происходит повальное сокращение без малейшего соблюдения прав граждан. Основная проблема при этом состоит в отсутствии правового регулирования данного обсуждения. По инициативе Президента Российской Федерации в декабре 2017 г. была внесена очередная поправка в Закон № 323 и введена в действие ст. 29.1, регулирующая ликвидацию медицинских организаций, прекращение деятельности обособленных подразделений медицинских организаций. Данная норма вводит новую гарантию прав граждан – учет мнения жителей данного сельского населенного пункта, выраженного по результатам общественных (публичных) слушаний, проведение которых организуется исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющим полномочия учредителя указанной медицинской организации.

Проведение публичных слушаний регламентировано ст. 25 ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [6]. Исходя из смысла данной статьи – численность присутствующих на данном слушании жителей значение не имеет. Отсутствие согласия жителей не обязывает орган исполнительной власти отказываться от ликвидации медицинской организации, потому что производится лишь учет мнения, т. е. носит рекомендательный характер проведение таких слушаний.

Таким образом, «рычагов влияния» для граждан (как медицинских работников, так и жителей), зависящих от жизнедеятельности конкретной медицинской организации на процедуру ее ликвидации, по-

прежнему нет. Это в корне противоречит положению, предусмотренному ст. 4 закона № 323. В ней закреплён основополагающий принцип – доступности и качества медицинской помощи, приоритета интересов пациента при оказании медицинской помощи, в частности, организации оказания медицинской помощи пациенту с учетом рационального использования его времени; неотчуждаемым правам граждан на медицинскую помощь, устанавливаемых Конституцией Российской Федерации [7]; а самое главное – данные принципы систематически нарушаются на практике.

Поэтому необходимо, во-первых, осуществлять контроль за тем, чтобы большинство жителей были своевременно уведомлены о возможной ликвидации данного учреждения и имели действительную возможность участвовать в слушаниях, во-вторых, чтобы на публичных слушаниях мнение граждан не просто учитывалось, а существенным образом влияло на принятие решения. Таким образом, абсолютно необходимо утвердить голос жителей населенного пункта как решающий в принятии решения о ликвидации.

В целом с принятием Закона № 323 произошли значительные изменения правового регулирования в сфере здравоохранения, воспринимая как зарубежную практику, так и опыт в развитии российского законодательства. Впервые четко классифицируется медицинская помощь по формам и видам, вводятся нормы, ранее отсутствовавшие в законодательстве, устанавливается дефинитивный аппарат, закрепляющий основные понятия медицинского законодательства; устанавливаются критерии медицинской помощи и др. Однако следует отметить, что, несмотря на реформирование этого закона, отдельные проблемы, к сожалению, так и остались неразрешенными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Основы законодательства об охране здоровья граждан : закон РФ от 22 июля 1993 г. № 5487-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1318 (утратил силу).
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
3. Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи : приказ от 15 июля 2016 г. № 520н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2016. – № 36.
4. *Берилло М. С.* Основания освобождения медицинской организации от ответственности за причинение вреда здоровью пациента: автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. С. Берилло. – Томск, 2014. – 25 с.

5. *Чердакова Л. А.* Некоторые особенности правоспособности муниципальных образований в гражданских правоотношениях // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции : материалы XIV Междунар. заочной науч.-практ. конф. – М, 2013. – С. 31–36.
6. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Рос. газ. – 2014. – № 6435.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.

УДК 372.8:811

А. И. Середа *

КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье анализируется коммуникативно-деятельностный подход в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе. Реализация данного подхода способствует решению главной задачи обучения иностранному языку – формированию иноязычной коммуникативной компетенции, так как направлен на активную и творческую деятельность обучающегося в освоении иноязычной коммуникации. Содержанием обучения в реализации данного подхода является система упражнений, используемая автором статьи в обучении иноязычной коммуникации студентов вуза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *иностраннный язык, технический вуз, коммуникативно-деятельностный подход, иноязычная коммуникация, формирование иноязычной коммуникативной компетенции.*

L. I. Sereda

COMMUNICATIVE-ACTIVITY APPROACH IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN THE TECHNICAL UNIVERSITY

The article's author analyzes communicative-activity approach in teaching a foreign language in the technical university. The realization of this approach contributes to the solution of a main task of teaching a foreign language – formation of a foreign communicative competence because it directs to an different and creative activity of students in the mastering of foreign communication. The content of teaching in the realization of this approach is a system of exercises, which is used by the article's author in teaching of foreign communication of students.

KEYWORDS: *foreign language, technical university, communicative-activity approach, foreign communication, formation of foreign communicative competence.*

Дисциплина «Иностранный язык» в системе технического вуза характеризуется тем, что в отличие от других дисциплин содержание обучения иностранному языку составляют не основы наук, а обучение ино-

* *Середа Лариса Ильдизаровна, кандидат педагогических наук, доцент Забайкальского института железнодорожного транспорта Иркутского государственного университета путей сообщения.*

язычной коммуникации, т. е. таким видам деятельности, как говорению, аудированию, чтению и письму. Иностранный язык для будущих специалистов, планирующих работать в различных сферах промышленности и экономики, играет особенно важную роль, так как дает возможность не только личностного и интеллектуального развития, но и расширения профессиональных предпочтений. Специалист, владеющий иностранным языком, имеет большие перспективы в профессиональном развитии и становлении, так как он может повышать свою квалификацию специалиста и в зарубежных странах.

Сегодня процесс обучения иностранным языкам в технических вузах характеризуется применением различных коммуникативных методик, технологий, приемов, активно способствующих формированию практических навыков говорения. Преподаватели иностранных языков используют различные интерактивные методы обучения, интернет-ресурсы, компьютерные технологии и др. Так, Ю. Э. Мюллер отмечает, что «использование информационно-коммуникационных технологий и методов электронного обучения ... позволяет повысить эффективность образовательного процесса» [6, с. 160]. И сами обучающиеся постоянно стремятся к совершенствованию навыков говорения, участвуя в языковых олимпиадах, языковых клубах и курсах, контактируя с иностранными сверстниками в режиме он-лайн [1].

Мы согласны с мнением Е. А. Карабутовой и Л. Н. Колчинцевой о том, что обучение иностранному языку в высшей неязыковой школе направлено на формирование способности воспринимать чужую и формулировать свою мысль средствами иностранного языка в разных видах речевой деятельности, на развитие у студентов коммуникативной компетенции, т. е. способности к использованию изучаемого языка как инструмента повседневного и профессионального общения, обусловленного коммуникативно-познавательной потребностью [5, с. 131].

Мы полагаем, что реализация коммуникативно-деятельностного подхода в процессе обучения иностранному языку в полной мере способствует решению такой главной задачи, как формирование иноязычной коммуникативной компетенции. В результате проведенного исследования [11] мы пришли к выводу, что коммуникативно-деятельностный подход ставит в центр обучения иностранному языку такую схему общения, как «субъект – субъект», т.е. обучающийся выступает как активный, творческий субъект учебной деятельности, управляемой педагогом, и в том числе способствует развитию способности к коммуникации в различных сферах, включая и профессиональную. Данный подход позволяет реализовать принцип индивидуализации, так как овладение коммуникативной функцией иностранного языка

предполагает учет индивидуальных особенностей обучающегося, учет интересов студентов, их способностей и наклонностей.

Коммуникативно-деятельностный подход имеет большие перспективы для развития интеллектуальных возможностей студентов. Ориентируясь на общение и активную деятельность студента, основным при его осуществлении является выработка мышления и поведенческих умений. Обучение иноязычной коммуникации, вовлечение личности в деятельность в течение учебного процесса, формирование способности постоянно трудиться непременно приведут к повышению профессиональной компетентности будущих специалистов.

Проанализируем теоретические основы, положенные в разработку коммуникативно-деятельностного подхода.

В основу данного подхода положены идеи, выдвинутые ведущими психологами и педагогами в нашей стране и за рубежом. Коммуникативное направление разрабатывалось И. Л. Бим, П. Б. Гурвичем, Г. В. Роговой, В. Л. Скалкиным, Е. И. Пассовым, Г. Лозановым, Г. Э. Пифо, Р. Олрайтом, Г. Уидсоном и многими другими учеными. Теория деятельности развивалась С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, К. А. Абульхановой-Славской, деятельностная методика – И. Л. Бим, М. А. Давыдовой и др.

В реализации коммуникативно-деятельностного подхода мы придерживаемся известного научного тезиса С. Л. Рубинштейна о том, что деятельность – это форма активного целенаправленного взаимодействия человека с окружающим миром (включающим и других людей). Самое широкое философское определение деятельности – это способ существования человека и общества в целом. Способ существования человека, в свою очередь, состоит в активном отношении человека к миру, направленном на его целесообразное изменение и преобразование. В диалектико-материалистическом понимании деятельности, прежде всего, утверждается ее предметный, человеческий характер, единство в ней предметного и чувственного. Деятельность совершается определенным человеком – субъектом или совокупностью субъектов, или определенной человеческой общностью. Наличие субъекта деятельности очень существенно для психологической интерпретации этого явления. Человек как субъект деятельности организует, направляет ее. В то же время сама деятельность формирует человека как ее субъекта. Согласно А. Н. Леонтьеву, основными характеристиками деятельности являются предметность, мотивированность, целенаправленность, осознанность [6]. Также в деятельности выделяется внешняя структура, или строение, где действие выступает как единица деятельности, а операции – суть способа реализации действия.

С. А. Смирнов утверждает, что деятельностный подход требует специальной работы по выбору и организации деятельности обучающегося, по активизации и переводу его в позицию субъекта познания, труда и общения [9, с. 78]. Это, в свою очередь, предполагает обучение ребенка выбору цели и планированию деятельности, ее организации и регулированию, контролю, самоанализу и оценке результатов деятельности. Согласно мнению С.Н. Вахрушевой, основой деятельностного подхода является гармония знаний, действий и отношений [3, с. 57].

В рамках темы нашей статьи важно также рассмотреть понятия учебной деятельности и речевой деятельности. Понятие учебной деятельности многогранно и неоднозначно, поэтому мы будем придерживаться определения И. А. Зимней, которая, на наш взгляд, справедливо утверждает, что учебная деятельность – это деятельность субъекта по овладению обобщенными способами учебных действий и саморазвитию в процессе решения им посредством учебных действий специально поставленных учителем учебных задач на основе внешнего контроля и оценки, переходящих в самоконтроль и самооценку самого ученика [4, с. 93].

При обучении иностранному языку выделяют понятие речевой деятельности. Согласно мнению И. А. Зимней, речевая деятельность является средством осуществления вербального общения как формы взаимодействия людей [4, с. 9]. Б. В. Беляев под иноязычно-речевой деятельностью понимает: 1) речь как процесс общения, 2) иноязычно-речевую практику, тренировку [2, с. 17]. Эта иноязычно-речевая деятельность как тренировка обеспечивает формирование вторичных умений выражать собственную мысль, читать, писать. Исследователями выделяются три уровня деятельности, в том числе и речевой деятельности. Это мотивационно-побудительный, ориентировочно-исследовательский и исполнительный. Речевая деятельность характеризуется предметным содержанием. В него включаются такие компоненты, как предмет, средства, способы, продукт, результат. Как известно, видами речевой деятельности являются – говорение, аудирование, чтение, письмо. Итак, важным аспектом в реализации коммуникативно-деятельностного подхода в обучении иностранному языку является деятельность как форма активного целенаправленного взаимодействия обучающегося с окружающим миром. Учебная деятельность студента, в целом, заключается в овладении способами учебных действий, а также в саморазвитии в процессе решения им посредством этих учебных действий учебных задач, поставленных педагогом. Учебная деятельность студента контролируется и оценивается, что переходит в самоконтроль и самооценку. При изучении иностранного языка основным видом дея-

тельности является речевая деятельность, представляющая собой разговор, общение с преподавателем, одноклассниками. Речевая деятельность на занятии побуждается, организуется, контролируется преподавателем.

В основу коммуникативно-деятельностного подхода положены идеи коммуникативной методики обучения иноязычному говорению, разработанные И. Л. Бим, М. Д. Зиновьевой, А. С. Карповым, Е. И. Пассовым и др. Ими были рассмотрены сущность, принципы и содержание коммуникативного метода обучения иноязычному говорению.

Е. И. Пассов определяет метод как систему функционально взаимообусловленных частных методических принципов, объединенных единой стратегической идеей, направленную на обучение какому-либо виду речевой деятельности [8, с. 33]. Такой идеей для коммуникативного метода является коммуникативность обучения. Коммуникативность рассматривается в качестве категории методики как науки и заключается в подобии процесса обучения процессу коммуникации. Иначе говоря, коммуникативный метод основан на том, что процесс обучения является моделью процесса общения. Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой определяет коммуникацию как обмен мыслями, сообщение или передачу при помощи языка некоторого мысленного содержания. Коммуникация предполагает двоих и более людей, владеющих общим языком. Таким образом, коммуникативный метод рассматривается как средство обучения говорению.

На основе объяснения сущности коммуникативности Е. И. Пассов определяет принципы данного метода [8]. Принципами коммуникативного метода являются:

- принцип речемыслительной активности;
- принцип индивидуализации при ведущей роли ее личностного аспекта;
- принцип функциональности;
- принцип ситуативности;
- принцип новизны.

Указанные принципы являются частнометодическими, что обеспечивает дифференцированность коммуникативного метода.

Основой для отбора содержания обучения при выделенном подходе может стать какая-либо проблема. Согласно И. А. Зимней, нужен такой предмет говорения, который мог бы встретиться с коммуникативной потребностью и, опредмечивая ее, стать внутренним мотивом говорения [4]. Мы полагаем, что в содержание обучения должен входить тот материал, с которым студенты могут встретиться после окончания вуза. Согласно авторам коммуникативной методики, основой для содержания

обучения говорению являются те элементы, которые отражаются в сознании людей, а именно:

- 1) общественное событие;
- 2) поступок, сообщаемый или наблюдаемый;
- 3) общественный факт, установленный объективно;
- 4) факт из деятельности людей, не отражающийся на окружающих;
- 5) понятие, в которое каждый вкладывает личный смысл;
- 6) объективная сентенция, которая, однако, подходит не для всех людей и случаев жизни;
- 7) спорное объективное утверждение;
- 8) массовое явление или какой-либо предмет, вызывающие интерес, недоумение и т. д.

Таким образом, проблема – это то, что подлежит обсуждению, осмыслению и выражению собственного мнения. В проблеме заключен прошлый опыт людей; любой предмет обсуждения служит поначалу стимулом к речевой деятельности: он накладывается на контексты деятельности общающихся и, если он лично значим, то возникает ситуация как система взаимоотношений. Затем актуальный предмет обсуждения «уходит в опыт», становится его достоянием.

Согласно коммуникативной методике формирование речевых навыков осуществляется за счет использования условно-речевых упражнений, в число которых входят имитативные, подстановочные, трансформационные, репродуктивные. Условно-речевые упражнения моделируют то, что имеет место в реальном речевом общении. В любой фразе, звучащей в процессе общения, заложен определенный логический контекст, который может быть вскрыт репликами лишь определенного содержания. Развитие речевых умений происходит посредством речевых упражнений, которые обеспечивают наличие речевой стратегии и тактики говорящего, актуализируют взаимоотношения участников общения, развивают речевую активность и самостоятельность говорящего, обеспечивают вербальное и структурное разнообразие высказывания.

На основе проведенного исследования для реализации коммуникативно-деятельностного подхода нами была разработана система упражнений, которая представляет собой содержание обучения иностранному языку в техническом вузе. Обычно процесс обучения иностранному языку в техническом вузе строится на учебных текстах с определенной тематикой – общепопулярной или профессионально ориентированной. Как правило, работа над учебным текстом начинается с ознакомления с актуальными терминами и словами и их закрепления в

различных упражнениях. Примером могут послужить следующие упражнения [12, с. 20]:

I. Найдите в правой колонке перевод слова.

1) иметь в своем распоряжении	a) ablegen, b) enden,
c) verfügen über, d) legen;
2) существовать с	a) bestehen seit, b) lesen,
c) fragen, d) schreiben;
3) учиться в вузе	a) lernen, b) lehren,
c) studieren, d) unterrichten;
4) отчислять	a) immatrikulieren,
b) einschreiben,
c) exmatrikulieren,
d) beenden;
5) готовить (специалистов)	a) abfertigen, b) ausbilden,
c) lernen, d) ausschreiben;
6) преподаватель вуза	a) der Lehrer, b) der Leiter,
c) der Hochschullehrer,
d) der Chef;
7) студент	a) der Student, b) der Schüler,
c) der Junge, d) das Kind;
8) экзамен	a) die Vorprüfung,
b) die Prüfung, c) der Schein,
d) die Vorlesung;
9) учебный процесс	a) die Veranstaltung,
b) der Lehrbetrieb,
c) das Studienjahr,
d) das Jahr;
10) кафедра	a) die Lehrkraft,
b) der Lehrstuhl,
c) das Lehrgebäude,
d) der Lesesaal;
11) отделение факультета	a) die Fakultät,
b) der Fachbereich,
c) die Hochschule,
d) die Schule;
12) учебный предмет	a) das Studium,
b) das Studienfach,
c) die Fachrichtung,
d) der Unterricht;

13) студенческое общежитие

- a) das Haus, b) das Gebäude,
- c) das Studentenwohnheim,
- d) das Heim.

II. Прочитайте текст, заменяя русские слова в скобках немецкими.

Die Sankt-Petersburger (университет) für Verkehrswege ist eine der ältesten russischen Transporthochschulen. Sie (существует) seit Dezember 1810. Die Universität hat sechs (факультеты). Das sind die Mechanische Fakultät, die Energetische Fakultät, die Fakultät für Eisenbahnelektrifizierung u.a. Die Universität (располагает) auch über eine Abendfakultät. In seinen Seminargebäuden sind viele Räume, (лекционные залы) und (аудитории). Außerdem hat (университет) einen Sportkomplex und ein Kulturhaus. Diese Hochschule hat einige (библиотеки). Unweit von der Hochschule befinden sich (студенческие общежития). (обучение) an dieser Lehranstalt dauert fünf Jahre. Die Studenten besuchen (лекции) und Seminare, machen Laborarbeiten und (сдают) Vorprüfungen und Examen.

Следующий этап работы над учебным текстом включает ознакомление с характерными грамматическими конструкциями, их анализ и тренировку в ходе выполнения подстановочных и трансформационных упражнений. Например, [12, с. 6]:

III. Запишите специальные вопросы (Wie, Wo, Was, Wer, Wofür) к следующим предложениям.

1. – *Wo studierst du?* – *Ich studiere an der Hochschule.*
2. – – *Ich heiße Alexander.*
3. – – *Ich arbeite bei der Eisenbahn.*
4. – – *Wir studieren viele Fächer.*
5. – – *Ich habe einen Deutschunterricht.*
6. – – *Marina fehlt heute. Sie ist krank.*
7. – – *Ich schreibe den E-Mail-Brief.*
8. – – *Sie trägt meine Tasche.*

9. – – Ich nehme nur meine Sachen.
10. – – Er interessiert sich für Physik.

Далее следует работа с предтекстовыми упражнениями, чтением текста и послетекстовыми упражнениями. Например: [12, с. 22].

IV. Выберите подходящее по смыслу слово.

1. Die Moskauer Staatliche ____ (1. Universität, 2. Schule, 3. Kindergarten) für Verkehrswege besteht seit 1896. 2. Das Studienjahr besteht aus zwei ____ (1. Monaten, 2. Jahren, 3. Semestern). 3. Im Oktober legen die Fernstudenten die ____ (1. Prüfungen, 2. Kontrollarbeiten, 3. Aufgaben) ab. 4. Im ____ (1. Oktober, 2. Dezember, 3. August) legen wir die Vorprüfungen ab. 5. In diesem ____ (1. Matrikelbuch, 2. Prüfungsabschnitt, 3. Leistungsnachweis) hat unsere Gruppe vier Vorprüfungen und fünf Prüfungen. 6. Ich ____ (1. arbeite, 2. studiere, 3. bin) Studentin. 7. ____ (1. Ich, 2. Ihr, 3. Wir) sind Studenten des ersten Studienjahres. 8. Ich ____ (1. bist, 2. bin, 3. ist) im dritten Studienjahr. 9. Alle Studenten ____ (1. lesen, 2. machen, 3. spielen) Texte während des Unterrichtes und machen Übungen. 10. Die ____ (1. Hochschulen, 2. Hauptschulen, 3. Schulen) für Bahnwesen bilden die Fachleute für die Eisenbahnen und Industriebetriebe unseres Landes aus. 11. Ich ____ (1. arbeite, 2. arbeitest, 3. arbeiten) heute im Computerraum. 12. Die Universität verfügt über zwei ____ (1. kurze, 2. große, 3. kalte) Bibliotheken.

V. Используя текст, составьте предложения из следующих слов. Обратите внимание на порядок слов в предложениях. Он может быть прямым или обратным.

1) ich, an der Transbaikalischen Hochschule für Bahnwesen, studiere; 2) besteht, seit 1956, die Hochschule; 3) ist, jetzt, unsere Hochschule, die strukturelle Unterteilung der Irkutsker Staatlichen Universität für Verkehrswege; 4) 4 Fakultäten, die Transbaikalische Hochschule für Bahnwesen, hat; 5) stehen; die Fachrichtungen für Eisenbahnbau, Eisenbahnbetrieb, Systeme der Sicherstellung des Zugverkehrs, Fahrzeuge; zur Verfügung den Studenten; 6) zu der Arbeit bei der Eisenbahn, bilden, aus, alle Fakultäten, die Fachleute, Industrie und Wirtschaft unseres Gebietes; 7) die Hochschule, über ein großes Lehrgebäude, verfügt; 8) es, Computerräume, gibt, auch; 9) die Studenten, an der Hochschule, studieren, aus allen Winkeln der Region Transbaikalien; 10) haben, viele Lehrkräfte, eine Doktorwürde; 11) jedes, aus zwei Semestern, Studienjahr, besteht; 12) am Ende des Semesters, die Prüfungen, jeder Student, legt, ab; 13) schreibt, jeder Student, eine Diplomarbeit, am Ende des Hochschulstudiums.

VI. Задайте друг другу следующие вопросы.

- 1) Wo studierst du?
- 2) Im welchen Studienjahr bist du?
- 3) Wie alt ist die Hochschule?
- 4) Wessen strukturelle Unterteilung ist deine Hochschule?
- 5) Wie viele und welche Fakultäten hat deine Hochschule?
- 6) Wie viele Studenten studieren an der Hochschule?
- 7) Welche allgemeinen Studienfächer studierst du?
- 8) Wie führen die Studenten der höheren Studienjahre die wissenschaftliche Arbeit?
- 9) Was machst du während des Semesters?
- 10) Wo machst du das Praktikum?
- 11) Wann beginnen die Studenten die Spezialfächer zu studieren?
- 12) Welche Räume gibt es im Lehrgebäude?
- 13) Wie viele Lehrkräfte arbeiten hier?
- 14) Wofür bildet die Hochschule die Fachleute aus?

Таким образом, главными составляющими коммуникативно-деятельностного подхода являются такие положения, как:

1. Учение рассматривается как активная, сознательная, творческая деятельность.

2. В процессе обучения проявляется активность познающего субъекта.

3. Иностранный язык служит средством общения. В этом заключается его коммуникативность.

4. Изучение иностранного языка имеет общую коммуникативную ориентацию, направленность на конечный результат, а именно – формирование всесторонне развитой, образованной личности, способной и готовой использовать иностранный язык как средство роста профессионального мастерства, средство установления взаимопонимания между народами.

5. Овладение средствами иностранного языка направлено на практическое использование их в речевой деятельности.

6. Средствами иностранного языка можно воздействовать на партнера по общению и получать информацию.

Из перечисленного следует вывод о том, что реализация коммуникативно-деятельностного подхода в обучении иностранному языку в техническом вузе в полной мере способствует комплексному развитию коммуникативной, когнитивной, информационной, социокультурной, профессиональной и социальной компетенций студентов, а в результате формированию иноязычной коммуникативной компетенции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Афони́на А. Н.* Формирование социокультурной компетенции у студентов во внеучебное время (на материале немецкого языка и культуры немецкоговорящих стран) / А. Н. Афони́на, Ю. Э. Мюллер, Ю. В. Пасько // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе : материалы межвузовской науч.-практ. конф. – М. : МГИМО (У) МИД РФ, 2016.
2. *Беляев Б. В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам / Б.В. Беляев. – М., 1965.
3. *Вахрушева С. Н.* Развитие познавательной самостоятельности студентов при изучении иностранного языка в неязыковом вузе : дис. ... канд. пед. наук / С. Н. Вахрушева. – Киров, 2000.
4. *Зимняя И. А.* Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 2008.
5. *Карабутова Е. А.* Когнитивно-коммуникативно-деятельностный подход к обучению студентов иноязычной речевой деятельности / Е. А. Карабутова, Л. Н. Колчинцева // Высшее образование в России. – 2014. – № 8.
6. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983.
7. *Мюллер Ю. Э.* Возможности обучающих ресурсов интернета для повышения эффективности обучения немецкому языку / Ю. Э. Мюллер // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения : сб. ст. – М. : Изд-во МПГУ, 2017.
8. *Пассов Е. И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1991.
9. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии : учеб. для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / С. А. Смирнов, И. Б. Котова, Е. Н. Шиянов и др. ; под ред. С. А. Смирнова. – 4-е изд., испр. – М. : Академия, 2001.
10. *Розов Н. С.* Ценности гуманитарного образования / Н. С. Розов // Высшее образование в России. – 1996. – № 1.
11. *Серёда Л. И.* Дисциплина «Иностранный язык» как средство гуманитаризации высшего технического образования : монография / Л. И. Серёда. – Чита : ЗаБИЖТ, 2008.
12. *Серёда Л. И.* Немецкий язык для студентов специалитета и бакалавриата : учеб. пособие / Л. И. Серёда. – Чита: ЗаБИЖТ, 2016.
13. *Смирнова Л. Н.* Из опыта использования интерактивных технологий в обучении немецкому языку / Л. Н. Смирнова // Россия и Европа: связь культуры и экономики : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. (28 февр. 2017 г.) / отв. ред. Н. В. Уварина. – Прага : Изд-во WORLD PRESS s.r.o., 2017.

Приглашаем к участию в нашем научном журнале. Здесь публикуются материалы, соответствующие следующим рубрикам:

- История
- Философия
- Культурология
- Психология
- Право и управление
- Теория и практика образования

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

Представляемые материалы (за исключением рекламных и информационных заметок о научных форумах, культурных мероприятиях, новых книгах) должны отвечать тематике журнала. Тексты статей присылаются на любом электронном носителе или по электронной почте письмом с вложением двух файлов:

1. Файл со статьей (должен быть назван по фамилии автора, например: «Петров. Статья.doc»).

2. Файл со сведениями об авторах включает: фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание и должность, полное название учреждения; контактный телефон и e-mail (должен называться, например: «Петров. Справка.doc»).

ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТА

На первой строке слева – индекс УДК. На следующей строке справа размещаются инициалы и фамилия автора(ов): строчными буквами, жирным шрифтом, 14 кегль (отсюда же ссылкой внизу страницы прописываются полностью ФИО, научная степень, должность и место работы, город, e-mail). На следующей строке – название статьи прописными буквами, жирным шрифтом, 14 кегль, выравнивание по центру. Ниже – аннотация и ключевые слова на русском языке, выравнивание по ширине, 12 кегль, курсив.

Ниже, через одну строку, в таком же порядке прописываются все эти же данные на английском языке.

Через два интервала следует текст:

1) параметры страницы: размер бумаги – А4; ориентация – книжная; поля: верхнее – 3 см, – все остальные 2,5 см.

2) параметры основного текста: стиль – обычный (Normal); шрифт – Times NRC, размер – 14 кегль, интервал одинарный, отступ первой строки – 10 мм, остальные – 0; выравнивание – по ширине;

– **не допускается ручное** форматирование текста (абзацные отступы, переносы, выравнивание текста и др.);

– расстановка переносов устанавливается **автоматическая**, переносы в словах из прописных букв **запретить**;

– страницы **не нумеруются**;

– таблицы, рисунки и формулы **не должны выходить** за текстовое поле (необходимо выдерживать размеры полей по всей странице).

3) Рисунки должны быть введены в текст и подписаны; графики и диаграммы оформляются аналогично. Подрисуночные подписи выполняются в основном тексте. Формулы вводятся с помощью редактора формул в одном окне для каждой отдельной формулы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК оформляется в соответствии с действующим ГОСТом 7.1-2003 или ГОСТом 7.05-2008. Рекомендуем все же при оформлении источников не забывать указывать название издательства и полный объем источника (количество страниц в книге, статье и т. п.). Источники располагать в порядке их упоминания в тексте статьи. Список печатается через один интервал 12 кеглем.

ССЫЛКИ (сноски) оформляются **по тексту в квадратных скобках**, где указывается порядковый номер источника в библиографическом списке и страница (том, опись, фонд, дело и др.), к которой автор желает направить читателя.

Примеры оформления статей можно найти на официальном сайте Иркутского государственного университета путей сообщения в разделе «Наука» – «Научные издания» – «Культура. Наука. Образование».

Редакция оставляет за собой право отбора и редактирования материалов для включения в очередной номер журнала. Электронные носители и рукописи авторам не возвращаются. По результатам обсуждения материалов редколлегией принимается решение: а) о публикации статьи, б) об отправке статьи на доработку в соответствии с замечаниями рецензента, в) об отказе в публикации статьи. Мотивированное заключение о необходимости доработки или об отказе в публикации направляется автору электронной почтой.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера, а также за точность данных библиографического списка.

Адрес для отправки материалов в журнал:

664674, Иркутск, ул. Чернышевского, 15,

Иркутский государственный университет путей сообщения, корп. Д, каб. 621 (кафедра философии и социально-гуманитарных наук).

Телефон для справок: (тел. (3952) 638399+0129; 638310+0129).

Материалы можно направлять электронной почтой:

- e-mail: tretvv@yandex.ru Третьяков Валерий Валерьевич, зам. главного редактора, кафедра философии и социально-гуманитарных наук,
т. 8-902-578-71-29
- e-mail: natali.swatos@yandex.ru Никифорова Наталья Викторовна, ответственный секретарь журнала,
т. 8-964-547-77-92

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (47) 2018

Редактор *А. В. Каверзина*
Оригинал-макет и обложка: *Н. Е. Кильдишева*

Подписано к печати 15.06.2018. Дата выхода 25.06.2018.
Формат 70×100¹/₁₆. Офсетная печать. Усл.-печ. л. 14,0.
План 2018 г. Тираж 500 экз. Заказ №

Бесплатно

Учредитель: Иркутский государственный университет путей сообщения
Адрес издательства и редакции: 664674, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15 (ИрГУПС),
корп. Д, каб. 621, кафедра философии и социальных наук
Тел.: (8-3952) 638-311 (01-47, 01-29)

Отпечатано в типографии ООО «Бланк», ИП «Зими́на С.В.»
Иркутск, улица Рабочего Штаба, 9/1
